

Г. Гегель.

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ

БІОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА

„Пров

ГЕГЕЛЬ

ЕГО ЖИЗНЬ И ФИЛОСОФСКАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

Е. Соловьева

2560

Съ портретомъ Гегеля, гравированнымъ
въ Лейпцигѣ Геданомъ.

ЦѢНА 25 КОП.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ГАЗ. „НОВОСТИ“, ЕКАТЕРИНИНСКІЙ КАН., № 113.
1891.

25 фил.

Популярно-научныя книги.

ПРЕДСКАЗАНІЕ ПОГОДЫ Далле. Перев съ франц Съ 41 рис Цѣна 1 р. 25 к.
ФИЗІОЛОГІЯ ДУШИ А. Герцена профессора Лозан университета. Предисл Герцена-отца Съ франц Ц. 1 р
МІРЪ ГРЕЗЪ Дра Кимона Сновидѣн. галлюцинаціи, сомнамбулизмъ, экстазъ, гипнотизмъ, индуси Съ франц Ц. 1 р
РУЧНОЙ ТРУДЪ Составилъ Графинья Домашнія занятія ремеслами. Съ франц 400 рис Ц 1 р 50 к
ЭКСТАЗЫ ЧЕЛОВѢКА П Мантегацца Пер съ 5-го итальян изд Ц 1 р 50 к
ПРОГРЕССЪ НРАВСТВЕННОСТИ Летурно Перевела съ франц Эл Зауеръ Ц 1 р 50 к
УМСТВЕННЫЯ ЭПИДЕМІИ. Д-ра Ремьяра Перевела съ франц Эл. Зауеръ Съ 110 рис Ц. 1 р 75 к
КОТОРЫЙ ЧАСЪ? И. Вавилова. Провѣрка часовъ безъ помощи часовщика и устройство солнеч часовъ Съ 13 рис Одобрено Академіей Наукъ Цѣна 30 к
СВѢТЪ БОЖІЙ Популярные очерки міроздѣнія. 5-е изданіе, въ первый разъ иллюстрированное 60 рис Ц. 30 к.
ОБЩЕДОСТУПНАЯ АСТРОНОМІЯ Фламмаріона Съ франц 100 рис Ц 1 р. 25 к
ЭЛЕКТРИЧЕСКІЕ АККУМУЛЯТОРЫ. Э Ренье Перевелъ и дополнилъ Д. Головъ Съ 76 рис Цѣна 1 р 25 к
ЭЛЕКТРИЧЕСКОЕ ОСВѢЩЕНІЕ В. Чиколева съ 151 рис. Ц 2 р 50 к.
ЧУДЕСА ТЕХНИКИ И ЭЛЕКТРИЧЕСТВА. В Чиколева Ц 30 к
О БЕЗОПАСНОСТИ ЭЛЕКТРИЧ. ОСВѢЩЕНІЯ В Чиколева Ц. 25 к
ЭЛЕКТРИЧЕСТВО И МАГНИТИЗМЪ А Гано и Ж Макеярье Перев Ф Павленкова, В Черкасова и С Степанова Съ 540 рис. Ц 1 р 50 к
СПРАВОЧНАЯ КНИЖКА ПО ЭЛЕКТРОТЕХНИКѢ. В Чиколева. Ц. 75 к

БЕРЕГИТЕ ЛЕГКІЯ Гигіеническія бесѣды д-ра Нимейера. Съ 30 рисунками Ц 75 к
ЖИЗНЬ НА СѢВЕРѢ И ЮГѢ. А. Брема (Дополненіе къ „Жизни животныхъ") Со многими рисунками Цѣна 2 р.
ТЕЛЕФОНЪ И ЕГО ПРАКТИЧЕСКІЯ ПРИМѢНЕНІЯ Д-ра Мейера и Приса. Съ 293 рис. Ц 2 р. 50 к
ЭЛЕКТРИЧЕСКІЕ ЭЛЕМЕНТЫ. Ніоде Переводъ съ французск. Со многими рисунками. Ц. 2 р.

ПОПУЛЯРНЫЯ ЛЕКЦІИ ОБЪ ЭЛЕКТРИЧЕСТВѢ И МАГНИТИЗМѢ О. Хвольсона Съ 230 рис. 2-е изданіе. Ц 2 р
ГЛАВНѢЙШІЯ ПРИЛОЖЕНІЯ ЭЛЕКТРИЧЕСТВА. Э. Госпиталье. Пер С. Степанова, со 145 рис. 2-е изд. Ц 2 р 50 к
ЭЛЕКТРИЧЕСТВО ВЪ ДОМАШНЕМЪ БЫТУ Э Госпиталье Пер съ франц. С Степанова. Со 157 рис Ц 2 р.
ЭЛЕКТРИЧЕСКІЕ ЗВОНКИ Боттона Съ краткими свѣдѣніями о воздушныхъ звонкахъ Съ 114 рис. Перев съ англійскаго и дополнилъ Д. Головъ Ц 1 р
СОВРЕМЕННЫЕ ПСИХОПАТЫ Д-ра Кюлпера Переводъ съ франц Ц 1 р. 50 к
ПСИХОЛОГІЯ ВНИМАНІЯ Д-ра Рибо. Переводъ съ французскаго Ц 50 к
ПСИХОЛОГІЯ ВЕЛИК ЛЮДЕЙ Жолли. Перев съ франц 2 е изд Ц 1 р
ГЕНІАЛЬНОСТЬ И ПОМѢШАТЕЛЬСТВО Ц Ломброзо Съ рис Ц 2 р
ЧТО СДѢЛАЛЪ ДЛЯ НАУКИ Ч. ДАРВИНЪ? Съ портретомъ Дарвина Переводъ Г Лопатина, Ц 75 к
ХЛѢБНЫЙ ЖУКЪ. Чтеніе для народа. съ 9 рис Барона Н. Корфа Ц 10 к
ВРЕДНЫЯ ПОЛЕВЫЯ НАСѢКОМЫЯ. Сост. И Иверсенъ Съ 43 рис Ц 80 к.
ВОЗДУШНОЕ САДОВОДСТВО. Н. Жуковскаго Съ 72-мя рис Ц. 60 к
ЭЙФЕЛЕВА БАШНЯ. Сост Г. Тиссандье. Съ рис Переводъ съ француз Ц 50 к
СОЦІАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ ЖИВОТНЫХЪ Эспинаса. Перев съ франц Ф Павленковъ. 500 стр. Ц 2 р 50 к
ЧАСТНАЯ МЕДИЦИНСКАЯ ДІАГНОСТИКА. Профес. Да-Коста Съ нѣм 704 стр., 48 рис Ц 3 р 50 к
ЕДИНСТВО ФИЗИЧЕСКИХЪ СИЛЪ. Опытъ популярно-научной философіи. А Секки. Перев съ франц Ф Павленкова 2-е изд. Ц. 2 р. 50 к.

ДОМАШНЕЕ ЭЛЕКТРИЧЕСКОЕ ОСВѢЩЕНІЕ. Д. Селомениса. Перев. съ англійск. Д Головъ. Со мног. рисун. Ц. 1 р.
НА ВСЯКІЙ СЛУЧАЙ! Научно-практическіе совѣты сельскимъ хозяевамъ. А Аллемедингена Ц 60 к.
ПЕРВОБЫТНЫЕ ЛЮДИ. Дебьера Перев. съ французск М. Энгельгардта. С многими рисун. Ц. 1 р.
ДАРВИНИЗМЪ Популярное изложеніе ученія Дарвина въ примѣненіи къ жизни растеній, животныхъ и человѣка. Ц. 60 к

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 18-го мая 1891 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

I. Введеніе . . . . . 5.

II. Дѣтство и отрочество . . . . . 10.

III. Юность.—Тюбингенскій университетъ.—Дружба съ Гельдерлиномъ.—Sturm und Drang . . . . . 20.

IV. Бернъ.—Франкфуртъ-на-Майнѣ.—Занятія политикой.—Переѣздъ въ Іену . . . . . 36.

V. Іена.—Гегель и романтики. . . . . 43.

VI. Іена. — Профессорская дѣятельность. — Отношенія къ Шеллингу . . . . . 49.

VII. Философія и публицистика . . . . . 63.

VIII. Берлинъ. 85

IX. Заключеніе.—Личность Гегеля . . . . . 92.

ГЛАВНѢЙШІЯ ПОСОБІЯ.

---

1) *Гаймъ*, «Гегель и его время».

2) *K. Rosenkranz*, «Hegel's Leben»

3) Briefe von und an Hegel. Leipzig 1887. 2 т.

4) *Rosenkranz*, «Apologie Hegels gegen Haym».

5) «Гегелизмъ.» Библ. дл. чтенія, томы: 149, 151, 153, 155.

6) *А. Д. Градовскій*. Политическая философія Гегеля.

7) *T. Harms*. Zur Erinnerung an Hegel.

8) A. Véra. Essais de Phil hégélienne.

9) Beaussire. Antécéd de l'hégélianisme и мн. др.

I.

ВВЕДЕНІЕ.

Если мы, русскіе люди, хотимъ ознакомиться съ умственною жизнью нашего общества 30-хъ, 40-хъ и отчасти 50-хъ годовъ, намъ нельзя миновать философской системы *Гегеля* или, по меньшей мѣрѣ, обстоятельнаго очерка о ней. Были дни, когда діалектическія тонкости и хитросплетенія берлинскаго мудреца безраздѣльно властвовали надъ лучшими умами въ Россіи, и эти дни по своимъ богатымъ результатамъ навсегда останутся свѣтлымъ воспоминаніемъ для русской интеллигенціи. Тогда многіе честные люди смотрѣли на знакомство съ философіей Гегеля, какъ на *нравственное* обязательство, и даже принуждали себя къ нему. Къ такимъ принадлежалъ напр. Станкевичъ. Мы знаемъ, что цѣлый періодъ умственнаго развитія Бѣлинскаго совершался подъ знаменемъ гегелизма. Правда, Бѣлинскій быстро отдѣлался отъ очарованія, производимаго „Егоръ Ѳедоровичемъ" Гегелемъ, но вѣдь Бѣлинскій, по своей оригинальности,—натура слишкомъ уже исключительная. Упомянемъ еще имена Грановскаго, Тургенева и др., и мы увидимъ, что философская система Гегеля, несмотря на всю свою несомнѣнную туманность, была какъ-бы откровеніемъ для русской интеллигенціи. Ей мы обязаны появленіемъ двухъ наиболѣе плодотворныхъ теченій нашей мысли: западничества и славянофильства. Ей когда-то мы вѣрили съ тѣмъ самоотверженіемъ, тою горячностью, которыя характеризуютъ несамостоятельную еще мысль, судорожно хватающуюся за иллюзію, способную повидимому освѣтить весь жизненный путь до послѣдняго верстового столба у кладбища и даже за нимъ. На ней выросло поколѣніе сороковыхъ годовъ, поколѣніе самое богатое и мощное,

и, за исключеніемъ позитивизма, своимъ *формальнымъ* развитіемъ русская мысль наиболѣе обязана Гегелю

Быть можетъ, кто-нибудь, читавшій или только пытавшійся читать Гегеля, найдетъ въ этомъ фактѣ немало поразительнаго. Мы такъ далеко ушли отъ Гегеля и отъ его способа мышленія, такъ привыкли къ другимъ способамъ разсужденія, что Гегель уже не можетъ соблазнить насъ, несмотря на все свое остроуміе, а чтеніе его книгъ вызываетъ въ насъ совершенно основательную скуку и недоумѣніе.

Но тогда было другое время.

Русскіе люди не открыли Гегеля, а только подражали западу въ восторгахъ передъ всеобъемляющей системой берлинскаго мудреца. Если теперь мы признаемъ только извѣстнаго рода пользу за этими грудами акробатической діалектики, то въ 20-хъ и 30-хъ годахъ увлеченіе философской системой Гегеля представляется въ слѣдующемъ видѣ: „несомнѣнно, говоритъ Гаймъ (1857 г.), что еще многимъ изъ живущихъ памятно то время, когда всѣ знанія питались отъ роскошно убраннаго стола гегелевой мудрости, когда всѣ факультеты толпились въ прихожей философскаго факультета, съ цѣлью хотя что-нибудь усвоить себѣ изъ возвышеннаго разсмотрѣнія абсолютнаго существа и изъ неуловимой гибкости прославленной гегелевской діалектики, когда всякій былъ или правовѣрнымъ послѣдователемъ Гегеля, или варваромъ, идіотомъ, отсталымъ человѣкомъ, презрѣннымъ эмпирикомъ; наконецъ, когда само государство считало себя безопаснымъ и прочнымъ оттого, что старикъ Гегель построилъ его на началахъ разумности и необходимости, и потому на искавшаго духовной должности или званія наставника, ежели онъ не былъ гегелистомъ, смотрѣли у насъ какъ на преступника. Эти-то времена надо возобновить въ своей памяти, чтобы понять вполнѣ, въ чемъ заключается настоящая сила и важность значенія какой-нибудь философской системы. Необходимо со всей живостью представить себѣ восторженность и самоувѣренность гегеліанцевъ 30-хъ годовъ, которые съ глубокой серьезностью предлагали вопросъ: „что будетъ составлять дальнѣйшее содержаніе всемірной исторіи, послѣ того, какъ міровой духъ достигъ въ Гегелевой философіи своей послѣдней цѣли,—знанія самого себя?“

И такъ, съ точки зрѣнія современниковъ, Гегель понялъ и

и объяснилъ все; если теперь его система рухнула, если теперь чистые гегеліанцы исчезли съ лица земли, какъ какая-нибудь вымершая порода людей, то десятилѣтіе 1825—1835 по справедливости можетъ называться эпохой гегелизма, и не только для одной Германіи.

И это, несмотря на всю трудность, подчасъ непреоборимую, гегелевой діалектики, несмотря на полную произвольность основныхъ положеній системы, несмотря на яркую, иногда грубую догматичность, такъ глубоко противорѣчащую духу новой и новѣйшей Европы? Да, несмотря.

Остановимся на минуту на формѣ произведеній Гегеля, этой „колючей скорлупѣ, подъ которой скрывается миражеобразная истина", чтобы оцѣнить вполнѣ самоотверженіе безчисленныхъ учениковъ, проникавшихъ, болѣе того,—считавшихъ нравственною своею обязанностью проникнуть въ сущность ученія великаго мудреца. Вотъ что говоритъ объ этой формѣ Гаймъ, лучшій (пока) толкователь и критикъ философской системы Гегеля: „Гегель никогда не былъ мастеромъ ни въ изустной рѣчи, ни въ письмѣ. Гете находилъ въ немъ недостатокъ легкости въ изображеніяхъ; В. Гумбольдтъ предполагалъ въ немъ неразвитость способности владѣть языкомъ. Это можно замѣтить даже и въ ту эпоху, когда онъ вполнѣ созналъ задачу созданной имъ системы. До этого цѣлые годы онъ горячо борется съ первыми рождающимися образами мысли. Чему-же удивляться, если при его способѣ представленія трудность понимать его доходитъ до крайнихъ предѣловъ? . Самый непроницаемый и, можно сказать, необъятный матеріалъ представляетъ его философія природы; въ ней лежатъ дикія, неразработанныя массы дѣйствительности—рядомъ съ другими элементами, которые логическою силою нашего философа совершенно лишены плоти и крови. Даже самое острое зрѣніе едва-ли въ состояніи замѣтить хотя одну живую пылинку въ этихъ пространствахъ чистой мысли, и въ свою очередь едва-ли чья-нибудь мысль въ силахъ проложить себѣ путь сквозь разноцвѣтные, густо одинъ на одинъ наложенные образы. Здѣсь языкъ математики смѣшивается съ языкомъ логики и смѣняется величественными поэтическими выраженіями. Блестящей пестротой пронизаны картины и обрамлены нагими линіями построенія. Никогда, быть можетъ, ни до, ни послѣ Гегеля, ни одинъ человѣкъ не писалъ такимъ

языкомъ. Иногда его изложеніе темнѣе изложенія Якова Бема и отвлеченнѣе Аристотелева: такова твердая и колючая скорлупа, изъ которой намъ предстоитъ вынуть въ чистомъ видѣ зерно міросозерцанія Гегеля".

Конечно, не одно любопытство, не одна жажда познанія заставляла десятки и сотни людей колоть себѣ руки объ эту колючку. Тутъ былъ фанатизмъ, напоминавшій принципъ полумифической школы пифагорейцевъ, самоотверженно умолкавшихъ при знаменитомъ „magister dixit" („такъ сказалъ учитель" и, *слѣдовательно*, сомнѣнія и споры неумѣстны),—фанатизмъ, заставлявшій умнѣйшихъ людей отдавать всѣ свои способности, свое время, свои таланты, свою жизнь, наконецъ, на пониманіе и *рабское* усвоеніе чужого, въ лучшемъ случаѣ на истолкованіе его. Тутъ дѣйствовала не простая любознательность, а слѣпое увлеченіе, заставлявшее видѣть въ философіи Гегеля уже не философскую, а *религіозную* систему. И для многихъ, дѣйствительно, она была религіей, дававшей отвѣты на всѣ вопросы бытія. По Мишле: „Гегель начерталъ программу, которую человѣчеству остается только исполнить". Для Розенкранца философія Гегеля представляла изъ себя послѣднее слово протестантизма. Одинъ изъ серьезнѣйшихъ русскихъ писателей, вполнѣ самостоятельно относясь къ Гегелю, настойчиво отмѣчаетъ въ его философіи именно этотъ религіозный характеръ. Онъ говоритъ: „Гегелизмъ былъ не только научной системой; гегельянцы были не только философской школой; точка зрѣнія безусловнаго была не только метафизическимъ началомъ,—гегелизмъ былъ ученіе религіозное, гегеліанцы были сектаторы, безусловное было догматъ".

Что же касается русскихъ людей, увлекавшихся гегелизмомъ, то конечно религіей онъ для нихъ никогда не былъ и религіознаго фанатизма не возбуждалъ. Но они — эти русскіе люди, изучая систему берлинскаго мудреца, впервые знакомились съ совершенно стройнымъ философскимъ міровоззрѣніемъ, являвшимся, такъ сказать, послѣднимъ словомъ европейской культуры того времени Въ этой цѣлостности, всеобъемлемости гегелевской системы и заключалось главнымъ образомъ ея привлекательность. Ибо, какъ говоритъ В. С. Соловьевъ: „Философія Гегеля—абсолютно совершенная въ себѣ замкнутая система; зная ее, можно понять общій смыслъ всего того умственнаго развитія, которое

въ ней нашло свое завершеніе и самоопредѣленіе". Въ Россію она упала какъ-бы съ неба. Понять ея историческое значеніе, какъ реакцію противъ разсудочнаго мышленія и отвлеченнаго анализа, всегда преобладавшаго на Западѣ, а слѣдовательно и ея крайнюю односторонность—русскіе люди сразу не могли, но несомнѣнно, что, благодаря своей стройности, наукообразности и всеобъемлемости, она помогла имъ выйти изъ дѣтски-отрывочнаго міросозерцанія, переполненнаго всяческимъ традиціоннымъ хламомъ, а ея изученіе заставило пересмотрѣть всѣ свои взгляды.— Но гегеліанство въ Россіи на этотъ разъ для насъ вопросъ посторонній. Наша задача скромнѣе: мы хотимъ познакомить читателя только съ личностью берлинскаго философа и общимъ духомъ его ученія.

Чтобы отвѣтить на него, обратимся къ біографіи Гегеля и характеристикѣ его эпохи; памятуя его же слова: „всякое созданіе духа есть произведеніе своего времени, всякій отдѣльный человѣкъ дитя своей эпохи".

II.

Дѣтство и отрочество.

Георгъ-Вильгельмъ-Фридрихъ Гегель по происхожденію швабъ. Его родъ перенесенъ въ XVI в. изъ Каринтіи въ Швабію однимъ изъ предковъ, Іоганномъ Гегелемъ, искавшимъ здѣсь спасенія отъ преслѣдованія католика эрцгерцога Карла. Нашъ философъ родился 27 августа 1770 г. въ Штутгартѣ (Виртембергъ), гдѣ отецъ его служилъ сперва секретаремъ счетной палаты, а потомъ совѣтникомъ экспедиціи

Было-бы очень пріятно получить какія-нибудь обстоятельныя свѣдѣнія о семействѣ Гегеля; но обращаясь за ними къ его почтительному біографу Розенкранцу и къ его собственнымъ письмамъ, мы въ нихъ ничего или почти ничего не находимъ. Есть впрочемъ одна строчка въ этихъ письмахъ, относящаяся къ 1825 г., гдѣ Гегель говоритъ: „сегодня годовщина смерти моей матери, о которой я никогда не забываю“ Объ этой матери, умершей еще въ молодые годы, мы знаемъ кромѣ того, что она „сама обучала маленькаго Гегеля склоненіямъ и спряженіямъ“ и отличалась какъ строгостью нравовъ, такъ и удивительной домовитостью.

Отецъ Гегеля, сначала секретарь счетной палаты, потомъ совѣтникъ экспедиціи, также, по словамъ біографовъ, „отличался строгостью нрава и удивительной аккуратностью“,—но въ чемъ именно заключалось „строгость его нрава“ для насъ остается неизвѣстнымъ. Надо однако думать, что въ ней не было ничего поразительнаго и что подъ „строгостью нрава“ въ данномъ случаѣ слѣдуетъ подразумѣвать неукоснительно-аккуратное посѣщеніе счетной виртембергской палаты, не менѣе аккуратное воз-

вращеніе домой въ назначенный часъ, затѣмъ... Но приводимъ описаніе чиновничьяго быта въ данное время: „попасть въ домъ къ порядочному семейному чиновнику такъ же трудно, если не труднѣе еще, чѣмъ взять приступомъ первоклассную крѣпость. Самъ pater familias, вернувшись со службы и плотно пообѣдавъ, ложится отдохнуть, послѣ чего привычной стопой направляется въ приличную, близь-лежащую Bier-Halle, гдѣ упорно молчитъ 2 часа и возвращается назадъ къ своимъ пенатамъ, очень довольный, что на сей разъ никто не потревожилъ его разговорами о политикѣ. Что онъ дѣлаетъ потомъ? неизвѣстно, и только самое смѣлое воображеніе рѣшается высказать гипотезу: „ничего“... Gnädige Frau, почтенная мать семейства, въ среднемъ кругу общества непремѣнно религіозна, непремѣнно домовита и хлопочетъ съ утра до вечера, такъ какъ держать прислугу принято только у богатыхъ людей. Она хозяйка и любящая женщина, съ добрыми голубыми глазами, съ вѣчной мыслью объ оторванной пуговицѣ, о табачномъ пятнѣ на одеждѣ супруга, о предстоящей стряпнѣ. Она родитъ очень аккуратно и обыкновенно безболѣзненно; сама обучаетъ дѣтей своихъ чистоплотности и вѣрѣ въ Бога, никогда не говоритъ съ своимъ супругомъ объ общественной дѣятельности и не знаетъ даже, что тотъ беретъ взятки“.

Кромѣ отца и матери, у Гегеля была еще сестра, оставшаяся дѣвой до конца дней своихъ и съ первой-же страницы біографіи изчезнувшая отъ наблюдательнаго взора Розенкранца, и два брата, изъ которыхъ младшій погибъ въ юныхъ лѣтахъ—отъ пули или штыка, хорошенько неизвѣстно.

Въ этомъ семействѣ прошло первое дѣтство Гегеля. Его окружала умѣренность, аккуратность, чистоплотность и матеріальный достатокъ, повидимому изъ самыхъ среднихъ. Всѣ эти похвальныя качества и принадлежности семейной жизни онъ впиталъ въ себя и впослѣдствіи, женившись, создалъ себѣ буквально ту-же обстановку. Его жена „отличалась домовитостью и строгостью нравовъ и обходилась также безъ прислуги, развѣ въ случаѣ беременности“; двое чисто одѣтыхъ дѣтей и самъ неукоснительно аккуратный Гегель до мельчайшихъ подробностей могли напомнить жизнь секретаря виртембергской счетной палаты.

Первые годы дѣтства нашего философа мы оставимъ въ сторонѣ, по той основательной причинѣ, что говорить о нихъ рѣ-

шительно нечего. Er war Kind mit Kindern und Knabe mit Knaben, утверждаетъ Розенкранцъ, и мы охотно вѣримъ этому, такъ какъ никто вѣдь не ожидаетъ узнать будущаго угрюмаго и ворчливаго профессора, поражавшаго съ высоты философской каѳедры „горячихъ мальчишекъ, вѣрующихъ въ свое чувство" (т. е. германскую молодежь) въ красномъ ребенкѣ, спокойно лежащемъ въ своей нѣмецко-аккуратной кроваткѣ. Отмѣтимъ только болѣзнь глазъ, отъ которой Гегель едва не ослѣпъ, и фактъ, сообщаемый почтительнымъ Розенкранцемъ исключительно уже въ видахъ полноты и обстоятельности: „Гегель очень любилъ прыгать, но танцовать научиться не могъ."

Вотъ и все, что мы знаемъ о семействѣ нашего философа, о первыхъ годахъ его, вѣроятно, счастливаго дѣтства: хворалъ, прыгалъ, обучался склоненіямъ и спряженіямъ. Большихъ личныхъ подробностей у насъ нѣтъ, но есть нѣкоторыя немаловажныя свѣдѣнія о состояніи общественнаго духа того времени. Скажутъ однако: „Гегель былъ слишкомъ малъ, чтобы общество въ этотъ періодъ его жизни могло вліять на него". Такъ-то оно такъ, но не совсѣмъ. Въ сущности, вліяніе общества на человѣка начинается съ первой минутой появленія послѣдняго на свѣтъ Божій и выражается во всемъ складѣ домашней обстановки, въ способахъ наказанія, въ безчисленныхъ нотаціяхъ и нравоученіяхъ, читаемыхъ маленькому шалуну Сынъ рыцаря видѣлъ себя окруженнымъ доспѣхами и всякими воинственными принадлежностями, привыкалъ скакать верхомъ на саблѣ, а не на тросточкѣ, слышалъ воодушевленные разсказы о балахъ, подвигахъ, разбойничьихъ и иныхъ набѣгахъ, и сообразно съ этимъ проникался. Сынъ скромнаго и неукоснительно аккуратнаго чиновника былъ окруженъ атмосферой благочинія, скопидомства и педантической умѣренности, и также проникался. Общественный духъ вліяетъ въ тысячѣ иногда неуловимыхъ подробностей, поэтому нелишне всегда имѣть его въ виду

Прежде всего мы имѣемъ тотъ несомнѣнный фактъ, что Гегель родился въ одинъ изъ самыхъ тяжелыхъ для своего отечества періодовъ. Совершенно спертая общественная жизнь, полное отсутствіе какихъ-бы то ни было признаковъ общественной инициативы и самодѣятельности удаляли всѣ хотя нѣсколько требовательные и мыслящіе умы отъ реальныхъ задачъ и реальныхъ

вопросовъ жизни. Этихъ вопросовъ избѣгали всяческими способами; когда-же они слишкомъ уже настойчиво требовали разрѣшенія, на нихъ давались отвѣты, способные заглушить въ человѣкѣ какое-бы то ни было, хоть самое крохотное стремленіе къ активной роли здѣсь на землѣ. Отмѣтимъ тотъ нелишенный интереса и поучительности фактъ, что по мѣрѣ усиленія внѣшняго гнета и самаго грубаго произвола все болѣе распространялся піэтизмъ, а затѣмъ, какъ производное явленіе, наклонность ко всякаго рода чертовщинѣ, таинственности и безсодержательной схоластикѣ. Словомъ—движеніе, начавшееся еще послѣ Вестфальскаго мира (1648 г.), достигало повидимому благополучнаго завершенія. „Послѣ этого унизительнаго событія, говоритъ Шерръ, Германія вполнѣ предалась внутренней духовной жизни. Благородные, но слабые умы различными мечтаніями замѣняли для себя утраченную народную честь и политическое значеніе. Эта внутренняя духовная дѣятельность, не находя себѣ никакого разумнаго примѣненія на поприщѣ общественной жизни, обратилась или на служеніе чувственности, или на созерцательно-химерическое времяпровожденіе. Здѣсь нѣмецкій духъ находилъ все свое утѣшеніе отъ внѣшнихъ золъ". Въ этомъ направленіи родина Гегеля шла въ первыхъ рядахъ многочисленной арміи германскихъ государствъ. Мы увидимъ сейчасъ, какого распространенія добился въ ней піэтизмъ, до какихъ нелѣпостей дошло исканіе чудеснаго и таинственнаго

Піэтизмъ—религія сердца—имѣлъ конечно свою хорошую и симпатичную сторону. Изъ уроковъ своей матери-піэтистки Кантъ вынесъ ту нравственную твердость, ту непоколебимую вѣру въ правду человѣческой совѣсти и необходимость нравственнаго обязательства въ жизни, которыя составляютъ основу его критики практическаго разума. Человѣкъ долженъ стремиться не къ счастью, а къ тому, чтобы быть достойнымъ счастья, говорили піэтисты, нисколько конечно не затрудняясь придать своему ученію религіозную санкцію. Ихъ мораль, строгая и совершенная въ себѣ самой, благотворно отражалась на чистотѣ семейной жизни, на святости домашняго очага,—но каковъ былъ тотъ практическій земной идеалъ, къ которому стремились піэтисты? Это былъ идеалъ кротости, смиренія, воздержанія, строгости, умѣренности и пр. безъ малѣйшей примѣси какого-бы то ни было обществен-

наго элемента, идеалъ самоусовершенствованія, погруженія въ нирвану своего оторваннаго отъ общества и его задачъ „я“. Въ религіозномъ отношеніи піэтизмъ былъ очищеннымъ отъ государственнаго элемента протестантизмомъ Въ этой-то религіи, въ этой нравственности люди находили то спокойное упражненіе своихъ силъ и своихъ добродѣтелей, которое помогало имъ коротать жизнь здѣсь на землѣ и умирать, не сдѣлавши ничего Въ піэтизмѣ надо отмѣтить еще его созерцательный характеръ, его созерцательное настроеніе, окончательно удалявшіе человѣка отъ жизни—и, что удивительнаго, когда мы читаемъ, что во время тяжелаго господства Гренвицъ,—куртизанки, игравшей въ Виртембергѣ роль абсолютнаго монарха—„піэтизмъ сдѣлалъ значительные успѣхи“. Рядомъ съ нимъ и отъ тѣхъ-же условій пышнымъ цвѣтомъ распускалось схоластическое богословіе.

Своимъ созерцательнымъ элементомъ, своею особливою преданностью вѣрѣ и вѣрѣ, піэтизмъ подавалъ руку всѣмъ необузданно мистическимъ ученіямъ, всему таинственному, сверхъестественному въ жизни Въ человѣкѣ появилась какая-то особенная потребность чувствовать свою близость къ другому міру, разъ земной міръ былъ такъ скверенъ Подобный спросъ находилъ большое предложеніе *Месмеръ* въ это время толкуетъ о своей таинственной жидкости, которая, какъ начало всепроникающее, являлась „душою міра“; *Гаснеръ* производитъ свои опыты чудотворнаго леченія; *Шпренферъ* вызываетъ духовъ, конечно нечистыхъ; *С. Жермень* старается возбудить замолкшую страсть къ алхиміи; *Казанова* возвращаетъ молодость и устраиваетъ дѣло такъ, что молодыя женщины беременѣютъ отъ „лунныхъ лучей“. Его сіятельство—графъ, князь, принцъ—все что угодно, *Калиостро* гремитъ по всей Европѣ и преимущественно въ Германіи. Тутъ-же *масоны* учреждаютъ свои таинственныя ложи. Словомъ: „уйти отъ дѣйствительности въ область созерцанія“—этимъ принципомъ была проникнута общественная атмосфера. Прибавьте къ этому педантизмъ, умѣренность и самодовольство чиновничьей обстановки, и вы получите ясное въ большей или меньшей степени представленіе о тѣхъ „внушеніяхъ“, которыя получалъ Гегель въ дѣтствѣ. И, кстати сказать, къ такого рода внушеніямъ онъ остался особенно чувствительнымъ впродолженіе всей своей жизни. Его постоянно тянуло въ сторону догматизма и

вѣры; вся его система выросла на почвѣ полнаго разлада идеала и дѣйствительности. Пусть читатель прочтетъ ниже біографіи Гельдерлина и Шеллинга, а также характеристику романтиковъ: онъ пойметъ эту почву, пойметъ всѣ ужасы этого разлада и страстную потребность выйти изъ него куда нибудь.

Отъ 10 до 17 лѣтъ Гегель пробылъ въ школѣ. Уже здѣсь онъ является передъ нами „маленькимъ старикомъ", какъ его прозвали товарищи, съ наклонностью всесторонняго обсужденія, слишкомъ большимъ педантомъ для окружающихъ его шалуновъ. Онъ сходится съ ними очень мало, предпочитаетъ одиночество и съ удивительной пластичностью натуры извлекаетъ изъ неприглядпаго окружающаго возможную пользу для своего развитія. Когда другіе стонутъ отъ грамматики, грамматики и еще грамматики, или, отложивъ всякое попеченіе объ интересахъ своей личности, предаются механическому зубренію, Гегель самостоятельно увлекается классиками и тутъ же, въ школѣ, кладетъ начало выработкѣ одной изъ самыхъ существенныхъ сторонъ своей системы—эллинизму.

Отъ пятнадцатилѣтняго Гегеля у насъ сохранился его дневникъ, о которомъ ниже Пока-же вотъ небольшой, быть можетъ, даже апокрифическій анекдотъ, бросать который мы не хотимъ въ виду нѣкоторыхъ его подробностей. Анекдотъ гласитъ слѣдующее: „одинъ маленькій шалунъ, пробѣгая мимо Гегеля, ударилъ его очень больно, но рѣшительно безъ всякаго основанія, и побѣжалъ далѣе въ поискахъ за подобными-же подвигами и новымъ проявленіемъ активности. Гегель, самъ маленькій, поймалъ за руку маленькаго шалуна и серьезно спросилъ его: „почему вы меня ударили?"—„Такъ", отвѣчалъ тотъ, совершенно сбитый съ толку подобнымъ философическимъ отношеніемъ къ дѣлу. „Я хочу, чтобы вы мнѣ объяснили",—продолжалъ Гегель. Мальчикъ объяснилъ, что ему было скучно и что подъ руку никто въ данную минуту, кромѣ Гегеля, не подвернулся — „А развѣ ударивши веселѣе?"—настаивалъ Гегель. Шалунъ расхохотался, еще разъ наскоро толкнулъ маленькаго философа и исчезъ въ длинномъ корридорѣ"—для насъ, навсегда.

Гегель очутился въ школѣ—сначала въ „латинской", потомъ штутгарской гимназіи. Вотъ что разсказываетъ Фридрихъ Лукгардъ (род. 1758 г.) о своемъ первоначальномъ обученіи: „Ка-

техизисъ былъ оракуломъ религіи для католической молодежи. Латинскій языкъ изучалъ я по учебнику Альвари и по искаженнымъ отрывкамъ древнихъ авторовъ. Исторія преподавалась по учебнику, гдѣ на одной сторонѣ на дурномъ латинскомъ, а на другой на страшномъ нѣмецкомъ языкѣ разсказывались факты съ іезуитской точки зрѣнія, съ примѣсью множества сказокъ и выдумокъ. Съ раннихъ лѣтъ въ насъ старались вселить самое сильное отвращеніе къ еретикамъ и всевозможнымъ реформаторамъ. Человѣкъ, вышедшій изъ подобной школы, по необходимости былъ тупъ, какъ быкъ. Лютеранскія и реформатскія школы еще въ 10 разъ хуже. Тамъ учатъ люди, положительно не знающіе ни слова по латыни. Школьные учителя подражаютъ гг. пасторамъ и предаются лѣни и безпробудному пьянству". Самъ Гегель даетъ не лучшую характеристику своимъ педагогамъ, говоря въ похвальномъ словѣ одному изъ нихъ: „онъ мыслилъ не такъ низменно, какъ *другіе*, которые полагаютъ, что, имѣя кусокъ хлѣба, они не должны уже болѣе учиться, и совершенно довольны тѣмъ, что въ состояніи повторять изъ году въ годъ ту-же классную рутину"

Читая дневникъ Гегеля, относящійся къ школьной порѣ, мы видимъ передъ собой маленькаго геніальнаго педанта, почтительно и съ преданностью относящагося къ исполненію прямыхъ своихъ обязанностей и исключительно преданнаго неукоснительному прохожденію гимназической премудрости. Изрѣдка говоритъ онъ о своихъ развлеченіяхъ, о „милыхъ и достойныхъ представительницахъ слабаго пола", встрѣтившихся ему на балу, и посвящаетъ десятки страницъ описанію школьныхъ занятій. Почти исключительно интересуется онъ классиками.

Въ prima, говоритъ онъ, мы переводили Курціуса, Эзопа, новый завѣтъ (по средамъ и пятницамъ отъ 11 до 12 и отъ 2 до 3 час.). Въ secunda—Циренона „de Senectute", „Somnium Scipionis", „Laelius"; съ греческаго—посланія ап. Павла, и кое-что съ еврейскаго изъ псалмовъ".

„Въ этихъ дневникахъ, говоритъ Гаймъ, нѣтъ ничего, что давало-бы хотя легкій намекъ на ранній высокій талантъ или обѣщало въ будущемъ необыкновенное явленіе въ области духа". Передъ нами мальчикъ, преданный усердно занятіямъ, тщательно собирающій различныя свѣдѣнія. Гегель почти не го-

воритъ о себѣ. Во имя знанія онъ проникся полнымъ самоотреченіемъ, не допускаетъ никакихъ субъективныхъ взглядовъ и часто ничего другого не дѣлаетъ кромѣ переписыванія готоваго или заготовляетъ обширныя извлеченія изъ книгъ. Самъ онъ какъ будто отсутствуетъ и только накопляетъ груду знаній.

„И это, продолжаетъ Гаймъ, тѣмъ болѣе замѣчательно, что мы находимся въ послѣдней четверти 18-го вѣка, когда составленіе книгъ о личной жизни было въ модѣ и даже обратилось въ страсть. Въ этомъ явленіи заключался одинъ изъ признаковъ далеко распространившейся болѣзни. Оно было въ тѣсной связи съ тѣмъ почитаніемъ отдѣльныхъ личностей, съ тѣмъ кокетничаньемъ собственной персоной, которое образовалось за отсутствіемъ великихъ и всеобщихъ интересовъ въ Германіи, среди полной пустоты нашей общественной жизни. Въ дневникахъ Гегеля нѣтъ даже признаковъ подобнаго самоудивленія; нѣтъ разсказа ни о душевныхъ потрясеніяхъ, ни о важныхъ, ни о незначительныхъ личныхъ дѣлахъ. Вся жизнь мальчика заключается въ томъ, что онъ повторяетъ выученное или узнанное отъ другихъ и старается запечатлѣть въ памяти посредствомъ безпрестаннаго припоминанія“.

Дѣйствительно-же въ эти годы Гегель игнорируетъ индивидуализмъ и личное чувство. Онъ читалъ „Вертера“ Гете; но Вертеръ повидимому не произвелъ на него никакого впечатлѣнія. Тамъ человѣкъ говоритъ исключительно о своихъ страстяхъ и страданіяхъ, требуетъ личнаго своего счастья во имя ясно сознанной индивидуальности. Гегелю гораздо болѣе нравится „Поѣздка Софи изъ Оемеля въ Саксонію“, сухой дидактическій романъ, наполненный длиннѣйшими и скучнѣйшими разсужденіями о женской добродѣтели, о воспитаніи и супружествѣ, со тщательно составленнымъ меню ежедневныхъ и сытныхъ, но дешевыхъ обѣдовъ, „ибо правильное пищевареніе содѣйствуетъ благополучію супружеской жизни“. Такое нравственно-поучительное, картофельно-селедочное произведеніе какъ нельзя болѣе пришлось по вкусу нашему юному философу.

Въ его юности вообще было мало молодости; уже въ гимназіи онъ казался умнымъ не по лѣтамъ и даже—педантомъ! Что за премудрыя наблюденія дѣлаетъ онъ на счетъ одной ссоры крестьянъ между собой или по поводу ѣды вишенъ. Какъ утрю-

мы и какъ отзываются классными темами его разсужденія о пагубныхъ слѣдствіяхъ честолюбія и о безнравственности поединка! И конечно онъ былъ образцовымъ ученикомъ, всегда получалъ награды и пр.

Свѣтлымъ фактомъ юности „маленькаго старика" было горячее увлеченіе не грамматикой, а духомъ древнихъ произведеній Онъ до страсти любитъ „Антигону" и даже пытается перевести ее на нѣмецкій языкъ. По его мнѣнію, „изученіе древнихъ должно быть истиннымъ вступленіемъ въ философію". Даже впослѣдствіи „его взоры постоянно обращаются къ образу Антигоны, какъ самому незабвенному и сладкому воспоминанію въ жизни". Быть можетъ, возлѣ этого дивнаго созданія Софокла сконцентрировались всѣ неясныя, полныя таинственнаго безпокойства, мечтанія юноши о дѣвушкѣ; быть можетъ Гегель, подчиняясь волненію крови и совершенно особенному поэтически-созерцательному настроенію своей души, даже любилъ чудный и гордый образъ греческой героини. Его созерцательность, подавляемая массой воспринимаемаго матеріала, въ которомъ, какъ мы легко можемъ себѣ вообразить, $^3/_4$ было мусора, должна же была проявиться въ чемъ-нибудь даже въ эту ученическую эпоху. Иначе былъ-бы непонятенъ ея пышный расцвѣтъ впослѣдствіи. Только съ этой точки зрѣнія понятно, почему Гегель протестующую героиню Греціи называетъ родственнѣйшею изъ душъ.

Затѣмъ, но уже подъ вліяніемъ педагоговъ, Гегель увлекается раціонализмомъ, толкуетъ, что религія есть результатъ невѣжества, упроченный обманомъ жрецовъ; объясняетъ жертву Сократа Эскулапу не только „ослабленіемъ умственныхъ способностей мудреца отъ дѣйствія яда", но и „уваженіемъ къ предразсудкамъ времени" и т. п. Но этотъ раціонализмъ, отразившись впослѣдствіи на первой стадіи богословскихъ занятій, не вошелъ въ плоть и кровь Гегеля, разсѣявшись подъ вліяніемъ эллинизма, затѣмъ романтики и наконецъ общаго стремленія къ догматическому, полному вѣры и презрѣнія къ скептицизму, мышленію.

Вообще-же Гегель работаетъ ..

Есть что-то увлекательное и высокое въ этой неустанной энергіи ума, стремящагося съ самыхъ юныхъ лѣтъ охватить всѣ предметы человѣческаго знанія, всю совокупность человѣческой мысли. Въ Гегелѣ эта энергія проявляется особенно рано и мощ-

но, но съ спеціальнымъ колоритомъ смиренія и покорности. Онъ легко и свободно, какъ какое-нибудь послушаніе, выноситъ на плечахъ свои утомительно-долгіе ученическіе годы, нисколько не спѣшитъ выказать свое собственное „я“, а спокойно занимается усвоеніемъ чужихъ мыслей, не мечтая повидимому ни о славѣ, ни о самостоятельной работѣ. Онъ только учится, послушный внутреннему голосу и велѣнію своей геніальной натуры, и еслибы кто-нибудь сказалъ теперь этому скромному 17-ти-лѣтнему юношѣ, что черезъ двадцать пять лѣтъ онъ не только будетъ учителемъ и творцомъ системы, но и единственнымъ учителемъ цѣлой Германіи, онъ, по всей вѣроятности, удивленно вскинулъ-бы на говорящаго своими сѣрыми глазами и спросилъ:

— Почему вы такъ думаете?

Онъ учится и въ этомъ вся его жизнь. Въ общемъ онъ неуклюжъ; съ дѣвушками—робокъ, и рѣшительно недоумѣваетъ, какія цитаты и изъ какого автора наиболѣе приличествуютъ въ разговорѣ съ этими „милыми и достойными представительницами слабаго пола“. Онъ скроменъ, тихъ, почтителенъ, и не подозрѣваетъ даже, что его ждетъ европейская слава и могущество, большее могущества падишаха.

III.

Юность.—Тюбингенскій университетъ.—Дружба съ Гельдерлиномъ.—Sturm und Drang.

18-ти лѣтъ отъ роду, т е. въ 1788 г, блестящимъ образомъ закончивъ свое гимназическое образованіе, Гегель поступилъ въ тюбингенскій университетъ съ намѣреніемъ посвятить себя изученію богословія. Едва-ли онъ серьезно останавливался на мысли сдѣлаться когда-нибудь впослѣдствіи пасторомъ, но его несомнѣнно привлекало общее философское содержаніе факультета. Къ тому-же и нашъ юный педантъ не могъ не замѣтить, какая дѣятельная работа мысли, какая перестройка всего заново происходила въ отвлеченной области. „Преимущественно передъ другими знаніями—говорятъ намъ,—богословіе подверглось могущественному вліянію раціоналистическаго, критически настроеннаго вѣка. Опираясь съ одной стороны на мощный фундаментъ философіи Канта, съ другой — на историческую критику Землера, на общее скептическое и гуманное настроеніе эпохи, разсудочное размышленіе (raison raisonnante) разорвало всякую связь съ церковнымъ ортодоксальнымъ протестантизмомъ". Если пэтизмъ подкапывался подъ него съ точки зрѣнія правъ сердца и личной совѣсти, т. е подрывалъ его государственный, бюрократическій (или, какъ говоритъ Шерръ, полицейскій) характеръ, то раціонализмъ обратилъ свое вниманіе преимущественно на догматическую сторону ученія. И мы увидимъ ниже, къ какимъ цѣннымъ результатамъ привели Гегеля его богословскія занятія, продолжавшіяся почти безъ перерыва 7 лѣтъ (1788—1795 г.)

Конечно, на первыхъ порахъ, онъ и здѣсь, т е. въ области

богословскихъ занятій, является передъ нами послушнымъ ученикомъ, покорно переваривающимъ весь мусорный матеріалъ, вынесенный изъ чтенія, въ большинствѣ случаевъ, неумныхъ книгъ и изъ слушанія, за рѣдкими исключеніями, сухихъ лекцій; но въ то-же время въ періодъ этихъ богословскихъ занятій мысль Гегеля уже начинаетъ расправлять свои могучія крылья. Пока-же онъ по прежнему продолжаетъ собирать коллекціи цитатъ и приводить въ порядокъ свои многочисленныя выписки Онъ все еще „lumen obscurum", какъ зовутъ его товарищи, которому однако суждено скоро засвѣтить... увы!—не ко благу человѣчества

Попробуемъ теперь нарисовать картину студенческой жизни Гегеля, когда онъ пилъ, любилъ и даже сочинялъ стихи. Но, сначала, что̀ такое были германскіе университеты того времени? Разъ уже цитированный нами Лаукгардъ описываетъ университетскую жизнь нижеслѣдующимъ образомъ: „Жизнь студентовъ или буршей Гиссена, благодаря стараніямъ высланныхъ туда нѣсколькихъ іенскихъ студентовъ, была устроена совершенно по образцу іенской. Кто хотѣлъ быть уважаемымъ буршемъ, тотъ долженъ былъ каждый вечеръ посѣщать по крайней мѣрѣ одну пивную — рейнская кружка пива стоила два крейцера — и пить тамъ до 10—11 часовъ Говорить о научныхъ предметахъ считалось педантствомъ, поэтому разговоръ постоянно держался на дѣлахъ буршей и часто переходилъ въ сквернословіе. Я помню, въ пивной Эбергардъ-Бумъ читались даже правильныя лекціи сквернословія по рукописному экстракту. Въ Гиссенѣ попойки были разрѣшены, и мы часто пьянствовали на улицѣ. Большая часть студентовъ вели себя свиньями. Байковая куртка была ихъ постояннымъ нарядомъ—и въ праздникъ, и въ будни Кромѣ того, студенты носили кожаные панталоны и длинные сапоги. Драки были не рѣдкостью: дрались даже на улицѣ. Вызывавшій на бой шелъ подъ окна своего противника, стучалъ палкой по тротуару и кричалъ: „Pereat (да погибнетъ) NN—собака, свинья!" Вызываемый являлся, завязывалась драка, наконецъ приходилъ педель, разнималъ враговъ, сажалъ ихъ въ карцеръ, чѣмъ и кончалось дѣло. Между грубыми непристойностями, бывшими въ модѣ въ Гиссенѣ, замѣчательны такъ называемыя генеральныя экскрементаціи, которыя устраивались такъ: 20 или 30 студентовъ напивались порядкомъ въ пивной, становились пе-

редъ домомъ, гдѣ жили женщины, и, по командѣ, со свистомъ начинали всѣ вмѣстѣ мочиться, какъ животныя... Лихорадочная страсть къ исписыванію тетрадей отнюдь не мучила гиссенскихъ студентовъ. Въ другихъ университетахъ я всегда находилъ завзятыхъ тетрадеписывателей, особенно въ Галле; тамъ студенты наполняли цѣлые томы университетскою мудростью. Впрочемъ и галльскіе студенты были очень грубы. Въ Іенѣ у каждаго бурша была такъ называемая „шармантъ", простая дѣвушка, съ которой онъ жилъ, пока оставался въ университетѣ, и которую, уѣзжая, передавалъ товарищу" (Шерръ l. c. 496).

Но Тюбингенскій университетъ отличался, повидимому, нравами болѣе просвѣщенными и гуманными. Въ немъ, по словамъ Штрауса, „одномышленники студенты и профессора сообща подвизались на учебномъ поприщѣ и сообща-же рѣшали всѣ несогласія въ области духа". Здѣсь устраивались настоящія ученыя корпораціи, со всевозможнымъ тщаніемъ штудировавшія Канта или лейбнице-вольфовскую философію. Не надо однако думать, что студенческая жизнь ограничивалась исключительно „преслѣдованіемъ интересовъ духа". Самые горячіе споры объ антиноміяхъ совершались въ непремѣнномъ сообществѣ и присутствіи пивныхъ кружекъ, причемъ зачастую дуализмъ кантовой философіи находилъ себѣ полное примиреніе въ взаимныхъ объятіяхъ сначала разодравшихся, потомъ поцѣловавшихся и наконецъ заснувшихъ юныхъ мудрецовъ. Если въ Гиссенѣ всякій, не поглощавшій такого количества пива, которое способно привести въ разстройство желудокъ не только человѣка, но и быка, — считался „подлецомъ" и „идіотомъ", то въ Тюбингенѣ требованія, предъявляемыя доброму буршу, были гораздо умѣреннѣе и носили характеръ болѣе интеллигентный. Общее философское движеніе вѣка отразилось и на жизни учащейся молодежи. Не надо забывать, что университетскіе годы Гегеля относятся къ той эпохѣ, когда философія совершала свои подвиги; когда кенигсбергскій старикъ, Кантъ, со смѣлостью религіознаго реформатора очищалъ отъ метафизической шелухи всѣ области человѣческаго знанія; когда Вольтеръ и Руссо, закончивъ свои работы, могли видѣть, какими быстрыми, могучими волнами распространяется начатое ими движеніе во имя правъ человѣческой личности, ея ума (Вольтеръ), ея сердца и воли (Руссо). А молодежь всегда отзывчива и воспріимчива. Еще въ 70-хъ го-

дахъ того-же вѣка она интересовалась исключительно триединымъ принципомъ „Wein, Weib und Gesang“ (вино, женщина и пѣсня). Общее нравственное утомленіе окружающей ее среды, сухой педантизмъ въ области знанія—толкали ее на путь трактирныхъ подвиговъ. Но повѣяло новымъ духомъ, общество встрепенулось и пріободрилось, перспектива новой человѣческой жизни, не совсѣмъ, правда, ясная, но заманчивая, открылась передъ умами—и трактирные подвиги утеряли все свое прежнее обаяніе. Если прежде говорить о наукѣ и вообще о возвышенныхъ предметахъ считалось непозволительнымъ педантизмомъ и даже „подлостью“, то теперь только такіе разговоры и были въ модѣ, только они и требовались. И великіе, и малые подчинялись этому новому вѣянію; оно заставляло подтягиваться даже и глупыхъ людей, оно зажимало ротъ всѣмъ, кто, не смотря ни на что, не могъ сдѣлать ни шагу впередъ отъ прежнихъ буршевскихъ идеаловъ. Мы имѣемъ даже свидѣтельство о томъ въ высокой степени любопытномъ и назидательномъ обстоятельствѣ, что общій подъемъ духа и умственности отразился и на нравственныхъ идеалахъ и привычкахъ молодежи. Прежде напр., какъ мы видѣли, считалось совершенно естественнымъ и даже необходимымъ, чтобы добрый буршъ въ бытность свою въ университетѣ заводилъ себѣ любовницу, а затѣмъ, закончивъ курсъ наукъ, пропитавшись высшими принципами философіи, передавалъ ее, эту любовницу, эту бѣдную простую дѣвушку (которую, кстати сказать, онъ нерѣдко бивалъ), точно мебель, своему товарищу вмѣстѣ съ прочимъ ненужнымъ хламомъ прошлой студенческой жизни. Но въ философствующихъ корпораціяхъ тюбингенскаго университета царствовалъ не только подъемъ умственности, но и нравственныхъ требованій вообще. Отдѣльныя личности доходили даже до ригоризма и своимъ примѣромъ, своимъ строгимъ отношеніемъ къ себѣ вызывали, въ большей или меньшей степени, удачное подражаніе.

Легко предположить, что въ философствующихъ корпораціяхъ говорилось неисчислимое количество глупостей и едва-ли хотя одинъ вопросъ разрѣшался въ должномъ, съ точки зрѣнія истины, смыслѣ. Но важно не это, важенъ вдругъ нахлынувшій (именно—*вдругъ*) на жизнь германской молодежи подъемъ духа. Онъ сдѣлалъ невозможнымъ возводить въ идеалъ юности трактирное время-препровожденіе, истребленіе пива, скотскія отношенія къ женщи-

намъ. Онъ потребовалъ отъ человѣка ума, знанія, а слѣдовательно и прилежныхъ занятій, онъ одухотворилъ его интересы и нарисовалъ ему картину лучшей или даже хорошей жизни Конечно, не надо увлекаться, не надо думать, что всѣ стали умны и что всѣ добродушные, ограниченные (въ большинствѣ случаевъ) бурши вдругъ засверкали всѣми цвѣтами добродѣтели Не надо забывать, что волна умственности нахлынула вдругъ, нахлынула на почву, совершенно для нея неподготовленную, и, само собою разумѣется, не могла смыть сразу всей накопившейся грязи. И то правда, что большинство только тянулось за духомъ времени, такъ сказать, „лебезило“ передъ нимъ и впослѣдствіи, при перемѣнѣ обстоятельствъ, съ легкимъ сердцемъ, не удручаемымъ никакимъ раскаяніемъ,—сдѣлало крутой поворотъ на-лѣво кругомъ и съ подлою, опять-таки лебезящею усмѣшкою обливало помоями Sturm und Drang Periode (періодъ бури и натиска) своей юности. Но и безъ всякихъ увлеченій остается тотъ несомнѣнный фактъ, что трактирные идеалы утеряли свое исключительное господство надъ умами молодежи и вмѣсто нихъ появились другіе: сначала научной и философской истины, потомъ уже истины вообще, истины жизни

Попавши послѣ строгой обстановки родительскаго дома въ бурный и одушевленный кружокъ своихъ университетскихъ товарищей, Гегель, на первое время по крайней мѣрѣ, разстался съ своимъ педантизмомъ и своею научностью. Повидимому, онъ не прочь, въ видѣ отдыха отъ философскихъ разсужденій, кутнуть слегка и поволочиться за „милыми и достойными представительницами слабаго пола“. Онъ любитъ напр. устраивать такія игры съ фантами, въ которыхъ на его долю достается поцѣлуй какой-нибудь „розощекой Гретхенъ“, и даже „при устройствѣ такихъ игръ выказываетъ нѣкоторое нетерпѣніе“ Очень часто видимъ мы его въ какой-то весьма уютной Bier-Halle, принадлежащей одному изъ пяти миллионовъ нѣмецкихъ Миллеровъ, куда его привлекаютъ пиво, дружба и... маленькая, полненькая блондинка съ удивительными синими глазками По поводу этой блондинки мы имѣемъ слѣдующія данныя, сообщенныя почтительнымъ и обстоятельнымъ Розенкранцемъ. Она была конечно добродѣтельна; имѣла конечно мамашу, одаренную всяческими достоинствами; была красива, умна (вѣроятно) и, главное, обладала удивительными синенькими глазками. Видѣть ее и говорить

съ нею, въ виду ея добродѣтели и мамаши, было вообще очень трудно, но судьба не была безжалостна къ цѣлому отряду влюбленныхъ въ удивительные синіе глазки студентовъ Именно: добродѣтельная дѣвушка имѣла привычку ежедневно въ три четверти седьмого проходить черезъ комнату, гдѣ сидѣли косматые и нѣсколько подвыпившіе уже бурши, направляясь въ погребъ за молокомъ, простоквашей или холоднымъ габеръ-супомъ къ ужину. Тутъ-то, во время, если можно такъ выразиться, прохожденія тюбингенской Венеры черезъ пивную комнату, и надо было ловить моментъ, т е. привѣтствовать бѣлокурую дѣвушку комплиментами, наскоро пожать ея хорошенькую молочную ручку и сунуть ей за корсажъ свое—увы!—длиннѣйшее и скучнѣйшее стихотвореніе, начинавшееся обыкновенно эпиграфомъ изъ неудобоваримой для смертныхъ вообще, совершенно непереваримой для слабаго пола, вольфовской онтологіи. Какъ намъ это доподлинно извѣстно, Гегель принадлежалъ къ отряду влюбленныхъ и не пропускалъ ни одного вечера, чтобы не полюбоваться на красавицу. По его идеѣ даже былъ устроенъ балъ, на которомъ онъ неохотно танцовалъ и очень охотно, даже „съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ“, устраивалъ игру въ фанты. Исторія умалчиваетъ, получилъ-ли онъ на сей разъ страстно желаемый поцѣлуй.

Неугодно-ли за-одно полюбоваться стихами Гегеля, написанными имъ въ это время, стихами, недурно передающими господствующее настроеніе юнаго философа:

Gluklich, wer auf seinem Pfad (Счастливъ, кто въ жизни
Einen Freund zur Seite hat; Имѣетъ около себя друга;
Dreimal glucklicher aber ist, Но втрое счастливѣе тотъ,
Wen sein Madchen feurig kusst. Кого горячо цѣлуетъ его возлюбленная).

Вообще въ лицѣ Гегеля въ этотъ періодъ мы имѣемъ передъ собой добродушнаго, неуклюжаго, нѣсколько сантиментально настроеннаго бурша, готоваго даже забывать лекціи профессоровъ ради удивительныхъ синенькихъ глазокъ, пишущаго скверные стихи (мы привели лучшіе), курящаго скверный табакъ, пьющаго прекрасное пиво и проявляющаго свое веселое настроеніе въ неудержимомъ раскатистомъ смѣхѣ, приводившемъ въ ужасъ мирныхъ тюбингенскихъ гражданъ...

Но все-же онъ не забываетъ своихъ обязанностей и мы не разъ видимъ его говорящимъ проповѣди, какъ это было принято на богословскомъ факультетѣ.

Вспоминая впослѣдствіи о своихъ студенческихъ годахъ, Гегель въ письмѣ къ Нитгаммеру говоритъ: „мой отецъ имѣлъ полное основаніе быть недовольнымъ мною“. А между тѣмъ это единственные годы, которые способны привлечь къ себѣ воображеніе біографа и читателя. Передъ нами неоперившійся еще юный философъ, отзывчиво и даже страстно откликавшійся на призывъ жизни Въ этомъ эмбріонѣ, увлекающемся французской революціей, сажающемъ деревья свободы, дающемъ клятву „никогда не вѣрить въ то, во что вѣрить приказано“, мы лишь съ величайшимъ трудомъ можемъ различить первообразъ будущаго угрюмаго философа, властно и жестоко преслѣдующаго всякія уклоненія отъ того пути, который онъ самъ почитаетъ за истинный. Но этотъ эмбріонъ, несмотря на свои увлеченія, на безпорядочность своей жизни и занятій, болѣе близокъ къ намъ, обыкновеннымъ смертнымъ, чѣмъ будущій властолюбивый педантъ, съ такимъ презрѣніемъ смотрящій на всякое служеніе чувству, на всякую борьбу во имя идеала, мелькнувшаго передъ разгоряченнымъ любовью или ненавистью воображеніемъ.

„Мой отецъ имѣлъ полное основаніе быть недовольнымъ мною“, говоритъ Гегель, и мы охотно соглашаемся съ нимъ, вставши на точку зрѣнія г-на совѣтника виртембергской счетной палаты. Но и самъ Гегель не доволенъ своею юностью. Онъ-бы желалъ видѣть въ ней болѣе порядка и меньше разбросанности, свидѣтельствующей объ излишней горячности, впослѣдствіи презираемаго, чувства. Къ этой юности однако относится самое свѣтлое воспоминаніе его жизни—дружба съ Гельдерлиномъ.

Оба были сверстниками, обоимъ не исполнилось еще и 20-ти лѣтъ, когда они поступили въ тюбингенскій университетъ. Гельдерлинъ былъ поэтъ, и только молодость могла заполнить глубокое различіе между его характеромъ и характеромъ Гегеля. Еще ребенкомъ онъ началъ писать стихи и, какъ истинный талантъ, писалъ ихъ съ свободной и смѣлой довѣрчивостью къ своему сердцу и своей фантазіи. Его стихотворенія уже въ юности отличаются чрезвычайной нѣжностью выраженныхъ въ нихъ чувствъ. Онъ сильно увлекался поэмами Оссіана и Клопштока, съ другой стороны, онъ заимствовалъ у великаго „Жанъ-Жака“ понятіе о человѣческихъ правахъ и радовался тому, что французская революція подготовляетъ осуществленіе гуманныхъ идей. Въ своихъ гимнахъ

онъ воспѣвалъ добродѣтель, свободу, любовь къ отечеству и съ поэтическимъ краснорѣчіемъ излагалъ мысли, заимствованныя изъ „Contrat social“. Онъ хотѣлъ быть поэтомъ свободы и человѣчности и, совершенно естественно, съ ранней молодости питалъ глубочайшее уваженіе къ своему земляку Шиллеру. Шиллеръ умѣлъ увлекательнѣе всякаго другого выражать идеалы юношескаго возраста, горячо нападалъ на грубые предразсудки своего времени и, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ своими возвышенными стремленіями и вѣрованіями соединялъ склонность къ меланхоліи и къ разочарованію. Гельдерлинъ, какъ маркизъ Поза, любилъ только человѣческій родъ и поколѣнія будущихъ столѣтій, и рядомъ съ этимъ чувствовалъ упорную, безпредметную тоску „по какой-то чудной, утерянной человѣчествомъ жизни“.

Въ Гельдерлинѣ было нѣчто большее, чѣмъ простая наклонность къ благородной чувствительности или способность проливать умиленныя слезы при такихъ высокихъ словахъ, какъ „свобода, равенство, братство и отечество“. Онъ былъ боленъ своимъ воображеніемъ, боявшимся всякой дѣйствительности, чуждавшимся всякихъ реальныхъ конкретныхъ образовъ. Онъ любилъ только свои мечты, свои чувства, созданія своей поэтической фантазіи, высокіе идеалы, но не жизнь, которая была вокругъ него. Посмотрите на его отношенія къ женщинамъ, и кто-же скажетъ, что это отношенія здороваго человѣка? Все достижимое или достигнутое, все воплощавшееся въ формы обыденной дѣйствительности — претило ему и вызывало какое-то болѣзненное отвращеніе. Онъ могъ любить только платонически и ту женщину, владѣть которой не представлялось никакой возможности. Слишкомъ высокихъ, слишкомъ обидчивыхъ требованій его сердца не могли удовлетворить ни одинъ другъ, ни одна возлюбленная. Однажды онъ написалъ: „мнѣ вѣроятно никогда не придется любить иначе, какъ въ своемъ воображеніи“—и въ этихъ словахъ ключъ къ пониманію его характера. Онъ любитъ фантастическій образъ гречанки Мелиты, „которая прелестна и священна, какъ настоящая жрица любви“; но такъ какъ дѣйствительность никакихъ „настоящихъ жрицъ любви не представляла“, то земная любовь оказалась невозможной. Только однажды дѣйствительность пахнула въ него своимъ здоровымъ дыханіемъ, но и тутъ Гельдерлинъ остался вѣренъ себѣ. Онъ нашелъ „земное совершенство“ — въ лицѣ матери своихъ

воспитанниковъ, женщинѣ очень умной и нѣжно настроенной, но въ то-же время и недостижимой. Но это-то именно обстоятельство, что онъ никогда не могъ вступить въ обладаніе предметомъ своей любви, окончательно укрѣпило Гельдерлина въ убѣжденіи, что это—идеалъ. Онъ быстро взвинчиваетъ себя безъ всякой мѣры, безъ всякаго состраданія къ здравому смыслу. Сюзетта Гонтаръ—тридцатипятилѣтняя дама, немедленно превращается въ настоящую гречанку, въ „священную жрицу любви". Онъ пишетъ страстныя письма, въ которыхъ выражаетъ желаніе обнять вселенную и человѣчество за доставшееся на его долю счастье—созерцать совершенство

Но и эта любовь оказалась лишь весеннимъ лучомъ Гельдерлинъ скоро опять погружается въ меланхолію. Разрывъ съ дѣйствительной жизнью, отвращеніе отъ всего, что̀ можетъ дать земное счастье, приводятъ нашего поэта сначала къ грусти, потомъ къ помѣшательству. „Все противно, все гадко, все скверно въ окружающей жизни!"—говоритъ Гельдерлинъ. „Нѣтъ народа болѣе жалкаго, чѣмъ нѣмцы!—восклицаетъ онъ въ другой разъ.—Вы найдете между ними ремесленниковъ, но не людей; мыслителей, но не людей; священниковъ, но не людей; господъ и рабовъ, юношей и стариковъ, но не людей!" „Складъ семейной жизни—глупъ". „Политика—безсмысленна". „Человѣку, какъ гусю, приходится стоять въ современномъ болотѣ".

Такой разладъ съ дѣйствительностью могъ повести или къ борьбѣ съ ея зломъ, или къ обидчивому удаленію отъ нея, къ безполезнымъ жалобамъ и полному разочарованію. Гельдерлинъ избралъ второй путь и конечно погибъ Онъ бранится, проклинаетъ, насмѣхается, когда сердце его обливается кровью, но не находитъ и признака силы въ душѣ, чтобы проявить свое негодованіе въ активной борьбѣ.

Варварство и варварство, постоянно восклицаетъ онъ. Но что̀-же дѣлать съ нимъ? Неужели-же надо оставаться спокойнымъ зрителемъ? Спокойнымъ Гельдерлинъ быть не могъ. Онъ тосковалъ, мучился и искалъ своего спасенія въ созерцаніи, въ мірѣ грезъ, идей, образовъ. Сильный талантъ, какъ Гете, сильный умъ, какъ Гегель, уравновѣшанныя натуры, какъ Гегель и Гете, могли рискнуть на это, т. е. на примиреніе съ жизнью, какой-бы она ни была, лишь-бы

идеалы хороши были, но Гельдерлинъ погибъ—„завявши безъ расцвѣта“. Его тяжелая тоскливая жизнь освѣщалась только однимъ свѣтомъ, который лился на нее изъ созерцанія греческой древности. Гельдерлинъ былъ влюбленъ въ Грецію. Я говорю „влюбленъ“, потому что иначе не знаю, какъ охарактеризовать его чувства. Онъ былъ влюбленъ съ полнымъ отреченіемъ отъ своего „я“; онъ обожалъ и любовался на свою красавицу, даже не думая ближе подойти къ ней или приблизить ее къ себѣ. Онъ былъ счастливъ при мысли, что когда-то здѣсь на землѣ существовала дивная страна, жизнь которой, полная счастья, полная силы, представляла гармонически цѣлое, гармонически прекрасное. Съ ужасомъ, по всей вѣроятности, посмотрѣлъ-бы онъ на человѣка, который предложилъ-бы ему принять мѣры къ возстановленію этой прекрасной древности на германской почвѣ. Ему достаточно было одного созерцанія этой жизни, которая вся представлялась ему какъ-бы выточенной изъ бѣлаго паросскаго мрамора съ дивными формами Венеры Медицейской. Во имя этой Греціи онъ отворачивался отъ своей родины, совершая невольно, въ pendant духу времени, одинъ изъ самыхъ тяжкихъ грѣховъ человѣка. Онъ видѣлъ вокругъ себя пошлость и ничтожество, видѣлъ разрозненныхъ, разбитыхъ на мелкія части людей современности, преисполненныхъ внутренними непримиримыми противорѣчіями. И съ тихой грустью меланхолически созерцательной натуры онъ обращалъ глаза свои къ своему божеству — этой спокойной и дивной въ полномъ обладаніи своей красотой Греціи.

„Въ Гельдерлинѣ,—говоритъ Гаймъ,—Гегель встрѣтилъ, такъ сказать, живое воплощенное чувство древности“. Подъ его вліяніемъ въ нашемъ философѣ съ большею еще силою пробудилось дѣтское влеченіе къ классическому міру, когда Антигона оказывалась родственнѣйшею изъ душъ, а слишкомъ современный Вертеръ почти не производилъ впечатлѣнія.

Сойдясь на этой почвѣ, они стали друзьями, вмѣстѣ привѣтствовали французскую революцію, вмѣстѣ клялись быть „свободными“ людьми, гражданами того міра, гдѣ царитъ красота и гармонія. Они дали однажды другъ другу дивную клятву „жить для свободной истины, никогда не заключать мира съ постановленіями, опредѣляющими, что должно думать и что чувствовать“. Въ этой клятвѣ выразилась вся ихъ бодрая, юношеская вѣра

въ самихъ себя, въ свои молодыя силы, достаточныя для подчиненія себѣ вселенной.

Трудно сказать, что нравилось Гельдерлину въ мало подвижномъ, слишкомъ уже разсудочномъ Гегелѣ. Какъ могли они быть друзьями, несмотря на рѣзкую противоположность своихъ натуръ? Но, вѣроятно, Гельдерлина привлекало въ нашемъ философѣ какъ разъ то, чего не хватало ему самому: спокойная осмотрительность, осторожная логика и глубокая вдумчивость Быть можетъ, ему нравилось раскачивать это тяжолое тѣло своими одушевленными, полными восторга рѣчами, тѣмъ болѣе, что это удавалось ему какъ нельзя лучше Подъ вліяніемъ Гельдерлина Гегель принялся даже за стихотвореніе, топорное, неуклюжее, но несомнѣнно мечтательное, гдѣ онъ унижалъ современную пошлую дѣйствительность во имя дивной греческой жизни Отношенія къ Гельдерлину были для Гегеля „святая святыхъ", куда онъ удалялся послѣ своихъ кутежей и празднаго студенческаго времяпрепровожденія, особеннымъ міромъ, гдѣ владычествовала свобода и красота, гдѣ фантазія и сердце находили себѣ полныя права гражданства. Надо быть добрымъ и честнымъ, не надо склоняться передъ жизненной прозой, тѣмъ менѣе увлекаться ею,—говорилъ Гельдерлинъ, и Гегель *слушалъ* его, надо думать, искренно

Мирныя занятія Гегеля богословіемъ, его невиннѣйшія развлеченія вродѣ игры въ фанты въ видахъ полученія поцѣлуя какой нибудь Маргариты—Луизы—Каролины—Маріи,—или ухаживаній за хорошенькой бѣлокурой дѣвушкой внезапно были прерваны событіемъ, сразу приковавшемъ къ себѣ вниманіе всей Европы и даже болѣе того. Мы говоримъ конечно о французской революціи, начавшейся 5-го мая 1789 года, если считать ее со дня созванія генеральныхъ штатовъ. Всѣ лучшіе и даже худшіе умы Германіи (напр. Гейнцъ) возликовали, и, повидимому, не было рѣшительно никакого предѣла ихъ восторгу. Клопштокъ и Форстеръ, Кантъ и Фихте—всѣ съ одинаково радостнымъ сочувствіемъ привѣтствовали начало всемірной трагедіи. Клопштокъ сочинялъ свои возвышенныя оды, въ которыхъ напыщенныя и ходульныя строфы были наполнены священными словами свободы и братства. Фихте оправдывалъ французовъ за все содѣянное ими и смѣло говорилъ о правѣ народовъ, подыскивая ему десятки философскихъ основаній въ своемъ гибкомъ и идеалистически на-

строенномъ умѣ Ликованіе на первыхъ порахъ было всеобщимъ, и каждая театральная (увы, только театральная!) сцена, разыгравшаяся въ Парижѣ, находила себѣ восторженныхъ хлопальщиковъ по эту сторону Рейна. На всѣхъ перекресткахъ кричали о наступленіи новой эры; о томъ, что пришло царство свободы и братства, и странно—совсѣмъ не маленькія дѣти, а большіе люди находили какое-то особенное удовольствіе въ безпрестанномъ повтореніи возвышенныхъ словъ „fraternité, égalité, liberté“ (братство, равенство, свобода) и въ платоническихъ восторгахъ передъ ними

Политическая невинность и наивность нѣмцевъ была такъ велика, что французская революція даже послѣ разрушенія Бастиліи (14-го іюля 1789 г.) продолжала вызывать искреннія рукоплесканія въ людяхъ самыхъ различныхъ взглядовъ, самыхъ противоположныхъ стремленій. Всѣ, повидимому, сходились въ томъ, что „fraternité“ и „liberté“ звучатъ очень громко, а главное—въ своемъ полнѣйшемъ непониманіи того, что происходило у нихъ передъ глазами. На революцію любовались, какъ любуются на начинающееся изверженіе. Огненные столпы на хмуромъ вечернемъ небѣ, глухой раскатъ землетрясеній, облака пеплу и дыму, носящіяся надъ кратеромъ, очевидно, принадлежатъ къ самымъ красивымъ зрѣлищамъ. И на него любовались, какъ любуются суровыми видами природы, геніальнымъ произведеніемъ батальной живописи, драмой, возбуждающей высокія и прекрасныя чувства. Читая рѣчи ораторовъ Національнаго Собранія, прислушиваясь къ глухимъ раскатамъ громоваго голоса Мирабо, нѣмецкіе добродушные, идеально настроенные зрители рукоплескали и хлопали знакомымъ актерамъ и актрисамъ Чего бояться ихъ? — Мечи у нихъ картонные, роли заученныя, пистолетики хлопаютъ сырымъ картофелемъ и въ крайнемъ случаѣ способны вызвать быстропроходящую шишку на лбу.

Нѣмцы и раньше любили свободу, и раньше писали по ея адресу возвышеннѣйшія, длиннѣйшія и скучнѣйшія оды. Но они любили ее, какъ идею, какъ представленіе, и даже не подозрѣвали, что та можетъ сдѣлаться фактомъ жизни. Соловей постоянно плачетъ о розѣ, нѣмцы постоянно плакали о свободѣ, и одно слово „Freiheit“ (свобода) дѣлало необходимой усиленную понюшку табаку и обхожденіе при помощи носового платка Что говорить, пріятно видѣть на сценѣ героя и гибель героя. Это возбуждаетъ

высокія чувства; но было-бы наивно требовать героизма отъ самого себя, въ этой пошлой практической дѣйствительности! И къ чему? Можно любить свободу и будучи холопомъ, такъ какъ свобода, какъ идея, существуетъ сама по себѣ, независимо отъ жизни, а мысль о ней опять-таки возбуждаетъ высокое настроеніе

Слова вызывали восторги; дѣйствія, проводившія эти слова въ жизнь, возбудили почти общее отвращеніе. За кратковременной порой ликованія быстро наступила реакція, и цѣлая туча проклятій посыпалась на голову ни въ чемъ неповинныхъ Liberté, Fraternité, Egalité.

Такое непониманіе революціи, такое эстетическое или, вѣрнѣе, платонически-восторженное отношеніе къ ея первому акту даетъ намъ возможность отмѣтить любопытную сторону тогдашняго нѣмецкаго характера. Мы говоримъ о странной способности жить въ мірѣ грезъ, вздоховъ, мечтаній, быть *тамъ* благороднѣйшимъ человѣкомъ и находить свое полное утѣшеніе и счастье въ этой несуществующей области Принципы заоблачной сферы мечтаній и принципы дѣйствительности находились другъ съ другомъ въ непримиримомъ противорѣчіи, и такое противорѣчіе не тревожило человѣка, а напротивъ составляло необходимую принадлежность его спокойствія и благополучія. Самымъ искреннимъ образомъ готовъ онъ былъ защищать всеобщее равенство, но упаси Боже, если бы кто нибудь его, трибуна человѣчества, вмѣсто надворнаго назвалъ-бы титулярнымъ совѣтникомъ. Радикализмъ мысли, мечтательное благородство, любовь къ свободѣ мирно уживались съ самой пошлой дѣйствительностью, съ самымъ безукоризненнымъ холопствомъ въ общественныхъ отношеніяхъ И если-бы еще это было лицемѣріемъ, если-бы это происходило отъ умственнаго убожества! Но въ такомъ криминальномъ съ нашей точки зрѣнія противорѣчіи повинны были первые люди несомнѣнно великаго и богато одареннаго народа. И они, эти первые люди, рукоплескали революціи до той поры, пока не убѣдились, что она очень серьезно разсчитываетъ изъ области словъ и краснобайства перейти въ область поступковъ. Этихъ-то поступковъ, совершенно логичныхъ съ точки зрѣнія принципа, возбуждавшаго такіе восторги, и не ожидали, а когда они появились на сцену, когда зрители убѣдились, что у героевъ разыгрывавшейся драмы не картонные мечи,

не дѣтскіе пистолетики, хлопающіе картофелемъ, а настоящіе дамаскіе отточенные клинки и цѣлая артиллерія, заряжаемая настоящимъ порохомъ — революцію возненавидѣли и прокляли почти всѣ, кромѣ Фихте въ Германіи, Фокса въ Англіи и еще десятка имъ подобныхъ!

Французская революція совершенно неожиданно для нѣмцевъ, и также неожиданно для самой себя, попыталась примирить это противорѣчіе, уничтожить дуализмъ жизни—идеи и факта, принципа и дѣйствительности. И такъ какъ эта попытка сопровождалась ужасно невѣжливымъ отношеніемъ къ идеальному міру, то нѣмцы глубоко обидѣлись и учинили единогласный концертъ „протестующихъ“ Конечно праздникъ Разума, разрушеніи Бастиліи—очень красивыя зрѣлища, но праздникъ праздникомъ, а гильотина ничего праздничнаго въ себѣ не имѣетъ

Любопытно, что въ исходной точкѣ своей философіи Гегель сошелся съ французской революціей. Ему также было необходимо заполнить чѣмъ бы то ни было пропасть между идеей и фактомъ. Революція заполняла ее декретами и гильотиной, Гегель—діалектикой. Революція заявила, что принципъ долженъ воплотиться въ дѣйствительность; Гегель уничтожилъ дуализмъ, рѣшивъ однимъ геніально-смѣлымъ полетомъ мысли, что міръ идеи и дѣйствительности—одно и то-же, что никакого противорѣчія между ними нѣтъ и быть не можетъ, что мыслимая свобода. красота и пр то-же самое, что и реально существующее. Идея—вотъ она дѣйствительность, а другой дѣйствительности искать нечего. Поэтому тотъ, кто имѣетъ идею свободы—уже свободенъ; но, какъ основательно замѣтилъ Шопенгауэръ, думать, что у меня въ карманѣ 100 гульденовъ и имѣть въ карманѣ 100 гульденовъ совсѣмъ не то-же самое.

Посмотримъ однако, какъ относился Гегель къ революціи. Молодежь горячилась. Мирные тюбингенскіе граждане съ ужасомъ видѣли, что философически настроенные бурши дерутся изъ за политическихъ—уже убѣжденій очень толстыми палками и поютъ марсельезу съ еще большимъ восторгомъ, чѣмъ прежде „gaudeamus igitur“ Устроился даже политическій клубъ, гдѣ Гегель былъ однимъ изъ самыхъ ревностныхъ, хотя и не краснорѣчивыхъ ораторовъ за права свободы и равенства. Цѣлыя ночи проходили на пролетъ въ ожесточенныхъ дебатахъ, и отчеты Національнаго со-

бранія комментировались съ еще большимъ усердіемъ, чѣмъ прежде „Онтологія“ Вольфа или „Теодицея“ Лейбница. Кричали и волновались. Кричали на всѣхъ языкахъ и волновались всѣми фибрами души

— In tyrannos, провозглашалъ одинъ по латыни.

— Tod dem Gefsindel, отвѣчали ему по нѣмецки

— Vive la liberté! Vive Jean Jacques!. Et périsse la politique d'aujourd'hui—поддакивали на французскомъ діалектѣ...

Гегель волновался не меньше другихъ

Существуетъ даже преданіе, будто въ одно дивное весеннее утро Гегель и Шеллингъ вышли за ворота мирнаго Тюбингена съ особенно торжественными лицами Ихъ плащи были надѣты на манеръ греческихъ туникъ, въ ихъ рукахъ находился небольшой зеленый отростокъ дерева Пройдя недалеко отъ города, пріятели остановились и, трижды провозгласивъ: „Vaterland und Freiheit“ (отечество и свобода)—посадили въ землю свое деревцо Оно именовалось деревомъ свободы, которому однако не суждено было дать ростковъ.

Приходится пожалѣть, что у насъ такъ мало подробностей объ этомъ времени и о жизни политическаго клуба. Мы знаемъ только, что юношество увлекалось какъ нельзя болѣе горячо и что несогласіе въ политическихъ убѣжденіяхъ доводило до ссоръ сторонниковъ различныхъ мнѣній. Извѣстно также, что громкимъ „vive la liberté et périsse“ и пр. зачастую по ночамъ нарушался мирный сонъ тюбингенскихъ гражданъ, безпокойно вопрошавшихъ себя: не пріѣхалъ ли въ городъ Маратъ или Фукье Тенвиль. Неизвѣстно также, что стало съ деревомъ свободы, посаженнымъ Гегелемъ и Шеллингомъ, и на какую хозяйственную надобность оно пошло Несомнѣнно лишь, что черезъ нѣсколько лѣтъ Гегель самъ-бы срубилъ его еще съ большимъ удовольствіемъ, чѣмъ посадилъ

Революціонное увлеченіе въ немъ быстро смѣнилось не только реакціей, но и ненавистью къ революціямъ вообще.

Увлеченіе Гегеля революціей продолжалось самое короткое время и ни къ какимъ серьезнымъ результатамъ не привело. „Въ немъ, говоритъ Гаймъ, опять пробудилась его разсудительность и положительная сторона его характера, требовавшаго во всемъ извѣстной мѣры Его приводили въ ужасъ проливаемая террористами

кровь и совершаемыя ими насилія; но и независимо отъ всего остального, для Гегеля уже было достаточно непзящной и эксцентрической обстановки революціонной драмы, чтобы возбудить въ его душѣ полное къ ней отвращеніе. Вотъ почему мы можемъ слѣдить за вліяніемъ юношескаго увлеченія только до того времени, когда Гегель вскорѣ по окончаніи университетскаго курса отправился въ Бернъ въ званіи домашняго учителя.“

Будущій философъ реставраціи и абсолютнаго порядка отдалъ дань волненію юношеской крови, а затѣмъ выступилъ на свой собственный путь, не имѣвшій ничего общаго съ практическими и конкретными стремленіями революціи.

Послѣ пятилѣтняго пребыванія въ университетѣ. Гегель окончилъ курсъ наукъ и сдалъ экзаменъ на степень кандидата богословія Отъ своихъ профессоровъ онъ получилъ свидѣтельство въ томъ, что онъ вообще молодой человѣкъ съ хорошими способностями, но не отличается ни особеннымъ прилежаніемъ, ни большимъ запасомъ свѣдѣній, говоритъ плохо и можетъ быть названъ „идіотомъ“ въ философіи. Проживши нѣсколько времени у своихъ родителей въ Штутгартѣ, онъ принялъ мѣсто домашняго учителя въ домѣ г. Штейгера фонъ Чугъ въ Бернѣ

IV.

Бернъ. — Франкфуртъ-на-Майнѣ. — Занятія политикой. — Переѣздъ въ Іену.

Домашнимъ учительствомъ Гегелю пришлось заниматься цѣлыхъ семь лѣтъ (1793—1800). Сначала мы видимъ его въ качествѣ „gouverneur des enfants de notre chèr et fidel citoyen Steiger de rschoug“, затѣмъ какъ гофмейстера у франкфуртскаго купца Гогеля. Но что это за господа Гогель и Чугъ, какъ относились они къ геніальному человѣку, жившему подъ одной съ ними крышей— мы не знаемъ. Этотъ семилѣтній періодъ жизни Гегеля настолько скуденъ фактами, что Розенкранцъ, желая какъ-нибудь наполнить пустое пространство, съ своимъ обычнымъ педантизмомъ и обстоятельностью разбираетъ чуть-ли не на двухъ страницахъ удивительно важный вопросъ: „курилъ-ли Гегель?“ Но мы этотъ вопросъ оставимъ въ сторонѣ и постараемся собрать воедино скудные факты и отдѣльные штрихи, относящіеся къ этой эпохѣ.

Чуги принадлежали къ аристократіи, имѣли собственное помѣстье, одинаково называвшееся „Чугъ“, и, надо думать, относились къ Гегелю нѣсколько свысока. Проживши возлѣ нихъ три года, онъ однако ни слова не говоритъ ни объ одномъ изъ славныхъ представителей этого славнаго рода. Мы знаемъ лишь, что ему приходилось играть иногда въ бостонъ, что на вечерахъ бывали „барышни“, но какія и зачѣмъ—неизвѣстно. Одинаково неизвѣстно, сколько было учениковъ и учениць у нашего философа, сколько часовъ въ день онъ занимался и сколько получалъ вознагражденія.

Конечно, все это мелочи и не изъ нихъ однихъ складывается жизнь человѣка, тѣмъ болѣе такого, какимъ былъ Гегель. Но

нельзя-же и пренебрегать интимными подробностями, нельзя ограничиваться біографіей одной „системы". Система-системой, но какъ забыть, что за ея геометрически правильными построеніями скрывается живое существо, одаренное мускулами, нервами и... весьма замѣтнымъ властолюбіемъ? Система развивалась „органически"; любопытно слѣдить за ростомъ идей, за ихъ развѣтвленіями, но не она-же писала доносъ на Фриза, преклонялась передъ французскими штыками и требовала самыхъ строжайшихъ полицейскихъ мѣропріятій противъ „мальчишескаго либерализма и философовъ чувства," пытавшихся пробудить общество отъ филистерскаго сна. А это, къ сожалѣнію, факты изъ біографіи Гегеля, для объясненія которыхъ не мѣшало-бы знать интимныя подробности его жизни и проникнуть въ глубь его личнаго характера.

Но эти интимныя подробности въ большинствѣ случаевъ отсутствуютъ. По мнѣнію Розенкранца, „біографія философа исчерпывается біографіей его системы"; Гаймъ считаетъ возможнымъ отвести „логикѣ" или „Феноменологіи духа" 20—30 страницъ, а о семейной жизни вскользь бросить замѣчаніе, что жена Гегеля, Марія фонъ Гегель, была „лучшая изъ женщинъ". Почему—лучшая? Занятый феноменологіей, Гаймъ—увы!—этого не объясняетъ.

Передъ нами семилѣтній періодъ, въ который какъ будто-бы ничего не было. Самъ Гегель въ своихъ письмахъ посвящаетъ ему двадцать строкъ, Гаймъ исключительно даетъ исторію умственнаго развитія.

Надо думать, что въ домѣ Чугъ Гегель чувствовалъ себя не особенно хорошо. Онъ могъ конечно утѣшать себя мыслью, что не ему одному приходится тянуть скучную лямку домашняго учительства, что домашними учителями были и Кантъ, и Фихте, и впослѣдствіи Гербартъ... Но все-же недостатокъ свободнаго времени, отсутствіе подходящаго интеллигентнаго общества слишкомъ ощутительны. Гегель жалуется, что не можетъ слѣдить за новостями философской жизни, что занятія не оставляютъ ему желательнаго досуга. Вѣроятно онъ страшно одинокъ, вѣроятно эти де-Чуги относятся къ нему съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ. Волей-неволей ему приходится сконцентрироваться въ самомъ себѣ и выбирать „le mieux possible" въ несимпатичной обстановкѣ.

Спасаетъ жажда познанія, давно отмѣченное нами стремленіе къ энциклопедичности. Гегель старается заниматься съ прежнимъ

усердіемъ, прежнею терпѣливостью. Онъ изучаетъ богословіе, интересуется политикой, даже мѣстнымъ правомъ и податной системой, штудируетъ Канта и Фихте; но эти занятія, за исключеніемъ рѣдкихъ писемъ къ Шеллингу, происходятъ въ одиночествѣ, безъ живого общенія мыслями, вдали отъ жизни вообще.

Система выростаетъ, отданная въ жертву книгамъ и логикѣ. Если и прежде въ жизни Гегеля мало дружбы, мало любви и молодости, то эти три года, проведенные въ домѣ Чуговъ, сухи, какъ пемза. Отбывши эту повинность, Гегель перебрался въ Франкфуртъ-на-Майнѣ, въ домъ купца Гогеля, также въ качествѣ домашняго учителя къ его дѣтямъ. Здѣсь жизнь его стала разнообразнѣе. Онъ опять въ кругу образованныхъ друзей и имѣетъ возможность вести болѣе соотвѣтствующую складу своего характера жизнь.

Онъ занимается политикой Въ немъ еще бродятъ остатки прежняго либерализма. Такъ, напр., одно его сочиненіе озаглавлено: „Dass die Würtemberger Magistrate vom Volk gewahlt werden mussen“ (1798 г.). Здѣсь онъ требуетъ, чтобы земскіе чины воспользовались во всей силѣ принадлежащими имъ правами. Ораторскимъ тономъ говоритъ онъ о необходимости „отъ грустной боязни, которая обязана дѣйствовать по непреложной необходимости, возвыситься до смѣлой рѣшимости, которая сама чего-нибудь хочетъ“.

Но такое настроеніе, въ которомъ однако все-же преобладаетъ желаніе понять, почему все такъ нехорошо, чѣмъ уничтожить это нехорошее, длилось очень недолго. Занятія политикой привели Гегеля къ тому выводу, что „Германія—не государство“.

Придя къ такой весьма нелестной для патріотизма формулѣ, Гегель отнесся къ ней съ немного болѣе горячимъ участіемъ, чѣмъ къ выводу дифференціальнаго исчисленія. „Германія — не государство“, и онъ на время махнулъ на нее рукой. Понявъ, что $x = 0$, онъ рѣшилъ, что нечего съ нимъ, значитъ, и дѣлать. Онъ интересовался, пока не зналъ: „почему это такъ?“ Найдя отвѣтъ на „почему“, онъ успокоился.

Гегель счелъ нужнымъ безъ борьбы, безъ всякаго проявленія активности *примириться* съ этимъ тяжелымъ положеніемъ своей родины. Онъ рѣшился разработать „природу до степени идеи“, сдѣлать себѣ „изъ изображенія своего внутренняго міра своего постояннаго собесѣдника“. Не преобразованіемъ политическихъ

условій германской жизни долженъ онъ добиться своего счастья, а путемъ совершенно особеннымъ: при помощи метафизики онъ устроитъ въ этомъ мірѣ дѣйствительности и свой собственный міръ, которымъ и будетъ наслаждаться, какъ единственно удобнымъ для его существованія.

Здѣсь уже Гегель проявляется во весь свой ростъ. Какъ энциклопедистъ, онъ интересуется и политикой, пишетъ даже цѣлые трактаты о мѣстномъ правѣ и о податной системѣ Берна. Повсюду онъ выказываетъ удивительную теоретическую мощь и удивительное практическое безсиліе Упорно останавливается онъ на вопросѣ „почему“ и, подыскавъ ему десятокъ остроумнѣйшихъ объясненій, успокоивается, такъ сказать, на самомъ порогѣ дѣйствія, какъ выражается Гаймъ. Стоитъ ему только столкнуться съ дѣйствительностью, какъ его слишкомъ логическій умъ начинаетъ теряться и путаться, причемъ отсутствіе всякаго конкретнаго стремленія сейчасъ-же даетъ себя чувствовать. Трактуя о необходимости выборной системы, Гегель однако заканчиваетъ свою работу словами: „главное дѣло въ томъ, чтобы предоставить право выбора сословію лицъ независимыхъ, просвѣщенныхъ и честныхъ. Но я не могу понять, какой родъ выборовъ можетъ доставить такое собраніе людей, даже предположивши, что какъ активное, такъ и пассивное право избиранія будутъ опредѣлены съ крайней осторожностью“. Несмотря на это недоумѣніе, Гегель спокойно ставитъ точку.

Гегель въ это время прекрасно понималъ, что дѣйствительность скверна и удушлива Онъ прямо говоритъ: „германская жизнь не можетъ оставаться въ томъ состояніи, въ какомъ находится теперь, потому что все существующее утеряло уже всякую силу и всякое достоинство, превратившись въ явленіе чисто отрицательное“

Что-же съ этимъ дѣлать? Такъ вѣдь жить нельзя; „вѣдь въ тѣхъ, кто разработалъ внѣшній міръ до степени идеи (попросту: *понялъ* его), есть жгучая жажда жизни; такіе люди чувствуютъ потребность выхода изъ идеи въ жизнь“. Однако обстоятельства времени заставляютъ исключительно сосредоточиться на внутренней жизни, „а состояніе человѣка,—говоритъ намъ самъ Гегель,—котораго обстоятельства времени заставляютъ уединиться во внутренній міръ, можетъ быть уподоблено только безпрерывному замп-

ранію...“ Тяжелое это чувство особенно для того, у кого есть жажда жизни, есть стремленіе выйти изъ идеи въ дѣйствительность!

Въ Гегелѣ борятся два начала: одно—критически выработанное представленіе объ окружающей обстановкѣ, какъ самой скверной, ни съ какими требованіями разума несообразной, словомъ—„чисто-отрицательной“; другое,—взятое имъ на вѣру изъ античнаго міра, представленіе о вселенной, какъ о единомъ прекрасномъ космосѣ, проникнутомъ дивной гармоніей художественнаго произведенія. И чтобы примирить это противорѣчіе, Гегель напрягаетъ силу своего разума, чтобы спасти себя отъ безысходнаго отчаянія и отыскать себѣ въ жизни тотъ уголокъ, гдѣ, несмотря ни на что, онъ можетъ быть счастливымъ, какая-бы жизненная скверность не окружала его,—онъ бросается уже открыто и безповоротно въ объятія метафизики Тамъ—возможное спасеніе Метафизика должна привести въ связь все существующее и представляемое; эту разрозненную, полную видимыми противорѣчіями дѣйствительность она должна объединить въ одномъ *цѣломъ*. Задача сводится къ тому, чтобы примирить фактъ и идею, представляемую красоту и существующую скверность. Не насиліемъ, не активной борьбой съ недостатками жизни можно сгладить это различіе; нѣтъ: „метафизика должна указать ограниченіямъ ихъ границы и ихъ *необходимость въ связи* съ цѣлымъ“. Прежде всего надо примирить противорѣчіе между идеей, представленіемъ и явленіями дѣйствительности. Вѣрный идеалистическому принципу, Гегель утверждаетъ, что существуетъ только мысль и внѣ мысли не существуетъ ничего. Это не человѣческая мысль, а мысль Абсолюта, т. е. мысль міра, стремящаяся къ самопознанію, на основаніи законовъ логики. Она, эта мысль, воплощаетъ (противополагаетъ) себя въ различныя конкретныя формы, изъ которыхъ каждая *необходима* для этого процесса самопознанія. И все дѣйствительное *разумно*, такъ какъ *все* есть только стадія воплощенія Разума на безконечномъ пути саморазвитія.

Гегель поставилъ себѣ задачей примирить себя, свой внутренній міръ съ жизнью. Выработанное на почвѣ классической древности міросозерцаніе давало ему конечный пунктъ для этой дѣятельности разума При помощи діалектики, вселенная должна была предстать какъ единое гармоническое цѣлое, всѣ части котораго

необходимо связаны между собой. Здѣсь все прекрасно, не какъ нѣчто отдѣльно взятое, но какъ звѣно въ безконечной мировой цѣпи, какъ составная необходимая часть общей гармоніи. И эта примирительная задача какъ нельзя лучше удалась Гегелю. Онъ не только искренне обманывался самъ, но и цѣлое поколѣніе Европы смотрѣло на его систему, какъ на новое Евангеліе. Конечная цѣль его усилій прекрасно изложена Бѣлинскимъ въ періодѣ „гегеліанства".

„Весь безпредѣльный прекрасный Божій міръ, говоритъ нашъ великій критикъ, есть не что иное, какъ дыханіе единой вѣчной идеи, проявляющееся въ безчисленныхъ формахъ, какъ великое зрѣлище абсолютнаго единства въ безконечномъ разнообразіи. Только пламенное чувство смертнаго можетъ постигать въ свѣтлыя мгновенія, какъ велико тѣло этой души вселенной, сердце котораго составляютъ громадныя солнца, жилы—млечные пути, а кровь—чистый эфиръ. Для этой идеи нѣтъ покоя: она живетъ безпрестанно, т. е. безпрестанно творитъ, чтобы разрушать, и разрушаетъ, чтобы творить. Она воплощается въ блестящее солнце, въ великолѣпную планету, въ блудящую комету; она живетъ и дышетъ въ бурныхъ приливахъ и отливахъ морей, въ свирѣпомъ ураганѣ пустынь, въ шелестѣ листьевъ, въ журчаньи ручья, въ рыканіи льва и въ слезѣ младенца, въ волѣ человѣка и въ дивныхъ созданіяхъ времени. Кружится колесо времени съ быстротою непомѣрною, въ безбрежныхъ равнинахъ неба потухаютъ свѣтила, какъ истощившіеся волканы, и зажигаются новыя, на землѣ проходятъ роды и поколѣнія и замѣняются новыми; смерть истребляетъ жизнь, жизнь уничтожаетъ смерть; силы природы борятся, враждуютъ и умиротворяются силами посредствующими, и гармонія царствуетъ въ этомъ вѣчномъ броженіи, въ этой борьбѣ начала и веществъ ..." Словомъ:

Въ вѣчномъ движеньи,
Въ волнахъ бытія
Я опускаюсь, я поднимаюсь...
Жизнь и движенье—вѣчное море
Смерть и рожденье—
Въ вѣчномъ просторѣ.

Остается одно—*созерцать* и... радоваться.

Закончимъ теперь обозрѣніе внѣшнихъ событій, относящихся къ этому періоду. Обстоятельный herr Розенкранцъ сообщаетъ

намъ, что „15 янв. 1799 г. умеръ отецъ Гегеля, оставивъ послѣ себя пустое мѣсто въ виртембергской палатѣ, но отнюдь не въ человѣчествѣ. Гегель—это важнѣе—„получилъ въ наслѣдство 3154 гульдена, 24 крейцера, 4 пфенига". Съ этими маленькими деньгами онъ рѣшился оставить домашнее учительство и попытать счастья на профессорской кафедрѣ Ему было 29 л. отъ роду; система въ общихъ чертахъ уже ясно представлялась его умственному взору. Онъ былъ молодъ, здоровъ, какъ прежде, неутомимъ въ работѣ. „30 лѣтъ отъ роду,—сказано въ его паспортѣ,—ростомъ — 5 футовъ и 2 дюйма; волоса и брови темные; глаза сѣрые, носъ и ротъ средніе; подбородокъ круглый; лицо продолговатое".

Бывшій его другъ Шеллингъ, профессоръ іенскаго университета, съ которымъ онъ теперь переписался, обѣщаетъ ему „употребить въ его пользу свое вліяніе". Заручившись этимъ, Гегель ѣдетъ въ Іену, гдѣ его ждетъ дружба, кафедра и, быть можетъ, слава.

Утомительные годы ученичества окончились.

V

Іена. Гегель и романтики.

Переѣхавъ въ Іену, Гегель немедленно очутился въ самомъ избранномъ обществѣ Іена—университетскій городъ, гдѣ Фихте и Шеллингъ читали свои лекціи, Нитгаммеръ и Фихте издавали критическій журналъ философіи, гдѣ работали и жили братья Шлегели, вокругъ которыхъ группировалась цѣлая плеяда романтиковъ,—Тикъ, Новалисъ, отчасти Гельдерлинъ, Шлейермахеръ и пр. Жизнь была разнообразна и весела. Фридрихъ Шлегель велъ свою полемику съ Шиллеромъ, удивлялъ всѣхъ и каждаго своими злыми критическими статьями, любилъ свою Доротею и сочинялъ романъ, который долженъ былъ положить начало новому искусству; Августъ Шлегель изслѣдовалъ миѳы; Новалисъ только что закончилъ рядъ своихъ глубоко философскихъ дивно-юмористическихъ произведеній и, къ сожалѣнію, самую жизнь. По всей линіи шла оживленная перестрѣлка. Дѣятельность Шеллинга достигала своей кульминаціонной точки. Онъ энергично читалъ лекціи въ университетѣ, работая своей геніальной головой на глазахъ у публики и у слушателей, удивляя тѣхъ и другихъ своими быстрыми скачками отъ одного предмета къ другому, отъ недописаннаго сочиненія къ новому; въ журналѣ Нитгаммера онъ велъ критическій отдѣлъ въ рѣзко-полемическомъ тонѣ, безъ пощады казня противниковъ идеализма и своихъ старыхъ враговъ—ортодоксальныхъ теологовъ, „умѣвшихъ выбирать отдѣльныя фразы изъ Канта въ защиту своихъ мнѣній“. Здѣсь-же, въ Іенѣ, Шиллеръ нашелъ себѣ убѣжище и, отдаваясь поэтической дѣятельности, занимался нѣкоторое время преподаваніемъ исторіи и эстетики. Іена была какъ бы вторымъ мѣстопребываніемъ Гете, куда онъ переселялся всякій разъ, когда

окончаніе какого нибудь произведенія требовало отъ него глубокаго спокойствія души и свободнаго времени. Здѣсь великій и благородный Фихте велъ съ кафедры упорную борьбу съ квіетизмомъ и пошлостью своего времени Но энергичнѣе, дѣятельнѣе и заносчивѣе всѣхъ были конечно романтики. Это была компанія людей даровитыхъ, талантливыхъ, иногда даже съ признаками настоящаго генія, какъ у Новалиса, рѣшившихся во что-бы то ни стало сказать свое новое слово, большее, чѣмъ слово Гете и Шиллера Изъ за этого новаго слова, еще не оформленнаго, передававшаго скорѣе настроеніе, чѣмъ мысль, шла ожесточенная полемика, раздѣлившая нѣмецкую интеллигенцію на два лагеря: Фихте и Шиллера съ одной стороны, Шеллинга и романтиковъ съ другой

Намъ необходимо сказать объ этой полемикѣ нѣсколько словъ, чтобы опредѣлить ту умственную обстановку, въ которую попалъ Гегель послѣ своего бернскаго и франкфуртскаго одиночества Но метафизику и философскія разногласія по ихъ малой удобопонятности мы оставимъ въ сторонѣ, а посмотримъ, чего хотѣла та и другая партія въ нравственномъ отношеніи

Начнемъ съ Фихте. Въ своемъ „Ученіи о наукѣ“ онъ признавалъ, что внѣшній міръ, будучи *представленіемъ* духа, не существуетъ въ истинномъ смыслѣ слова, что, въ дѣйствительности, онъ—ничто. Но если „не я“, природа, не существуетъ, то въ чемъ-же можно найти фундаментъ для мысли, т. е философіи и дѣятельности? Этотъ фундаментъ—человѣческое „я“, то есть свободная и сознательная разумность, существующая только для себя, знающая только себя, такъ какъ больше ничего нѣтъ и всѣ вещи—простое отраженіе дѣятельности духа. Поэтому „человѣкъ есть мѣрило всего“, въ немъ самомъ источникъ жизни и обстоятельствъ; природа и государственное устройство только тѣнь его индивидуальнаго сознанія, измѣняющіяся во мѣрѣ того, какъ ростетъ, крѣпнетъ пріобрѣтаетъ свободу и ясность это самое сознаніе. Нося въ себѣ такое священное, всеобъемлющее начало, можно-ли отдавать его въ рабство чему-бы то ни было, можно ли робко преклоняться передъ жизнью, когда во главѣ всего стоятъ не обстоятельства, не условія, а личное самосознаніе? Отсюда очевиденъ переходъ къ нравственной системѣ. Въ чемъ человѣкъ долженъ искать основаній для своей дѣятельности? Въ себѣ самомъ. Долженъ ли онъ считать что-нибудь высшимъ сравнительно съ голосомъ своего

разума? Конечно, нѣтъ. Можетъ ли онъ бояться какого нибудь авторитета, созданнаго вѣрой или государственной жизнью? Но вѣдь авторитеты, соціальныя формы—не больше какъ „отраженная дѣятельность духа", и новая стадія этой дѣятельности предполагаетъ и новыя условія, новыя формы жизни. Призывая къ дѣятельности, къ борьбѣ, Фихте всегда обращался къ сознанію человѣка. Это сознаніе создало міръ и государство, оно наполнило жизнь живыми конкретными образами, которые мы называемъ вещами; неужели же оно, этотъ божественный духъ, можетъ пресмыкаться въ грязи и униженіи, забывши свое величіе, свое происхожденіе отъ эфира и солнца? Жизнь для идеи есть единственная истинная жизнь. Поэтому не трудно понять, что Фихте своей философіей, своими высокими нравственными идеалами, все равно какъ Шиллеръ своей благородной поэзіей, расположилъ къ себѣ всѣхъ дѣятельныхъ людей. Своими рѣчами къ нѣмецкой націи онъ далъ толчекъ, который обнаружился впослѣдствіи въ идеяхъ и стремленіяхъ, одушевлявшихъ долгое время патріотически настроенную, стремившуюся впередъ, германскую молодежь.

Дѣятельныя натуры примкнули къ Фихте и Шиллеру. На сторонѣ этихъ двухъ горячихъ и талантливыхъ людей стояли всѣ, принимавшіе участіе въ судьбахъ своего времени и отечества. Они надѣялись осуществить въ дѣйствительности свои политическіе идеалы, въ своихъ нравственныхъ воззрѣніяхъ твердо держались строгой морали Канта и Фихте и были проникнуты глубокимъ сознаніемъ своей отвѣтственности передъ жизнью. Критическая философія Канта, популяризованная Рейнгольдомъ, давала ихъ уму завлекательную свободу, пріучила безстрашно относиться къ „неразложимымъ" понятіямъ, существующимъ въ жизни въ видѣ „неразложимыхъ" формъ и функцій и, въ сущности говоря, совершенно ниспровергала какъ протестантское правовѣріе, такъ и тѣ формы бытія, которыя прямо и непосредственно зависѣли отъ авторитета теологическихъ представленій. Высокіе этическіе принципы Фихте, его неподдѣльная горячая любовь къ родинѣ, его глубокое уваженіе къ человѣку, прямо вытекавшее изъ основныхъ принциповъ его теоретической философіи, наряду съ упомянутымъ выше критицизмомъ Канта, создали цѣлое поколѣніе бодрыхъ и энергично настроенныхъ людей, находившихъ въ поэзіи Шиллера конкретные образы для своихъ идеаловъ, а въ раннихъ произве-

деніяхъ Гете — голосъ страсти, сознаніе своего *человѣческаго* права на счастливую жизнь

Совершенно другое представляла изъ себя романтическая школа, не бѣдная талантами и дарованіями, выставившая такого философа какъ Шеллингъ, такихъ поэтовъ-беллетристовъ, какъ Тикъ и Новалисъ, критиковъ вродѣ Шлегелей и пр. Прежде всего надо замѣтить, что вся романтическая компанія, за исключеніемъ самыхъ выдающихся, терпѣть не могла Шиллера, отвергала его поэзію, не совсѣмъ основательно чуя въ ней революцію; съ отвращеніемъ относилась къ дѣйствительности и современности, любила природу, средніе вѣка, скульптуру и востокъ Романтики постоянно стремились къ подземной и надземной, только не къ земной области, въ царство видѣній и духовъ, къ отдаленнымъ временамъ и народамъ Настоящее время и окружающую ихъ жизнь они, вообще говоря, отрицали, какъ пропитанную „прозаическимъ экономическимъ духомъ", или относились къ ней съ высшимъ презрѣніемъ. Истинная жизнь—это жизнь поэтическаго творчества, созерцанія образовъ собственной фантазіи, проникновеніе въ тайну міра. Въ скверной малодушной дѣйствительности, умѣющей только „продавать дороже и покупать дешевле,—можно зачахнуть, задохнуться". Всѣми способами надо убѣгать отъ нея.. но куда? Тикъ посвятилъ одно изъ своихъ стихотвореній людямъ, изнуреннымъ дѣйствительною жизнью и наслаждавшимся одними мечтами; Гельдерлинъ искалъ забвенія въ созерцаніи греческихъ идеаловъ; Арнимъ писалъ стихи, съ той-же цѣлью, съ какой курятъ гашишъ; Фридрихъ Шлегель сидячую праздность индуса считалъ идеаломъ и въ прозябаніи наподобіе индуса видѣлъ высшее счастье Только чудесное, только фантазія могутъ спасти человѣка отъ путъ и оковъ современности, и къ этому фантастическому, чудесному, неестественному у романтиковъ была особенная, болѣзненная наклонность Они вѣрили въ магію, предпочитали астрологію—астрономіи, такъ какъ первая „поэтичнѣе", и не выносили XVIII в съ его практическими задачами, его стремленіемъ выяснять все изъ естественныхъ причинъ. Разсудокъ оказывался „очень скучнымъ и прозаическимъ", принципъ „полезности" — ничѣмъ, сравнительно съ средневѣковымъ принципомъ „чести" Нѣтъ ничего болѣе ужаснаго, какъ замкнуться въ предѣлахъ конечнаго-земного, забывши о всепроникающей тайнѣ мірозданія, и т. д

Романтики хотѣли,—чтобы жизнь была поэтичной, а человѣкъ—„эстетическою личностью". Наперекоръ раціоналистическому требованію *знанія*, они требовали *вѣры*. Когда впослѣдствіи въ лицѣ Авг. Шлегеля они выступили на политическую арену, то вся ихъ проповѣдь ограничилась восторгами передъ средними вѣками, передъ папствомъ и единой имперіей, сословнымъ строемъ общества и желаніемъ водворить политически-неподвижный statu-quo. Въ нихъ была несомнѣнная энергичная наклонность къ квіетизму и созерцанію, оттого-то они и пристали такъ охотно къ политической реакціи. Одни преклонились предъ господствующими силами времени и сослужили имъ не малую службу, отуманивая умы блестящими фразами Другіе кончили душевнымъ разстройствомъ, ударились въ крайній мистицизмъ, какъ Шеллингъ, сошли съ ума, какъ Гельдерлинъ, или стали изувѣрными католиками, какъ Фридрихъ Шлегель. „Въ средѣ романтиковъ фантазированіе приняло самую опасную и отвратительную форму. Изъ корня романтизма возникло научное направленіе, не подчинявшееся требованіямъ критики, возникла политическая и религіозная реакція".

На первое время Гегель присталъ къ романтикамъ. Какъ другу Шеллинга, ему готовъ былъ въ кружкѣ самый лестный пріемъ, но это обстоятельство совсѣмъ не означало, что Гегель увлекался или могъ увлечься дикими парадоксами Фр. Шлегеля. Онъ былъ слишкомъ „трезвъ", чтобы упражняться въ романтическомъ пустословіи. Но поступить иначе онъ не могъ. Романтизмъ, какъ видѣлъ читатель, былъ только отраслью общаго реакціоннаго движенія; своими парадоксами, своимъ стремленіемъ къ мистицизму, онъ проповѣдывалъ отреченіе отъ дѣятельной борьбы съ жизнью и созерцательное наслажденіе своимъ чувствомъ, своей фантазіей. Но когда надо было выбирать между Фихте и романтиками, Гегелю затрудняться не приходилось. Не онъ-ли объявилъ, что Германія не государство, не въ немъ-ли не было и іоты патріотизма или дѣятельной любви къ ближнему! Онъ стремился примириться съ жизнью, переработать дѣйствительность въ прекрасную и гармоничную идею. По складу своего характера и ума, Гегель прежде всего былъ созерцателемъ и квіетистомъ, а ужь никакъ не активной натурой. Слившись *свой* разумъ съ разумомъ вселенной, т. е Абсолютомъ, свои требованія съ требованіями всего міросданія, свои практическіе идеалы съ идеалами государства, поглотившаго лич-

ность,—Гегель могъ предаться созерцанію той абсолютной гармоніи, которая, по его мнѣнію, царила во вселенной. Къ личности, къ личному „я“ онъ всегда относился съ большимъ пренебреженіемъ и если допускалъ его существованіе, то развѣ для избранныхъ философовъ, преимущественно для себя, а уже никакъ не для всѣхъ. Политическая реакція и квіетизмъ не только не пугали его, а напротивъ привлекали своимъ якобы все-примирившимъ совершенствомъ, своимъ спокойствіемъ. Не надо забывать конечнаго пункта его усилій. Въ теоретической области—это было *построеніе* вселенной, какъ единаго прекраснаго космоса, въ практической — оправданіе существующаго, какъ исторически-необходимаго, какъ логически-неминуемаго и неизбѣжнаго. Впослѣдствіи защитники монархизма, конечно европейскаго, не безъ удовольствія читали страницы о власти „il principe“ въ его „Философіи права“; люди порядка и спокойствія, эти вѣчные поклонники выгоднаго для нихъ statu-quo, во имя своихъ пошлыхъ удовольствій и эгоистическаго торгашества, съ охотой принимали ученіе, въ которомъ *пониманіе необходимости всего* исключало всякую рѣшимость дѣйствовать, личность не имѣла права борьбы и протеста, на всякомъ лежала обязанность подчиняться существующему порядку вещей и уважать его, ибо онъ разуменъ уже потому, что все сущее есть процессъ дѣятельности разума Люди усталые,—а ихъ въ это время было куда какъ много,—готовы были именно вслѣдствіе усталости вѣрить, что имъ не надо болѣе бороться и добиваться высшихъ цѣлей; что, постигая съ Гегелемъ разумную сущность свободы, обязанности и нравственности, они тѣмъ самымъ уже осуществляютъ все это въ дѣйствительности.

Понятно поэтому, что Гегель примкнулъ къ романтизму. Если-же онъ впослѣдствіи и разошелся съ нимъ, то не вслѣдствіе нравственнаго кризиса, потребовавшаго борьбы и дѣятельности, а только изъ уваженія къ здравому смыслу. Романтизмъ выродился въ безплодное геніальничанье, въ игру словами, въ болѣзненное пристрастіе ко всему чудесному, неестественному. Гегель не уходилъ отъ дѣйствительности, какъ романтики, онъ только оправдывалъ ее, только примирялся съ нею.

VI.

Іена. — Профессорская дѣятельность. — Отношенія къ Шеллингу.

Переѣхавши въ Іену, сказали мы, Гегель сразу очутился въ самомъ водоворотѣ германской умственной жизни. Университетъ, гдѣ ему приходилось начинать свою педагогическую дѣятельность, считался однимъ изъ лучшихъ во всей странѣ; число студентовъ далеко переходило за тысячу, а о массѣ приватъ-доцентовъ мы имѣемъ то свѣдѣніе, что они въ одно и то-же время читали по нѣскольку параллельныхъ курсовъ: до того было ихъ много. Іена несомнѣнно была центромъ, іенская философская каѳедра, еще недавно занятая Фихте, обращала на себя всеобщее вниманіе Сама философія обновлялась и привлекала лучшіе умы. Кого изъ молодежи, толпившейся вокругъ каѳедръ профессоровъ и жадно ловившей нѣсколько туманныя, но казавшіяся всеобъемлющими истины, не соблазняла упроченная уже слава Канта и Фихте, чье воображеніе не разгоралось при взглядѣ на Шеллинга, excellentissimus'а, несмотря на свои 25 лѣтъ, знаменитаго автора системы трансцендентальнаго идеализма, почитавшейся многими за откровеніе? Философія занимала все поле умственной жизни, а точная наука, несмотря на только-что сдѣланныя ею великія открытія въ области естествознанія,—оттѣснялась на задній планъ, пользуясь развѣ уваженіемъ, къ которому примѣшивалась доза высокомѣрія. Умъ человѣческій все еще стремился однимъ могучимъ порывомъ творчества объяснить себѣ сущее и пренебрегалъ терпѣливыми усиліями скромныхъ тружениковъ экспериментаторовъ.

Гегель, философъ par excellence, другъ Шеллинга, имѣвшій уже у себя въ чемоданѣ черновые наброски своей системы, могъ слѣдовательно считать себя счастливымъ: передъ нимъ открывались лучшія перспективы, а полученное недавно наслѣдство позволяло провести нѣсколько лѣтъ самостоятельно, безъ скучныхъ обязанностей домашняго учительства, безъ боязни за завтрашній день Всѣ его силы могли найти полное примѣненіе и онъ, охваченный бодрой атмосферой, на самомъ дѣлѣ сразу бросается въ борьбу. Работаетъ онъ неутомимо, какъ прежде, но это уже не скромная работа въ тиши кабинета, а настоящее дѣло на глазахъ у всей Германіи, быть можетъ, всего человѣчества! Сначала впрочемъ ему пришлось написать диссертацію „pro venia legendi“, чтобы получить право читать лекціи. Весь матеріалъ былъ уже заготовленъ раньше и, поощряемый съ одной стороны Шеллингомъ, съ другой—своимъ собственнымъ желаніемъ какъ можно скорѣе добиться каѳедры, Гегель въ первый-же годъ своего пребыванія въ Іенѣ защищаетъ на публичномъ диспутѣ свое „de orbitis planetarum“, гдѣ, отвергая Ньютона, обращается для своихъ астрономическихъ соображеній къ гипотезѣ Платона, изложенной въ „Тимеѣ“. Какъ истинный метафизикъ, онъ выдвигаетъ на сцену таинственный рядъ чиселъ: 1, 2, 3, 4, 9, 16, 28 и опредѣляетъ разстояніе между планетами сообразно его указаніямъ Тутъ отмѣтимъ маленькое обстоятельство, не оказавшее впрочемъ на Гегеля никакого впечатлѣнія. Разсматривая свой таинственный рядъ, онъ пришелъ къ тому выводу, что между третьей и четвертой планетами не должно быть никакого тѣла, такъ какъ въ рядѣ для него нѣтъ соотвѣтствующаго числа. Какъ вдругъ, почти наканунѣ выхода диссертаціи, одному изъ астрономовъ удается открыть Цереру въ пустомъ, по указанію Гегеля, мѣстѣ. Нисколько этимъ не смущаясь, Гегель остался при своемъ презрѣніи къ телескопу. Отмѣтимъ далѣе, что 27-го августа 1801 г. происходилъ его „Habilitations disputation“, т. е. диспутъ правоспособности, на которомъ нашъ философъ защищалъ слѣдующіе характерные для него тезисы: „критическая философія бѣдна идеями и несовершенна форма скептицизма“; „основаніемъ нравственности должно быть уваженіе къ судьбѣ“. Благополучно покончивъ свои диспуты, Гегель въ 1801 г. вывѣсилъ для студентовъ объявленіе, въ которомъ говорилъ, что „въ предстоящій се-

мастеръ имъ будетъ открытъ курсъ лекцій по философіи вмѣстѣ съ славнѣйшимъ Шеллингомъ".

Оставляя въ сторонѣ вопросъ о томъ, каковъ былъ этотъ курсъ, скажемъ нѣсколько словъ о впечатлѣніи, производимомъ Гегелемъ въ первые годы его профессорства. Впечатлѣніе—увы!—было не изъ лучшихъ: большинство студентовъ рѣшительно ничего въ этихъ лекціяхъ не понимало, многіе должны были напрягать всѣ свои силы, чтобы уловить хоть единую мысль въ длинномъ и скучномъ рядѣ силлогизмовъ. Розенкранцъ прямо говоритъ, что „на массу студентовъ Гегель не имѣлъ никакого вліянія и его чтенія были извѣстны имъ лишь какъ рѣдкій экземпляръ полной неясности и темноты". Гегелю все давалось съ громаднымъ трудомъ и сколько-нибудь сноснымъ профессоромъ онъ сталъ только въ Берлинѣ черезъ 20 лѣтъ, да и тогда онъ безъ всякаго состраданія обременялъ своихъ слушателей, требуя отъ нихъ самаго напряженнаго вниманія и нисколько не заботясь о томъ, чтобы подогрѣвать его. Во всякомъ случаѣ, большинство студентовъ предпочитало Фриза или другихъ приватъ-доцентовъ, а Гегелю приходилось довольствоваться почти пустой аудиторіей. Не видно однако, чтобы это особенно смущало его, и онъ всегда среди молодежи былъ полонъ собственнаго достоинства, позволивъ себѣ пошутить всего-на-всего одинъ разъ за пять или шесть лѣтъ! Но въ душѣ, быть можетъ, у него накапливалось неудовольствіе противъ счастливыхъ конкуррентовъ, и почему-бы не искать здѣсь, въ Іенѣ, начала столкновенія съ Фризомъ, такимъ-же приватъ-доцентомъ, но пользовавшимся популярностью, которое впослѣдствіи окончилось къ такому стыду для нашего философа? Но это еще впереди, пока-же Гегель читаетъ свои непонятныя никому лекціи и напрасно старается разъяснить аудиторіи смыслъ дорогого его сердцу „Абсолюта". Увы! Этотъ Абсолютъ, не смотря на всѣ усилія, никакъ не хочетъ спуститься на землю и войти въ головы слушателей. Изъ нихъ только двое—Цельманъ и Сутмейеръ—считаютъ себя гегеліанцами и пропагандируютъ абсолютное, но едва-ли особенно удачно.

Гегель требовалъ слишкомъ многаго отъ своихъ слушателей, и тѣ совершенно основательно отвернулись отъ него, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ. Онъ хотѣлъ, чтобы ему внимали, какъ пророку, принимали на вѣру каждую его мысль и почитали-бы

за высшее счастье здѣсь на землѣ проникнуть сквозь колючую скорлупу формы до „миражеобразной“ истины, какъ называетъ ее Гаймъ. Впослѣдствіи Гегель дѣйствительно добился этого и имѣлъ въ своемъ полномъ распоряженіи цѣлую аудиторію, не смѣвшую дохнуть, чтобы не упустить какого-нибудь самаго незначительнаго звена въ безконечно-долгой, діалектической цѣпи Но для іенскихъ слушателей эти требованія были преждевременны. Отмѣтимъ при этомъ любопытную черту деспотизма мысли, которая такъ рано проявилась у нашего философа. Онъ твердо, безусловно былъ убѣжденъ, что каждое слово, исходящее изъ его устъ, есть нѣчто подобное откровенію, что основные принципы его системы ни въ какихъ доказательствахъ не нуждаются, что кто не понимаетъ его—тотъ полуидіотъ, пошлякъ, „тривіальный умъ, опошлившійся отъ собственной тривіальности“. Гегель всегда считалъ свое дѣло оконченнымъ, разъ ему удавалось изложить какой-нибудь вопросъ, но онъ нисколько не заботился о томъ, чтобы сдѣлать это изложеніе доступнымъ Для этого онъ какъ будто слишкомъ презиралъ своихъ слушателей. Не только заискивать передъ ними, но даже снисходить къ слабости ихъ пониманія онъ не считалъ нужнымъ Свои рѣдкія разъясненія онъ давалъ всегда почти „съ усмѣшкой“, съ легкимъ отвращеніемъ, подчеркивая при этомъ, что если онъ и дѣлаетъ это, то только въ виду умственнаго убожества другихъ. Единственно подходящими для него учениками были рабы, „съ испугомъ замѣчавшіе свое случайное, мгновенное невниманіе“, не только не спрашивавшіе „почему“, но и не смѣвшіе сдѣлать это. Очаровывая людей всеохватывающимъ геніемъ своей мысли, Гегель въ душѣ достаточно презиралъ ихъ. Эту черту можно разсмотрѣть даже въ формѣ его чтенія. На профессорскомъ креслѣ, по словамъ его ученика Гото, онъ сидѣлъ всегда угомленный и угрюмый, съ поникшей головой, какъ-бы *съ неохотой* отдѣляя каждое слово, каждый слогъ; беззвучно и съ швабскимъ произношеніемъ (отъ котораго, кстати сказать, онъ никогда не хотѣлъ отдѣлаться) ставилъ онъ особо каждое предложеніе, безпрестанно кашляя и отхаркиваясь, и безпрестанно перелистывая огромныя тетради“. Для того, чтобы нашлись преданные слушатели, надо было предварительно внушить, что все сказанное исходитъ отъ истиннаго генія. Въ Іенѣ-же, повторяемъ, этого условія не было.

Къ своимъ читателямъ, къ своимъ слушателямъ Гегель не снисходилъ никогда. Онъ пренебрегалъ всѣми общедоступными и элементарными пріемами, чтобы стать понятнѣе хоть на іоту. Все равно какъ одинъ нѣмецкій математикъ на вопросъ, почему онъ не публикуетъ рѣшенія одной важной геометрической проблемы, презрительно отвѣчалъ: „а пускай добираются сами, если хотятъ“, — такъ, въ сущности, поступалъ и Гегель. „Понимайте, когда можете“,— какъ будто говорилъ онъ своимъ слушателямъ, нисколько не заботясь о томъ, что ихъ головы полны противорѣчіями и недоумѣніями. Иногда онъ даже какъ-бы нарочно сгущалъ туманъ, играя словами и разрѣшая себѣ настоящіе логическіе фокусы. Во множествѣ мѣстъ Феноменологіи духа, философіи права и позднѣйшихъ курсовъ Гегель безпрестанно переходитъ отъ отвлеченной формулы къ ея дѣйствительному содержанію, приписывая отвлеченной мысли всѣ свойства дѣйствительности, т е. факта, допуская для дѣйствительности всю гибкость и всѣ переливы мышленія. Но нигдѣ онъ не говоритъ, какую часть его сужденій должно понимать, какъ допускаемую только для процесса мышленія и какую для міра дѣйствительнаго. Отъ этого читатель и слушатель находятся въ безпрестанной опасности впасть въ ошибку, принять одно за другое, приложить мысль въ случаѣ, гдѣ она не прилагается. Отсюда безконечные споры о томъ, какъ слѣдуетъ понимать и къ чему относится то или другое выраженіе Своего основного положенія (истину должно разсматривать не только какъ сущность знанія, но и какъ *существо* знающее, т. е, что мыслимая и дѣйствительная природа отождествляются съ мыслящимъ духомъ) Гегель не доказываетъ нигдѣ. Но изъ него выводились всѣ слѣдствія, во имя его обрушивались громовыя критики на отсталыхъ мыслителей, всякое сомнѣніе въ этомъ случаѣ считалось непониманіемъ, полуидіотизмомъ. Гегель, въ своей полемикѣ, никогда не становится на точку зрѣнія противника. Какъ въ критикахъ, писанныхъ имъ вмѣстѣ съ Шеллингомъ въ Іенѣ, такъ и позже, онъ не признаетъ права противника удерживать хотя временно свое воззрѣніе, но опровергаетъ возраженія во имя тѣхъ самыхъ началъ, которыя заподозрѣны.

Это-ли не деспотизмъ мысли! Гегель и самъ иногда признаетъ трудности своей системы и говоритъ, очень рѣдко впрочемъ, что для *обыкновеннаго* пониманія нѣкоторыя его положенія могутъ

показаться странными и невѣроятными, что, пожалуй, ихъ могутъ принять за шутку. Въ такомъ случаѣ онъ „снисходитъ“, даетъ кое-какія поясненія, предварительно замѣтивъ однако, что для „философскаго пониманія все это ясно и понятно, какъ дважды-два. .“

Но обратимся къ его пребыванію въ Іенѣ.

Гегель встрѣтился съ Шеллингомъ какъ старый пріятель и они оба поселились на той-же квартирѣ. У нихъ были общіе знаком е, оба участвовали на какихъ-то еженедѣльныхъ философс ихъ обѣдахъ и оба ближе всего стояли къ кружку романтиковъ Если Шеллинга влекли въ этотъ кружокъ не только общность убѣжденій, но и болѣе нѣжная приманка въ лицѣ Августы Бемеръ, шестнадцатилѣтней красавицы дочери А Шлегеля, то Гегель, повидимому, безкорыстно наслаждался обществомъ интеллигентныхъ людей, слушая парадоксы Фридриха Шлегеля, добродушныя замѣчанія его любовницы Доротеи, всегда остроумныя и язвительныя рѣчи „сплетницы“ Каролины, жены старшаго Шлегеля и т. д. Тутъ-же въ Іенѣ Гегель близко сошелся съ проф Нитгаммеромъ, другомъ Фихте, слегка познакомился съ Гете и еще съ кое-кѣмъ. Но на первыхъ порахъ дружба съ Шеллингомъ заслоняла всѣ другія отношенія. Въ эти дни неувѣренности въ себѣ, незнанія себя, въ немъ было столько безкорыстія, что совершенно свободно и искренне онъ отождествилъ философію Шеллинга съ своей собственной и нисколько не усомнился выразить свои самостоятельно выработанныя убѣжденія въ простыхъ и прозрачныхъ формулахъ Шеллинговой „системы тожества“.

Къ Шеллингу въ это время онъ относился какъ другъ, увлекался блескомъ его генія, старался проникнуться его взглядами и „радостно“ воспринималъ ихъ въ себя, какъ такіе, которые даютъ ясность и твердость его собственной слишкомъ медленной и темной мысли. Онъ видѣлъ, что система Шеллинга во многихъ отношеніяхъ его собственная, но свою, по крайней мѣрѣ въ это время, онъ не могъ выразить съ такимъ блескомъ и такою конкретностью. Поэтому-то онъ и увлекся, увлекся какъ человѣкъ лишенный дара слова увлекается ораторомъ, излагающимъ его собственныя мысли. Шеллингъ подсказывалъ ему то, что въ неясныхъ и запутанныхъ образахъ копошилось въ его собственной головѣ,

чего онъ не рѣшался высказать по своей слишкомъ уже большой медлительности и осмотрительности Гегель — и въ этомъ особенность его генія—никогда не могъ выразить только *мелькнувшей* мысли; чтобы сдѣлать это, онъ предварительно долженъ былъ найти ей мѣсто во всей системѣ, связать ее съ міріадой другихъ мыслей. Шеллингъ-же былъ смѣлѣе; Шеллингъ „учился на глазахъ у публики" и всегда гораздо болѣе заботился о новизнѣ, оригинальности, чѣмъ объ обстоятельности. Поэтому-то онъ и далъ Гегелю готовую форму, куда на первый разъ могла, повидимому, вложиться и собственная система послѣдняго. Оба дѣйствовали искренне, но Гегель, впослѣдствіи, слишкомъ много говоря о своихъ разногласіяхъ съ философіей Шеллинга, черезъ чуръ мало останавливался на томъ, чѣмъ онъ былъ обязанъ своему другу. А эти обязательства громадны; ихъ можно сравнить лишь съ обязательствами Платона передъ Сократомъ и Аристотеля передъ Платономъ. Шеллингъ выяснилъ Гегелю его самого.

Шеллингъ—блестящій писатель, блестящій ораторъ, блестящій талантъ вообще 25-ти лѣтъ онъ пишетъ уже свою систему трансцендентальнаго идеализма и послѣ Канта и Фихте становится первой знаменитостью Германіи. Онъ работаетъ порывами, свободно отдаваясь стремленію своего творческаго духа, не боясь особенно противорѣчій, не особенно заботясь о томъ, чтобы придать цѣльность и строгую форму своей системѣ. Его философія блещетъ молодостью, изящной оригинальностью мысли, поэтическими образами, полной вѣрой въ самого себя и свои силы Если метафизика вообще близка къ поэзіи, то насчетъ Шеллинга совсѣмъ трудно сказать, гдѣ начинается одна, гдѣ кончается другая Очень сильный логическій умъ, Шеллингъ однако не пользуется въ полной мѣрѣ своей замѣчательной способностью выматывать нить аргументовъ; онъ предпочитаетъ сразу забрать читателя въ свои руки, сразу поразить его воображеніе, а затѣмъ уже совершенно просто и свободно приковываетъ его вниманіе своими блестящими парадоксами, своимъ аттическимъ остроуміемъ и особенною способностью вводить читателя во всѣ тонкости своего настроенія, сначала веселаго, жизнерадостнаго, полнаго юношескаго задора и увлеченія, потомъ—меланхолическаго и даже траурнаго. Въ этомъ отношеніи Шеллинга можно назвать вполнѣ поэтической натурой. Его богатая творческая фантазія не особенно до-

любливаетъ усидчивую работу, онъ всегда предпочитаетъ угадывать, вмѣсто того чтобы добираться до вывода путемъ медлительныхъ и терпѣливыхъ усилій. Въ этомъ заключалась та особенность его натуры, которая помогла впослѣдствіи Гегелю совершенно оттѣснить его на задній планъ. Онъ всегда слишкомъ надѣется на свой геній, на свою удивительную способность дѣлать самыя разнообразныя и остроумныя сближенія, скорѣе подчинять себѣ умъ читателя, чѣмъ руководить имъ. Достаточно было Фихте въ одной газетной рецензіи и коротенькой брошюркѣ намекнуть на принципъ своей философіи, какъ Шеллингъ уже на лету подхватываетъ его, дѣлаетъ изъ него самые разнообразные выводы и обращаетъ его въ свою собственность То-же и еще болѣе любопытное происходитъ впослѣдствіи съ естественными науками. Съ прозорливостью генія Шеллингъ видитъ, что обновленіе философіи должно явиться оттуда, изъ этой медленно наростающей груды фактическаго матеріала

Полный вѣры въ самого себя, онъ набрасывается на нее и, нисколько не смущаясь разрозненностью матеріала, тогда еще совершенно не обобщеннаго, создаетъ цѣлую натурфилософскую систему. Блестящія открытія Гальвани, Вольты, Пристлея, Кавендиша, Лавуазье завладѣваютъ его воображеніемъ. Но отнюдь не думаетъ онъ идти по пути этихъ скромныхъ тружениковъ. Презирая фактъ, Шеллингъ вѣруетъ лишь въ силу дедукціи, исходящей изъ немногихъ непреложныхъ принциповъ. Двухъ-трехъ лѣтъ отрывочныхъ занятій естествознаніемъ оказывается достаточнымъ, чтобы построить философію природы Передъ вами настоящая геометрія: сначала аксіомы, на доказательствѣ которыхъ Шеллингъ не считаетъ даже нужнымъ останавливаться, затѣмъ теоремы и леммы Факты приводятся въ видѣ иллюстрацій. О едва извѣстномъ въ то время электричествѣ, гальванизмѣ и пр. толкуется, какъ о какихъ-нибудь проблемахъ логики; изслѣдованія нѣтъ — вездѣ господствуетъ силлогизмъ; опытная физика отсутствуетъ, вмѣсто нея—физика умозрительная.

Но въ характерѣ Шеллинга была и другая черта, не менѣе поучительная, которая, развившись, къ безплоднымъ умствованіямъ его философіи прибавила еще и безплодно проведенную жизнь. Я говорю объ отдѣленіи отъ дѣйствительной жизни, о полномъ пренебреженіи къ ея практическимъ задачамъ и требо-

ваніямъ Въ этомъ случаѣ Шеллингъ дѣйствуетъ сообразно духу времени; онъ—одна изъ безчисленныхъ жертвъ этого убійственнаго разлада между внутренней природой человѣка и внѣшними условіями его жизни. Все равно какъ Гельдерлинъ сошелъ съ ума, Фридрихъ Шлегель перешелъ въ католицизмъ, такъ Шеллингъ закончилъ мистицизмомъ Съ этой точки зрѣнія его біографія особенно поучительна

Уже въ юные годы, послѣ кратковременнаго увлеченія революціей и борьбой съ теологами, перевравшими Канта, основной заботой Шеллинга становится забота о примиреніи съ жизнью. На языкѣ того времени примириться съ жизнью—значило отказаться отъ нея Всего 25 л. отъ роду (1806 г.) Шеллингъ, по словамъ Гервинуса, уже смотритъ на міръ сквозь тусклые очки какого-то высшаго презрѣнія къ дѣйствительности, равнодушія и пренебреженія къ ней. Натура страстная и впечатлительная, но не особенно глубокая—Шеллингъ односторонне воспринялъ въ себя лишь малодушное направленіе своего времени, ту обидчивость, которая возникала въ душѣ отъ столкновенія съ слишкомъ пошлой дѣйствительностью. Въ 1809 г., когда вѣрующему, по крайней мѣрѣ страстно стремившемуся къ вѣрѣ въ возрожденіе народа, Фихте казалось, что въ Германіи укрѣпляется общественный духъ, Шеллингъ уже преднамѣренно закрывалъ глаза передъ современной исторіей, называлъ характеръ новѣйшаго времени идеалистическимъ и утверждалъ, что „господствующій духъ времени есть стремленіе къ внутренней сосредоточенности“. Онъ ожесточенно ненавидѣлъ вѣкъ просвѣщенія и раціонализма, считая его виновникомъ революціи, и съ усмѣшкой посматривалъ на свои молодые годы, когда онъ, не особенно впрочемъ серьезно, думалъ практически помочь людямъ и сажалъ вмѣстѣ съ Гегелемъ деревья свободы Теперь же, оставивъ свои мечты о спасеніи людей, Шеллингъ сталъ исключительно заботиться о томъ, какъ бы самому спастись отъ жизни.

Таковъ былъ Шеллингъ. Легко понять, какъ его богатая творческая фантазія благотворно дѣйствовала на Гегеля. Слушая его, Гегель понялъ самого себя и съ воодушевленіемъ работалъ возлѣ него. Философію Шеллинга онъ называлъ „нашей философіей“, въ защиту ея друзья издавали вмѣстѣ рѣзко полемическій журналъ, являясь передъ публикой однимъ лицомъ, такъ какъ, по

примѣру Шиллера и Гете въ „Ксеніяхъ", они не подписывали своихъ именъ подъ отдѣльными статьями Этотъ іенскій періодъ—расцвѣтъ дружескихъ отношеній между обоими философами, причемъ трудно даже сказать, кто получалъ больше выгоды изъ товарищества. У насъ нѣтъ данныхъ, чтобы рѣшить вопросъ, любили ли они другъ-друга, покрайней мѣрѣ любовь и дружба первыхъ лѣтъ никогда не достигали той интенсивности, какой достигла впослѣдствіи ихъ взаимная непріязнь, а со стороны Шеллинга, какъ мы увидимъ, даже ненависть. Въ томъ же періодѣ, о которомъ мы говоримъ (1800—1803), Шеллингъ покровительствуетъ своему пріятелю, считаетъ его преданнѣйшимъ своимъ ученикомъ, взваливаетъ на него всю черную работу по изданію журнала и не замѣчаетъ, что подъ тѣнью его собственной системы выростаетъ другая, болѣе мощная, болѣе наукообразная—система Гегеля, которой суждено было одержать такую полную побѣду надъ лучшими умами цѣлаго поколѣнія. Но пока никакое предчувствіе не тревожитъ Шеллинга Гегель для него „lieber Freund"—дорогой другъ, и нѣтъ еще намека, что lieber Freund превратится въ „den Alten vom Berge" (старика горы) и „Haupt der Assassinen", т е. предводителя убійцъ или по просту разбойника, „укравшаго *мои* философскіе принципы!"..

Но заключимъ эту главу еще нѣсколькими фактами изъ біографіи Шеллинга Она полна не только психологическаго, но и историческаго интереса; если угодно, ее можно закончить нравоученіемъ: „не уходи отъ жизни, такъ какъ за это ты будешь всегда наказанъ" И наказаніе, выпавшее на долю Шеллинга, особенно сурово. Геній, погрязшій въ счетахъ личнаго самолюбія, блестящій умъ, запутавшійся въ парадоксахъ и словесныхъ построеніяхъ, горячее смѣлое сердце, закончившее свое поприще въ полномъ отреченіи отъ міра, пожалуй, ненависти къ нему—таковъ Шеллингъ къ 40 годамъ своей жизни, въ полномъ расцвѣтѣ силъ и дарованія Обиженный скверной дѣйствительностью, ея филистерствомъ, тупоголовымъ самодовольствомъ маленькихъ людей и всеобщимъ боязливымъ лицемѣріемъ, Шеллингъ попытался найти свое счастье въ мірѣ идей Онъ повторилъ попытку Дедала взлетѣть въ страну эфира и солнца, но и его крылья оказались восковыми

Кромѣ общихъ историческихъ причинъ, заставившихъ Шеллинга, какъ и многихъ талантливыхъ людей того времени, искать примиренія съ жизнью внѣ ея конкретныхъ условій,—и въ сферѣ его личнаго существованія были обстоятельства, предопредѣлившія, такъ сказать, его трагическую участь. Ранняя смерть сначала невѣсты (Августы Бемеръ), потомъ горячо любимой жены развила въ немъ болѣзненную наклонность предаваться внутреннему созерцанію и въ немъ находить утѣшеніе отъ неудачъ и разочарованій дѣйствительности. Появленіе на сцену Гегеля, неудачная конкурренція съ нимъ изъ за славы, изъ-за вліянія только помогли психологіи Шеллинга обратиться въ психологію обиженнаго человѣка; скромный, терпѣливый другъ, писавшій когда-то такіе почтительные комплименты, оказался на недосягаемой высотѣ славы и земного величія, а блестящій, возбуждавшій такія надежды Шеллингъ, признанный Гете и Фихте за истиннаго философа, долженъ былъ ограничиваться уваженіемъ спеціалистовъ. Жизнь слишкомъ долго ласкала Шеллинга, чтобы онъ могъ примириться съ такою развязкой Судя по своимъ первымъ успѣхамъ, слишкомъ хорошо зная неотразимую силу своего таланта, онъ смѣло могъ разсчитывать на то, что ему, а никакъ не Гегелю, обезпечены новые лавры и предстоитъ впереди еще болѣе блестящая карьера. Онъ мечталъ о единовластіи въ умственной жизни, что можно заключить уже по презрительному тону, съ которымъ онъ обращался къ своимъ противникамъ. Но судьба рѣшила иначе. Чернорабочая упрямая натура Гегеля, выступивъ на сцену послѣ долгихъ, даже утомительно долгихъ ученическихъ лѣтъ, оказалась болѣе мощной, болѣе серьезной, чѣмъ эфемерная талантливость Шеллинга. И друзья стали врагами столько же изъ разногласія въ области философскихъ убѣжденій, сколько изъ-за соперничества, изъ-за желанія занять первое мѣсто въ области мысли. Гегель побѣдилъ. Онъ сталъ духовнымъ вождемъ и жрецомъ современности, въ то время какъ Шеллингъ добился только академическихъ лавровъ. Чѣмъ побѣдилъ Гегель? Конечно вложенною въ него терпѣливою и настойчивою силой, приготовившей такой прочный фундаментъ для его системы. Блестящій, слишкомъ легко воспламенявшійся и не долюбливавшій серьезныхъ предварительныхъ работъ, умъ Шеллинга поневолѣ долженъ былъ уступить этому гиганту логики, зако-

ванному въ тяжелую броню всѣхъ современныхъ ему знаній Какъ ни остроумны, ни поучительны чтенія Шеллинга о методѣ университетскихъ занятій, тѣмъ не менѣе они не могли утолить своими блестящими общими мѣстами жажду къ истинной наукѣ, которую они сами-же возбуждали. Въ дальнѣйшихъ произведеніяхъ Шеллинга произволъ заступаетъ уже мѣсто мысли, смѣлость—мѣсто доказательства. Это—чистыя импровизаціи фантазіи, случайно попавшія въ область науки.. Игра въ формализмъ философіи тожества—(тожество основной принципъ системы Шеллинга) была доведена до невѣроятнаго легкомыслія, и въ своихъ ученикахъ Шеллингъ развивалъ страсть къ остроумнымъ построеніямъ, и произвольностью своихъ выводовъ и положеній прямо велъ ихъ къ теозофіи и мистицизму

По своей натурѣ, Гегель былъ далекъ отъ этой гимнастики мысли, разрѣшавшейся жонглированіемъ и остроумными фокусами. Стоило ему только отдѣлаться отъ непосредственнаго вліянія блестящей и талантливой личности Шеллинга, какъ въ немъ опять пробудилась трезвая разсудочность и неумолимая логичность. Онъ ясно видѣлъ, къ чему ведетъ геніальничанье Шеллинга, и отшатнулся отъ него, почувствовавъ, что у него подъ ногами есть своя собственная почва. И побѣда не могла не очутиться въ его рукахъ: афоризмы Шеллинга приковывали воображеніе, діалектика Гегеля всецѣло овладѣвала человѣкомъ и обращала его въ преданнѣйшаго раба ..

Шеллингъ не вынесъ этого удара или вѣрнѣе безчисленныхъ ударовъ, нанесенныхъ ему Гегелемъ. Его самолюбіе было оскорблено до глубины, и эту обиженность личнаго самолюбія слишкомъ ласковой и льстивой къ себѣ натуры Шеллингъ перенесъ во взгляды на жизнь вообще. Насквозь проникнутый реакціонными воззрѣніями, онъ однако отрицалъ и самую реакцію. Всю современность, какой-бы она ни была, онъ ненавидѣлъ и презиралъ, какъ что-то такое, что своею суровостью оттолкнуло отъ себя его нѣжную и поэтически настроенную душу. Онъ не всталъ на сторону прогрессистовъ и не погибъ вмѣстѣ съ ними, онъ не съумѣлъ явиться оракуломъ реакціи, какъ это сдѣлалъ его бывшій другъ. Капризно и малодушно оставилъ онъ борьбу съ жизнью послѣ первыхъ же неудачъ и удалился въ себя. Въ немъ развилось какое-то taedium vitae.

Любопытно для полноты картины посмотрѣть на послѣднія усилія и послѣдніе скачки его отрывочной, но все-же геніальной мысли.

Отъ безпокойной дѣятельности окружающаго міра Шеллингъ удалялся мыслью въ первобытныя времена, какъ Гете на далекій востокъ, какъ Шиллеръ въ міръ отвлеченныхъ идеаловъ и несуществующей гармоніи. Жертва реакціи, онъ настолько проникся ея духомъ, что отказался даже отъ мнѣнія, господствовавшаго среди раціоналистовъ, будто человѣчество постепенно возвышалось отъ темнаго инстинкта до разумности, будто нельзя указать предѣловъ человѣческому развитію, какъ училъ Кондорсэ. Онъ думалъ наоборотъ, „что люди значительно и всесторонне понизились сравнительно съ первобытнымъ своимъ состояніемъ, ибо въ то время въ ихъ воспитаніи принимали участіе высшія существа изъ породы *духовъ*".

Послѣ этого золотого вѣка, когда хрустальные мосты были проложены между землею и небомъ, началось постепенное паденіе въ темную пропасть, и небо отказалось отъ земли. Чтобы вернуть прошлое, нужны учителя, которые сознательно стремились бы къ возстановленію первобытнаго совершенства и чистоты. И Шеллингъ беретъ на себя роль такого учителя, охотно вмѣстѣ съ тѣмъ протягивая руку мистицизму. Даже саги древней мифологіи о богахъ и полубогахъ онъ принималъ за подлинные историческіе факты. Онъ кончилъ мистицизмомъ и какимъ-то обидчивымъ, полнымъ ненависти и раздраженія отношеніемъ къ людямъ. По его доктринѣ, міръ не есть твореніе Божества, а лишь отпаденіе отъ него. Человѣчество сградаетъ за совершенный имъ грѣхъ, и тономъ аскетовъ 14-го вѣка Шеллингъ предписывалъ людямъ умерщвлять себя для внѣшняго міра и возстановлять нарушенное общеніе съ Божествомъ.

Вотъ маленькая сценка изъ послѣднихъ лѣтъ жизни Шеллинга, сообщаемая однимъ изъ нашихъ соотечественниковъ: *) „Я долго искалъ его въ Мюнхенѣ; такъ какъ мнѣ сказали, что онъ живетъ тамъ. Но несмотря на всѣ усилія, я не могъ найти его. Случайно какъ-то попалъ я въ Байретъ и съ удивленіемъ встрѣтилъ Шеллинга на улицѣ, торопливо пробирающагося по улицѣ съ толстой суковатой палкой въ рукахъ. Какое-то от-

*) Разсказано на память.

чаяніе и безпокойство выражалось на его старческомъ лицѣ. Старомодный костюмъ, высохшая, истощенная фигура—произвели на меня такое впечатлѣніе, какъ будто я увидѣлъ передъ собой выходца изъ другого, давно миновавшаго времени. Квартира его была тайной для всѣхъ, такъ что, будучи даже съ нимъ въ одномъ и томъ-же городѣ, я все-же не могъ отыскать его. Да и къ чему?“

Итакъ Гегель побѣдилъ.

VII.

Философія и публицистика.

Тутъ наши біографы, Гаймъ и Розенкранцъ, подошли наконецъ къ созданію системы Гегель-человѣкъ совершенно поглощается съ этой минуты Гегелемъ-философомъ, и его личная жизнь исчезаетъ за геометрически правильными построеніями его мысли. „Система“ занимаетъ всю сцену; передъ нами ея развитіе, ея постепенное наростаніе, ея діалектическіе, логическіе и иные кризисы, въ промежуткахъ между которыми Гегель какъ бы впопыхахъ успѣваетъ ѣсть, пить, спать, разсориться съ Шеллингомъ, жениться и пр. Съ точки зрѣнія біографовъ, все это недостаточно важно и даже какъ будто унизительно для такого мыслителя какъ Гегель. Почтительный Розенкранцъ впрочемъ не такъ уже строгъ и не осмѣливается пропустить ни одного изъ извѣстныхъ ему фактовъ, но въ представленіи Гайма Гегель, очевидно, обращается въ какую-то логическую машину, вытягивающую безконечно длинную діалектическую проволоку изъ куска стали. Передавая рѣдкіе факты, Гаймъ торопится и будто даже проситъ у читателя извиненія за то, что осмѣливается остановить его вниманіе на такихъ незначительныхъ вещахъ. Возлѣ „Системы“ сосредоточивается весь его интересъ, а біографія Гегеля является предметомъ какъ бы совершенно постороннимъ. Конечно и такая точка зрѣнія имѣетъ право на существованіе. Что намъ за дѣло до того, въ какомъ камзолѣ ходилъ Гегель, какъ онъ любилъ, какъ занималъ у Гете по три или четыре рубля на пропитаніе, велъ тетради, въ которыхъ очень обстоятельно записывалъ всѣ истраченные имъ пфенниги и крейцеры на табакъ—(er schnupfte sehr stark), молоко,

масло и рѣдкія бутылки вина, какъ наконецъ совершилъ онъ некрасивыя въ нравственномъ отношеніи вещи.

Точка зрѣнія „procul profani!“—имѣетъ конечно свое основаніе особенно въ наше время, когда маленькое самолюбіе и лилипутское тщеславіе находятъ свое удовлетвореніе въ мысли, что и „великіе люди, по тщательномъ разсмотрѣніи, оказываются маленькими и лилипуто-образными“. „Бэконъ бралъ взятки, Платонъ ѣздилъ на поклоны въ Сицилію, Декартъ струсилъ передъ Сорбонною“—думаетъ лилипутъ и радуется, такъ какъ это для него понятно и самъ бы онъ съ удовольствіемъ продѣлалъ то-же самое. Иногда даже проявляется особенное наглое пристрастіе къ развѣнчанію всякихъ геніевъ, придирчивое отношеніе къ фактамъ ихъ личной жизни, выискиваніе всякихъ некрасивыхъ подробностей, и надо прямо сказать, что подобное сыщицкое отношеніе къ земному величію прямо отвратительно. Изъ того факта, что Бэконъ бралъ взятки, никакъ вѣдь не слѣдуетъ, что его Novum organon—„подлая вещь“, и буржуазно-добродѣтельному лилипуту, несмотря на всю его добродѣтель, несмотря на то, что и ко взяткамъ-то онъ относится съ самымъ искреннимъ негодованіемъ и въ ротъ не беретъ хмѣльного—никогда ничего подобнаго не сдѣлать. Въ оцѣнкѣ великихъ людей точка зрѣнія личной ихъ роли должна отступить передъ точкой зрѣнія той пользы, которую они принесли человѣчеству.

Конечно, наше нравственное чувство оскорбляется, встрѣчая въ земныхъ кумирахъ недочеты, недостатки, уклоненія отъ пути добродѣтели. Кто-бы не пожелалъ соединить въ одномъ лицѣ смѣлость Галилея и силу мысли Декарта; кто-бы не преклонился передъ Бэкономъ, будь онъ хоть немного похожъ на Спинозу или Джорджіано Бруно въ нравственномъ отношеніи.—но если мы и правы въ душѣ, требуя отъ человѣка не только силы мысли, но и нравственнаго величія, все-же отсутствіе послѣдняго, слишкомъ, къ сожалѣнію, частое, не должно закрывать наши глаза передъ заслугами генія. Мы можемъ отнять отъ него свою любовь, но малодушно отвернуться отъ его заслугъ, такъ какъ онъ бралъ взятки или à la Вольтеръ приравнивалъ Людовика XV-го къ Траяну—было-бы несправедливостью Геній, берущій взятки или ползающій ради какой-нибудь ленточки, можетъ обижать насъ, но есть предѣлы этой обиженности, все равно какъ есть предѣлы

восторгамъ передъ скромной добродѣтелью и незамѣтнымъ существованіемъ безъ всякихъ уклоненій съ пути Нѣтъ никакой возможности быть пуристомъ и отвергать величіе во имя недочетовъ нравственности. Это слишкомъ односторонне, но и другая противоположная точка зрѣнія несправедлива: нельзя разсматривать только общественныя заслуги, нельзя забывать, что истинно человѣческая личность должна быть нравственно велика

Какое же право имѣетъ Гаймъ отдѣлываться пятью - шестью анекдотами, разъ біографія Гегеля принимаетъ нравственно несимпатичный оттѣнокъ. Это тѣмъ невозможнѣе, что Гегель былъ не только философомъ, но и настоящимъ практическимъ дѣятелемъ, вождемъ современности столько же въ ея теоретическомъ, сколько и въ практическомъ отношеніи, и игнорированіе фактовъ интимной жизни Гегеля заставляетъ Гайма прибѣгать къ слишкомъ натянутымъ толкованіямъ неблаговидныхъ поступковъ его. Кромѣ развитія системы, въ жизни Гегеля есть еще другой фактъ: эта система становится ортодоксальной съ точки зрѣнія департамента берлинской полиціи, и намъ, подъ однимъ непремѣннымъ условіемъ—не забывать величія Гегеля, какъ мыслителя,—нечего остерегаться, нечего прятать и затушевывать грустные факты

Но сначала нѣсколько словъ о самой системѣ.

Несомнѣнно, что она была продуктомъ ума первой величины. Если исключить Аристотеля, то никогда, ни до, ни послѣ Гегеля, умъ человѣческій не задавался такой грандіозной задачей, какъ свести всѣ факты жизни къ одному общему началу и сковать все разнообразіе явленій цѣпями самой строгой, могучей діалектики Для Гегеля не существуетъ факта, на которомъ онъ остановилъ бы свое вниманіе какъ на отдѣльномъ феноменѣ,—онъ всегда разсматриваетъ фактъ въ связи со всей вселенной и не успокоивается до той поры, пока не найдена эта связь, пока фактъ не изчезъ какъ индивидуумъ въ общемъ потокѣ мірозданія. Философія Гегеля—это энциклопедія всѣхъ наукъ, стройная система, въ которой нашла себѣ мѣсто вся совокупность человѣческихъ знаній. Передъ нами не юристъ, не филологъ, не естествоиспытатель, даже не философъ, а нѣчто большее—геній, попытавшійся отвѣтить сразу на всѣ религіозные, нравственные, политическіе вопросы человѣчества, найти разрѣшеніе всѣмъ за-

гадкамъ, тревожащимъ нашъ умъ со времени мірозданія, и охватить человѣческую жизнь не только въ теоретической области мышленія, но и въ практической сферѣ его дѣятельности Въ системѣ Гегеля человѣкъ нашелъ свое мѣсто въ природѣ, обществѣ, государствѣ, семьѣ Его система не синтезъ знанія, а синтезъ жизни вообще Оттого-то нѣкоторые присвоиваютъ ей эпитетъ „религіозный". И, дѣйствительно, она была истинной религіей разума.

Чтобы понять ее, надо знать ея исходную точку Этой исходной точкой было созерцаніе вселенной какъ единаго прекраснаго цѣлаго, въ которомъ нѣтъ ничего непримиримаго, нѣтъ даже борьбы, а есть только развитіе, постоянный переходъ одной формы въ другую. Свой идеалъ жизни, выработанный на изученіи греческихъ образцовъ, идеалъ чисто эстетическій, Гегель перенесъ и на свою систему Ему хотѣлось представить въ ней все существующее, всю вселенную, какъ единицу, какъ одно гармоническое цѣлое, какъ организмъ, проникнутый и одушевленный одной жизнью, и представить его такъ, чтобы всякій не только понялъ, но и живо почувствовалъ всю красоту и прелесть этого дивнаго космоса Гегель приступилъ къ развитію своей системы послѣ основательнаго изученія науки, обстоятельно усвоивъ себѣ большую часть современныхъ ему знаній и изслѣдовавъ состояніе и положеніе общества, среди котораго онъ жилъ. Онъ обращался къ своей системѣ съ чисто научными требованіями Какъ безусловный философскій догматъ, разъяснялъ онъ единство и тожество всего существующаго, но въ то-же время съ чрезвычайнымъ напряженіемъ всѣхъ психическихъ силъ старался обнять мыслью связь всего и показать, въ чемъ именно заключается и состоитъ это единство, чѣмъ одно явленіе соединяется съ другимъ, что въ каждомъ изъ нихъ есть общаго,—хотѣлъ постигнуть и уразумѣть процессъ, посредствомъ котораго все развивается одно изъ другого, подмѣтить общій жизненный элементъ, который проникаетъ и одушевляетъ все. И это нужно было сдѣлать такъ, чтобы тутъ не явилось ничего произвольнаго, тѣмъ болѣе нелѣпаго или несообразнаго, отчего съ отвращеніемъ отвернулась бы человѣческая мысль; чтобы вездѣ были доказательства или хоть соображенія и догадки, обязательныя для мысли и удовлетворяющія ее. Признайте только нигдѣ *не доказанное*, а только высказанное и въ сущности не-

лѣпое положеніе, что все сущее есть логическое понятіе, какъ это сдѣлалъ нашъ философъ, и для васъ не будетъ существовать болѣе никакихъ вопросовъ Разъ Абсолютное (все) есть безконечно діалектическое, то оно можетъ возникнуть и развиваться лишь по программѣ Гегеля Онъ не объяснилъ мірозданія, но создалъ новый міръ, міръ, гдѣ все стройно, законосообразно; логически необходимо. Онъ дѣйствовалъ не какъ естествоиспытатель, а какъ поэтъ и художникъ Онъ создалъ свою геометрію, но эта геометрія неприложима къ нашей земной вселенной: это, если угодно, геометрія псевдосферы, четвертаго, пятаго или какого тамъ измѣренія Система Гегеля не объясняетъ намъ въ дѣйствительности ни одного закона или явленія природы, а только законы мысли

Вся она построена на понятіи Абсолюта и представляетъ исторію его развитія Этотъ Абсолютъ—разумъ, стремящійся къ самопознанію

Пройдя различныя стадіи, начиная съ низшихъ, Абсолютъ воплощается наконецъ въ человѣчествѣ. И Гегель даетъ намъ стройную картину его исторіи Вся исторія вытянута въ струнку Каждый народъ въ свое время является воплощеніемъ Духа, который и пользуется имъ, его жизнью, для достиженія своей цѣли: реализаціи свободы и самосознанія. Всемірная исторія начинается на востокѣ, тамъ дѣтство человѣчества; тамъ есть идея свободы, но эта свобода признается только за *однимъ* Греція уже знаетъ свободу нѣкоторыхъ Въ ней проходитъ юность человѣчества. Это время прекраснѣйшаго, но скоропроходящаго расцвѣта. Римское царство есть зрѣлый возрастъ исторіи. Здѣсь индивидуумы приносятся въ жертву всеобщей государственной цѣли, но въ замѣнъ этого, въ силу образованія частнаго права они получаютъ *личность*. Но только германскій міръ знаетъ, что свободны всѣ. Его исторія—завершеніе исторіи человѣчества. Только въ немъ осуществляется цѣль всемірной исторіи, т. е. реализація понятія свободы и самосознанія. — Но это лишь общая картина. Гегель стремился къ тому, чтобы въ своей системѣ объединить все знаніе, всѣ вѣрованія, всѣ стороны жизни человѣка. Въ „Феноменологіи Духа“ передъ нами формы развитія человѣческаго сознанія, исторія образованія индивидуальнаго духа, ея связь съ исторіей духа всеобщаго абсолюта. — Въ „Логикѣ“ изложенъ знаменитый діалектическій методъ, который и

есть законъ развитія всего. „Энциклопедія философскихъ наукъ“—объединяетъ современныя Гегелю знанія съ точки зрѣнія его принципа — Мы имѣемъ еще философію права, религіи, искусства, исторіи, чтенія по исторіи философіи. Въ этихъ чтеніяхъ разработаны между прочимъ и практическіе вопросы жизни человѣка, его поведенія, его отношенія къ семьѣ, государству и проч

Намъ понятны теперь отчасти какъ величіе системы Гегеля, такъ и тайна его успѣха. Онъ давалъ человѣку отвѣтъ на *всѣ* вопросы: это наибольшее, что можетъ сдѣлать не только философія, но и религія. Но обратимъ вниманіе и на другое обстоятельство. Гегель,—что-бы ни означали его уклоненія,—воспиталъ юношество въ религіи разума Никогда не забывалъ онъ вполнѣ обѣщанія, даннаго имъ Гельдерлину еще въ молодые годы: „жить лишь для свободной истины, никогда не заключать мира съ постановленіями, опредѣляющими, что должно думать и что должно чувствовать“. „Разумъ есть высшій органъ пониманія, самая жизнь есть дѣятельность разума“ Всемірная исторія являлась для него реализацией понятія свободы Онъ оправдывалъ догматы заключеннымъ въ нихъ философскимъ содержаніемъ и тѣмъ пріучалъ искать въ нихъ только философское содержаніе. Тысячи молодыхъ людей старались проникнуть въ таинственные термины новой религіи, основнымъ требованіемъ которой было: „все надо понять, все надо объяснить“. Среди діалектическихъ тонкостей нерѣдко мелькали мысли, которыми Гегель умѣлъ такъ глубоко проникать въ сердца своихъ слушателей, и подъ вліяніемъ этихъ мыслей росла вѣра во всемогущество разума, строющаго государства и религіи, а слѣдовательно и разрушающаго ихъ Росла мысль слушателей, росла ихъ жажда изслѣдованія и жажда истины, переходя черезъ всѣ явленія природы и духа. И вдругъ подъ спокойной пеленой отвлеченнаго мышленія, которое, повидимому, удовлетворялось само собой, зашевелилась критика Шумно вырвались на волю молодые гегеліанцы. Разумъ въ ихъ рукахъ былъ всеразрушающимъ мечомъ, передъ которымъ рухнули самыя крѣпкія преданія. Фейербахъ провозгласилъ поклоненіе человѣку. Общественная мысль крѣпла прямо подъ вліяніемъ философіи Гегеля, и когда старикъ Шеллингъ, послѣ его смерти, взошелъ на берлинскую кафедру со

словами отступничества и мистицизма, онъ встрѣтилъ грозную фалангу людей, выросшихъ съ вѣрою въ разумъ и преклонявшихся передъ нимъ однимъ „Гегель былъ камень Кроноса", сказалъ одинъ изъ его послѣдователей. Философія Гегеля не знала никакого мистицизма, а его діалектика служила реакціи, какъ молучій Геркулесъ служилъ ничтожному Эвмену, въ душѣ презирая его и чувствуя себя безконечно выше".

Только съ этой точки зрѣнія намъ и понятно появленіе такъ называемаго лѣваго, т. е. радикальнаго гегельянства.

* * *

Въ 1803 г. Шеллингъ уѣхалъ изъ Іены въ Вюрцбургъ, и съ той поры Гегель начинаетъ серьезно задумываться надъ мыслью, какъ-бы и ему перебраться изъ этого города. Іена „tantorum virorum orba", т. е. „осиротѣвшая послѣ столькихъ мужей", утеряла для него всякую привлекательность Къ тому-же, заставляли призадумываться и денежныя обстоятельства. Получая по 1½ талера съ каждаго своего слушателя, Гегель рѣшительно не имѣлъ чѣмъ жить. Отцовское наслѣдство приходило къ концу, и въ перспективѣ была если не голодная смерть, то голодное существованіе Молодой, бѣдный профессоръ, съ осунувшимися щеками, въ коричневомъ сюртукѣ, запачканномъ табакомъ, въ скромномъ помѣщеніи изъ двухъ комнатокъ, поддерживаемый только вѣрой въ свой геній — такимъ представляется намъ Гегель въ это время. Зачастую ему приходится сидѣть совершенно безъ гроша; онъ вынужденъ даже обращаться за помощью къ Гете, который ссудилъ его *6-ю* талерами на пропитаніе Къ 1805 году относится почтительнѣйшее прошеніе, написанное имъ „къ начальству", гдѣ Гегель, указывая на свои заслуги, покорнѣйше проситъ назначить его экстраординарнымъ профессоромъ. Начальство снизошло къ его просьбѣ, но—увы!—наградило лаврами безъ карповъ: Гегель получилъ экстраординатуру только безъ жалованья. Въ его письмахъ за это тяжелое время то и дѣло звучитъ почти отчаянная нотка. Онъ не знаетъ, что дѣлать, какъ справиться съ этими ужасными матеріальными затрудненіями, несмотря на всю скромность своихъ требованій отъ жизни. Онъ обращается къ Нитгаммеру, Шеллингу, самому Гете, и всѣ эти обращенія сводятся къ одному и тому-же: „помогите!" Онъ думаетъ о кафедрѣ въ Гейдельбергѣ, о кафедрѣ въ Эрлангенѣ, — о какой угодно, лишь-бы

избавиться отъ постояннаго, проклятаго дефицита Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ гордъ, съ одной стороны, какъ профессоръ философіи, съ другой, какъ представитель величайшей науки, науки всѣхъ наукъ, избраннымъ жрецомъ которой онъ считаетъ себя самымъ искреннимъ образомъ Надо вчитаться въ его письма за это время, чтобы проникнуть въ его обиженную и вмѣстѣ съ тѣмъ гордую душу Очевидно, что ему совѣстно просить и совѣстно постоянно надоѣдать своимъ пріятелямъ разсказами о матеріальныхъ затрудненіяхъ; но онъ не видитъ, какъ иначе помочь горю, и отрывочными фразами, въ которыхъ какъ-будто отражается краска стыда, покрывающая его щеки въ эту минуту, говоритъ онъ о талерахъ, крейцерахъ и пфенигахъ, стараясь спрятать ихъ за философскими разсужденіями Боязнь передъ завтрашнимъ днемъ и гордость великаго человѣка, инстинктивно вѣрующаго въ свой геній, борятся въ немъ ежеминутно, придавая его перепискѣ вообще несвойственный ей нервный и отрывочный характеръ Въ душѣ онъ, повидимому, твердо убѣжденъ, что онъ, Hegel, Prof. der Philosophie, имѣетъ твердое, неотъемлемое право на жизнь, а между тѣмъ дѣйствительность во образѣ проклятаго дефицита ежеминутно опровергаетъ это положеніе и рисуетъ какія-то скверныя перспективы заброшенности, голодовки, невозможности довершить до конца начатое, несомнѣнно великое дѣло созданія своей собственной системы Въ области идей, въ области философской мысли Гегель уже примирилъ все. Онъ искренне вѣровалъ, что вселенная прекрасна, что она — одно гармоническое цѣлое, единое дыханіе вѣчно живущаго духа. Но какъ въ этомъ прекрасномъ цѣломъ найти мѣсто Фридриху-Вильгельму Гегелю, экстраординарному профессору іенскаго университета, не получающему ни гроша, кромѣ скромныхъ подачекъ отъ ближнихъ своихъ?

Конечно этотъ вопросъ принадлежитъ намъ, а не самому Гегелю. Онъ былъ слишкомъ рабъ своей логики, своей мысли и идеала, чтобы заподозрить его истинность Ни въ эту и ни въ какую другую эпоху его нимало не тревожитъ противорѣчіе, между личнымъ несчастьемъ и гармонически прекрасной вселенной. Онъ какъ-будто не видитъ этого противорѣчія и даже факты его собственной жизни, достаточно внушительные съ нашей точки зрѣнія, проходятъ для него какъ-бы совершенно незамѣченными Будь на мѣстѣ Гегеля живой, чувствующій человѣкъ, этотъ тяжелый

періодъ собственной голодовки и униженія своего отечества, завоеваннаго французами, долженъ-бы послужить стимуломъ и для философскаго кризиса. Но съ Гегелемъ этого не случилось Гегель голодаетъ, французы бомбардируютъ Іену, дефицитъ растетъ, „отечество перестало существовать", а Гегель пишетъ свою „Феноменологію духа", гдѣ доказываетъ, что „весь безпредѣльный прекрасный міръ есть ничто иное, какъ дыханіе единой, вѣчной идеи, проявляющейся въ безчисленныхъ формахъ, какъ великое зрѣлище абсолютнаго единства въ безконечномъ разнообразіи"

Повторяю, непонятное для насъ, съ точки зрѣнія практически мыслящихъ и чувствующихъ людей, и составляетъ индивидуальность Гегеля. Поставьте на его мѣсто живого, страдающаго страданьями ближнихъ своихъ человѣка, и онъ сразу перевернетъ всю систему не въ ея діалектическихъ основаніяхъ — это и Гаймъ можетъ сдѣлать,—а въ ея практическихъ всегда примиряющихъ выводахъ Возьмите Бѣлинскаго. Онъ тоже былъ гегеліанцемъ и даже самой чистой воды. Онъ тоже находилъ свое счастье въ созерцаніи міра, какъ единаго прекраснаго космоса, и забывалъ не только себя, но и людей вообще, ради таинственнаго абсолюта, однако когда въ немъ заговорило ободрившееся сердце, когда дѣятельная любовь къ людямъ проснулась въ его благородномъ, измученномъ сердцѣ, онъ, хотя и въ шутливой формѣ, нанесъ всему гегелизму и всѣмъ гегеліанскимъ мудростямъ неотразимый ударъ. Въ письмѣ Боткину онъ пишетъ: „Ты, я знаю, будешь надо мной смѣяться; но смѣйся, какъ хочешь, а я—свое: судьба субъекта, индивидуума, личности, важнѣе судебъ всего міра Мнѣ говорятъ: „развивай всѣ сокровища своего духа для свободнаго самонаслажденія духомъ; плачь, дабы утѣшиться; скорби, дабы возрадоваться; стремись къ совершенству, лѣзь на верхнюю ступень лѣстницы развитія, а споткнешься—падай, чортъ съ тобою, таковскій и былъ сукинъ-сынъ!" Благодарю покорно, Егоръ Ѳеодоровичъ Гегель, кланяюсь вашему философскому колпаку; но со всѣмъ подобающимъ вашему философскому филистерству уваженіемъ честь имѣю донести вамъ, что если-бы мнѣ удалось влѣзть на высшую ступень развитія,— я и тамъ попросилъ-бы васъ отдать отчетъ во всѣхъ жертвахъ условій жизни и исторіи, во всѣхъ жертвахъ случайностей, суевѣрія, инквизиціи, Филиппа II и пр. и пр., иначе я съ верхней

ступени бросаюсь внизъ головою. Я не хочу счастія и даромъ, если не буду спокоенъ насчетъ каждаго изъ моихъ собратій по крови.. Говорятъ, что дисгармонія, есть условіе гармоніи: можетъ быть—это очень выгодно и усладительно для меломановъ, но ужь конечно не для тѣхъ, которымъ суждено выразить своею участью идею дисгармоніи".

До всѣхъ этихъ жертвъ дисгармоніи Гегелю не было ни малѣйшаго дѣла. Если личныя неудачи раскрывали сердце Бѣлинскаго для любви ко всѣмъ ближнимъ, всѣмъ обездоленнымъ, то въ Гегелѣ они, напротивъ, развили и такъ уже бывшія въ немъ душевную сухость и скрытое высокомѣріе. Онъ голодаетъ и пишетъ книгу, гдѣ разсматриваетъ міръ съ точки зрѣнія эстетическаго фатализма Въ сотнѣ страницъ нѣтъ ни одной протестующей строчки. Все чинно, благородно, геніально Ни на минуту не забывается, что „reverentia fato habenda est principium scientiae moralis" (уваженіе къ судьбѣ есть основаніе нравственности) Всяко бываетъ, и это, если угодно, понятно Удивительно конечно, какъ это голодающій человѣкъ находитъ вселенную прекрасной и гармоничной, не находитъ въ ней ни одной темной черточки, но—всяко бываетъ Есть однако и непонятныя вещи.

Австрія покорилась французскому оружію въ 1805 г., а Пруссія въ 1806. Гегель—нѣмецъ, успокоившійся на мысли, что Германія—не государство, и знать не хочетъ ничего болѣе Въ отечествѣ, завоеванномъ французами, онъ находитъ только одни интересы — своего философскаго творчества, своихъ собственныхъ манускриптовъ.

Перенесемся въ 1805 г, въ октябрь мѣсяцъ, въ Іену. Римско-германская имперія пала; на ея развалинахъ возникъ рейнскій германскій союзъ подъ диктатурою французскаго императора. Наполеонъ раздавалъ своей семьѣ короны, владѣнія, народы. Послѣднее германское государство, еще вооруженное, готовится встрѣтить завоевателя Подлѣ Іены должна разыграться одна сцена великой драмы Отъ этой битвы зависитъ участь Германіи Если пруссаки разбиты, то германцы будутъ только однимъ изъ „двадесяти илеменъ", прикованныхъ къ колесницѣ сына судьбы. Гегель въ Іенѣ Передъ его глазами проходятъ гордыя прежними побѣдами французскія колонны, чтобы завтра сражаться съ пруссаками. Въ то-же самое время Гегель послалъ рукопись „Феноме-

нологіи" своему пріятелю Нитгаммеру Онъ выражаетъ въ приложенномъ къ ней письмѣ безграничную заботу, но не о Германіи, не объ участи отечества; нѣтъ, онъ боится одного, чтобы трудная работа не пропала въ виду „прискорбныхъ безпорядковъ" времени Онъ пишетъ это письмо наканунѣ рѣшительной битвы, и вмѣстѣ съ тѣмъ выражаетъ свои восторги передъ Наполеономъ. Онъ, оказывается, видѣлъ императора—эту мировую душу. „Weltseele". Можно бы, казалось, ожидать, что присутствіе врага отечества, прошедшаго съ побѣдоноснымъ войскомъ всю Германію, расшевелитъ сколько нибудь патріотическое чувство Гегеля, что нѣмецъ-швабъ на минуту признаетъ нѣмца-пруссака своимъ братомъ Ничего подобнаго нѣтъ „Это въ самомъ дѣлѣ чудное чувство, пишетъ онъ, когда видишь подобную личность (Наполеона), который, сидя верхомъ, здѣсь изъ одной точки охватываетъ міръ и имъ повелѣваетъ. Конечно, пруссакамъ нельзя было предсказать ничего лучшаго, но съ четверга по понедѣльникъ подобные успѣхи возможны только для этого необыкновеннаго человѣка, которому нельзя не удивляться . Какъ я заранѣе желалъ успѣха французской арміи, такъ всѣ желаютъ теперь его ей, и успѣхъ неизбѣженъ при чудовищномъ превосходствѣ ея предводителей и солдатъ надъ противниками" Предсказанія Гегеля исполнились. Пруссаки побѣждены Германія у ногъ повелителя Фихте бросилъ кафедру въ Эрлангенѣ и бѣжалъ въ Кенигсбергъ, чтобы раздѣлить участь побѣжденнаго отечества Но Гегель черезъ нѣсколько мѣсяцевъ еще пишетъ, что въ исторіи этого дня онъ видѣлъ „неотразимое доказательство побѣды образованности надъ грубостью и духа надъ бездушнымъ разсудкомъ и умничаньемъ".

Можно конечно оправдывать Гегеля хотя-бы потому, что не одинъ онъ такъ дѣлалъ, и что нельзя всѣмъ и каждому быть похожимъ на Фихте; но въ сущности, что это за оправданіе?.. Во всей этой іенской исторіи Гегелю повидимому не понравился только одинъ эпизодъ, что „грубые французскіе солдаты" ворвались въ его квартиру и производили въ ней всяческія безобразія, рвали бумаги, обливали чернилами стѣны, плевали, куда приходилось, и не оставляли въ покоѣ даже самого хозяина, подшучивая надъ его длиннымъ носомъ и другими „Eigenheiten", т. е особенностями. Гегель, очень обиженный, обратился тогда къ одному изъ сержантовъ съ орденомъ почетнаго

легіона въ петличкѣ и заявилъ ему, что „ожидаетъ помощи отъ его почтенной особы" и полагаетъ, „что нѣтъ никакого разумнаго основанія обижать мирнаго нѣмецкаго философа" Но увы! — „орденъ почетнаго легіона" только покрутилъ свой усъ, и не безъ презрѣнія взглянувъ на этотъ тщедушный экземпляръ человѣческой породы, именовавшей себя „мирнымъ нѣмецкимъ философомъ", даже не вступился за него Безобразія продолжались, гардеробъ Гегеля и его табакерка подверглись самому варварскому нападенію, чернильницы летѣли въ стѣну, черновыя листки „Феноменологіи духа" пошли на цыгарки; самъ Гегель и его Eigenheiten подверглись всяческому оскорбленію, и онъ долженъ былъ бѣжать, оставивъ все на произволъ судьбы.

Матеріальныя затрудненія между тѣмъ продолжались, французское нашествіе только увеличивало проклятый дефицитъ. Правда, „Феноменологія духа" уже появилась въ печати, но нужны были просто нечеловѣческія усилія, чтобы получать крейцеры и пфенниги отъ „издательской акулы" — какого-то Herr'a Гебхарда. Гегелю ничего не оставалось, какъ уѣхать изъ Іены Всѣ его друзья: Нитгаммеръ, Шеллингъ и др удалились еще ранѣе въ Баварію. „Тамъ умѣютъ уважать и цѣнить заслуги", тамъ было „нѣчто вродѣ Эльдорадо для науки" „Страна монастырей (Бавaрія) обратилась въ попечительный пріютъ для гуманистовъ и философовъ". Гегель стремился туда душой, тѣмъ болѣе что „каждый пфенигъ гонорара за изданное сочиненіе стоилъ ужасныхъ мученій во время сдѣлки съ хитрымъ книгопродавцемъ". „Я часто желалъ, пишетъ къ нему Шеллингъ отъ 11 янв 1807 г,—извлечь тебя изъ пустыннаго сѣвера, который, какъ кажется, неспособенъ даже служить сосудомъ для воспріятія того, что есть наилучшаго (т е. философіи)" . и вслѣдъ за этимъ Шеллингъ давалъ своему другу совѣты, какъ онъ долженъ отрекомендовать себя баварскимъ высшимъ властямъ, и обѣщалъ ему личное ходатайство „при удобномъ случаѣ"

Прошло полтора года „прежней" голодовки. Въ мартѣ 1807 г. Гегель является передъ нами редакторомъ „Бамбергской газеты". Это мѣсто доставилъ ему Нитгаммеръ, чтобы избавить отъ вопіющей „нужды". Гегель съ радостью взялся за него, и въ то время, когда, по его мнѣнію, одна наука, т е. самая что ни на есть

отвлеченная наука, могла успокоивать духъ униженной Германіи, онъ оставляетъ науку для политики и притомъ для какой политики? Подъ управленіемъ образцоваго вассала Франціи, Максимиліана Іосифа, и его визиря Монжела, Бавар1я была сконцентрирована и вышколена, какъ Франція подъ деспотической рукой Наполеона. Разнообразіе старинныхъ правилъ, привиллегій и узаконеній изчезло подъ нивеллирующемъ уровнемъ новыхъ узаконеній; но не благо народа имѣли въ виду законодатели. Баварію угнетала роскошь и огромное войско, поглощавшее всѣ средства страны; ее грабилъ министръ, прибывшій нищимъ въ страну и скоро составившій себѣ огромное состояніе; вмѣстѣ съ придворнымъ банкиромъ онъ разорялъ Баварію финансовою игрою. Страну объѣдала цѣлая армія чиновниковъ-плутовъ, которымъ слабое правительство дало полную свободу Грубость и неспособность этихъ служителей администраціи производили каждые два года то здѣсь, то тамъ банкротства въ дѣлахъ, за которыми слѣдовала такъ называемая „новая организація“, т. е. замѣна одного неспособнаго и соединеннаго узами дружбы и родства круга чиновниковъ другимъ. Вслѣдствіи этого способа управленія, несмотря на секуляризацію духовныхъ имѣній, съ неслыханнымъ вандализмомъ были растрачены огромныя суммы, движимости и недвижимости Цѣнность государственныхъ бумагъ и имѣній пала, а страна и отдѣльныя личности сильно обѣднѣли отъ тяжести налоговъ, французскаго военнаго постоя и военныхъ издержекъ и поглощенія рабочихъ силъ военной службой.

Въ такой-то странѣ Гегель сдѣлался редакторомъ политической газеты Ни о какой самостоятельности нечего, конечно, было и думать. Чего долженъ былъ ожидать тотъ, кто позволялъ себѣ какія нибудь нескромныя рѣчи, Гегель могъ видѣть въ самомъ началѣ принятой имъ редакціи, изъ примѣра одного своего знакомаго Штуцмана. Тотъ, будучи въ Эрлангенѣ, издавалъ свою газету; по званію редактора, онъ былъ въ началѣ марта отвезенъ вмѣстѣ съ своимъ наборщикомъ въ Байретъ, подъ предлогомъ распространенія ложныхъ политическихъ извѣстій, и только черезъ мѣсяцъ его газета была вновь разрѣшена подъ названіемъ: „Эрлангенская *безпристрастная* газета“. Французы не стѣснялись, передъ ними приходилось холопствовать. „Только при одномъ условіи, говоритъ Гаймъ, можно было заняться изданіемъ

газетъ: если-бы цѣлью этого было пробужденіе національнаго сознанія и желаніе раздуть пламя революціи противъ чуждой тиранніи Но Гегель удалился въ свою редакціонную комнату для цѣлей совсѣмъ противоположныхъ". Его газета не была органомъ, передававшимъ мнѣніе, какъ оно выражалось въ обществѣ; она сообщала отчеты, но не хотѣла и не обязывалась присоединять къ этому своего мнѣнія. Руководящія статьи въ ней совершенно отсутствовали и даже въ чисто фактической формѣ она являлась служительницей того интереса, защита котораго не должна была найти ни одного голоса въ Германіи Только одинъ разъ Гегель въ полемической статьѣ вступился за свой политическій взглядъ и это было сдѣлано съ цѣлью осмѣять „сѣверо-германскій патріотизмъ", спасшій впослѣдствіи отечество отъ французскаго владычества „Бамбергская газета" была газетой наполеоновской Въ ней французскіе интересы стояли на первомъ планѣ, баварскіе на второмъ, а общегерманскіе совершенно отсутствовали. Разглагольствованія „Moniteur'a", императорская фразеологія оффиціальныхъ и подслуживавшихся газетъ—находили себѣ мѣсто на столбцахъ гегелевской газеты, издававшейся „строго фактически", на самой скверной бумагѣ. На всякой страницѣ этой *заказной* прессы безпрестанно встрѣчаются прославленія великаго императора, его вѣнчанныхъ и невѣнчанныхъ креатуръ и орудій его воли Въ зиму 1807—1808 года Гегель продолжалъ еще издавать свою газету, когда въ Берлинѣ, почти подъ штыками французовъ, Фихте читалъ нѣмецкой молодежи свои знаменитыя „Рѣчи германскому народу", проникнутыя благороднымъ патріотизмомъ, одушевленныя энергіей благородной личности.

Въ 1808 году, благодаря стараніямъ Нитгаммера, Гегелю удалось получить мѣсто ректора Нюренбергской гимназіи. Прекрасное мѣсто для всякаго, только не для нашего философа, котораго тянетъ къ профессорской каѳедрѣ, который успѣлъ уже привыкнуть къ ней и считаетъ ее, совершенно притомъ основательно, единственно подходящей ареной для своей дѣятельности. Гегель не совсѣмъ доволенъ, но „исполняетъ обязанности", не ощущая при этомъ, какъ и вообще при исполненіи обязанностей, ни душевной свободы, ни полнаго довольства бытіемъ. Ему постоянно приходится имѣть дѣло съ дѣтьми, входить въ разнообразные интересы ихъ маленькой жизни, и легко догадаться,

чего не доставало ему при этомъ: дѣти, все равно какіе французскіе, нѣмецкіе или папуасскіе, требуютъ прежде всего любви, ласки, непосредственности, а великій мыслитель предлагалъ имъ вмѣсто этого непонятныя лекціи по философской пропедевтикѣ, идею строгаго порядка и сухость малодоступнаго для дѣтскихъ интересовъ сердца. Но, чтобы не умереть съ голоду, надо было исполнять обязанности, и Гегель, какъ видно изъ его писемъ, „дѣлалъ все возможное“ съ чисто чиновничьей аккуратностью и чисто чиновничьимъ педантизмомъ. Въ своей богатой, спокойной и удивительно здоровой натурѣ онъ всегда находилъ нужныя силы, чтобы мириться съ дѣйствительностью, какой-бы она ни была. и вы напрасно даже въ наиболѣе тяжелые періоды его жизни будете искать въ самыхъ искреннихъ его признаніяхъ какого-нибудь рѣзко выраженнаго недовольства или проклятія . Проклятая жизнь!—этого вы отъ Гегеля не услышите, хотя-бы со стороны было извѣстно, что впродолженіи цѣлыхъ мѣсяцевъ онъ терпитъ постоянныя неудачи, занимается совершенно неподходящимъ ему дѣломъ, питается Богъ знаетъ чѣмъ!.. Удивительный запасъ терпѣнія преодолѣваетъ все; ни на минуту непрерывающаяся работа геніальной мысли, стремящейся къ постиженію всего сущаго, краситъ самую непривлекательную обстановку и даетъ такія наслажденія. о которыхъ даже не мерещилось обыкновенному смертному. И работа Гегеля—не порывистая работа таланта или горячей впечатлительной натуры, постоянно ловящей призракъ совершенства, быстро переходящей отъ восторговъ къ отчаянію; передъ нами работа увѣреннаго въ въ себѣ и терпѣливаго генія, величаво, спокойно идущаго къ разъ намѣченной цѣли.

Въ 1811 году Гегель женился, въ 1816 издалъ главное свое сочиненіе „Логику“ „die Logik“. Объ этихъ двухъ фактахъ, относящихся къ нюрнбергскому періоду намъ надо сказать по нѣскольку словъ.

Гегель женился и это было единственное увлеченіе, которое онъ позволилъ себѣ въ жизни, къ счастію совершенно удачное. „Его жена была лучшая изъ женщинъ“—говоритъ Гаймъ, Розенкранцъ утверждаетъ то-же самое, и хотя, я не знаю, чѣмъ она такъ понравилась гг. біографамъ, но охотно вѣрю имъ: Гегель горячо любилъ ее. „У кого есть цѣль въ жизни и хорошая

жена—у того есть все", говоритъ онъ самъ, формулируя въ этихъ словахъ то блаженное настроеніе, которое овладѣло имъ послѣ свадьбы. Повидимому, будучи женихомъ, Гегель сильно увлекался своей невѣстой, и мы не безъ удивленія видимъ, что въ строгомъ философѣ вдругъ пробудился сантиментально настроенный нѣмецъ, который пишетъ длиннѣйшіе стихи по адресу своей Маріи, чуть не ежедневно сочиняетъ для нея письма, переполненныя рецептами о супружеской добродѣтели и супружескомъ счастьѣ и самыми страстными излія̀ніями чувства. Читатель не можетъ не улыбнуться, постоянно встрѣчая въ этихъ письмахъ отрывочныя фразы, многоточія, восклицательные знаки, нѣжнѣйшіе эпитеты и припоминая при этомъ, что все это принадлежитъ автору „Феноменологіи духа", работающему надъ сочиненіемъ „Логики"—самой строгой, спокойной и абстрактной книги, вышедшей когда-нибудь изъ подъ пера мыслителя Но рядомъ съ восторгомъ и овладѣвшей Гегелемъ страстью, мы видимъ обстоятельное изложеніе того скромнаго и благоразумнаго идеала супружеской жизни, который вѣроятно былъ выработанъ нашимъ философомъ еще въ молодые годы Вѣдь мы уже знаемъ, что онъ, будучи мальчикомъ и юношей, увлекался не Вертеромъ Гете, не „Разбойниками" Шиллера, а картофельно-селедочными произведеніями, въ которыхъ превозносилась супружеская вѣрность, благоразумная любовь, здоровый аппетитъ и умѣренность въ наслажденіяхъ Въ домѣ своего отца Гегель одинаково видѣлъ примѣръ спокойной домашней жизни, въ которой мужъ исполняетъ обязанности, а жена занимается хозяйствомъ Эта-то тихая прелесть и привлекала къ себѣ воображеніе нашего философа, и своей будущей женѣ онъ старался внушить къ ней ту-же привязанность, какую чувствовалъ самъ. Поэтому рядомъ съ нѣжными изъясненіями чувства мы видимъ обстоятельныя и не очень ужь интересныя нотаціи „Не особенно поэтично!" скажетъ читатель. Не особенно поэтичной, но спокойной и счастливой вышла и семейная жизнь Гегеля.

Мужъ и жена занимали небольшую, но чистую и приличную квартиру. Прямо противъ выхода находилась гостиная, направо—кабинетъ Гегеля, потомъ спальня, дѣтская. Во всемъ были видны порядокъ и аккуратность. Прислугу обыкновенно не держали, развѣ въ случаѣ какихъ-нибудь экстренныхъ обстоятельствъ.

вродѣ болѣзни, беременности самой Marie von Hegel и т. под. Жизнь вообще велась тихая, скромная, однообразная, и лишь изрѣдка, въ видахъ развлеченія, супруги разрѣшали себѣ небольшія поѣздки по Германіи. Жена исключительно занималась хозяйствомъ, но любопытно, что и самъ Гегель находилъ время, вмѣшиваться въ него. Онъ былъ „главой и хозяиномъ" дома въ полномъ смыслѣ слова. У насъ сохранились толстыя, тщательно переплетенныя тетради, въ которыхъ великій философъ велъ аккуратную запись всѣмъ расходамъ по дому, не пренебрегая ни единымъ крейцеромъ или пфенигомъ. Онъ любилъ говорить, что жизнь выше средствъ (все равно какихъ—матеріальныхъ или духовныхъ) есть первый источникъ безнравственности и несчастія, и съ обычнымъ ему педантизмомъ проводилъ этотъ принципъ въ личной своей обстановкѣ. Это принципъ полнаго, если угодно, философскаго благоразумія и чтобы слѣдовать ему нужна большая ясность ума, мало увлекающаяся, мало впечатлительная натура вообще. Гегель обладалъ таковой и былъ счастливъ. Какъ мало нужно усилій воображенія, чтобы возстановить передъ собой скромную обстановку его жизни, прослѣдить его времяпрепровожденіе за цѣлый день, за цѣлые годы! Мы легко представляемъ его себѣ работающимъ въ кабинетѣ, окруженнаго грудой книгъ и мелко исписанныхъ тетрадей,—въ столовой, похваливающаго свою супругу за хорошо изготовленный супъ или прекрасно препарированный форшмакъ,—въ дѣтской ласкающаго маленькаго Гегеля съ такими же сѣрыми глазами, какъ у Гегеля большого,—опять въ кабинетѣ, спокойнаго, сосредоточеннаго, занятаго детальной разработкой своей великой системѣ или неумолимой критикой легкомысленно-философскихъ произведеній. Ни скуки, ни порывокъ Геніальная, охватывающая всѣ явленія жизни, мысль работаетъ безъ устали, создавая цѣпь силлогизмовъ и діалектическихъ моментовъ, долженствующую представить жизнь вселенной,—благоразумный характеръ не знаетъ ни кризисовъ, ни треволненій, не переходитъ отъ необузданныхъ восторговъ къ молодушному унынію и, вполнѣ, слишкомъ даже, увѣренный въ себѣ, не бросаетъ инквизиторскихъ, полныхъ мучительнаго недоумѣнія и сомнѣнія взглядовъ на свое внутреннее „я" Тутъ же бокъ-о-бокъ красивая, молодая, добродушная супруга, съ хорошей улыбкой, съ ласковымъ свѣтомъ голубыхъ глазъ,

съ хлопотливыми заботами о хозяйствѣ въ своемъ маленькомъ сердцѣ. . Для вечерняго развлеченія карты.. Вообще же тишь и гладь, и какъ бы можно было завидовать этой тиши и глади, не покупайся они слишкомъ дорогой цѣной—полнаго презрѣнія къ общественной жизни.

Вѣдь эпоха, о которой мы говоримъ (1808—1816), была одной изъ самыхъ бурныхъ и великихъ въ жизни Германіи Цѣлые годы велась упорная, полная благороднаго и патріотическаго одушевленія, борьба съ Наполеономъ. Вмѣсто чиновниковъ, администраторовъ, генераловъ стратегическихъ и тактическихъ на сценѣ дѣйствовалъ народъ, и не какъ призракъ (—„въ интересахъ народа!"), не какъ понятіе, а какъ нѣчто реально существующее. Подъ вліяніемъ общаго возбужденія были проведены въ жизнь величайшія реформы—уничтожено скверное и подлое крѣпостное состояніе, введена всеобщая воинская повинность, ослабѣлъ даже гнетъ чиновническаго механизма, педантизма и пр. А главное—исчезло то губительное самодовольство, которое овладѣло прусской правительственной жизнью послѣ царствованія Фридриха II Великаго. Неудачная правительственная борьба съ Наполеономъ воочію доказала, какъ гнилъ и въ сущности безсиленъ механизмъ прусской государственной жизни, считавшійся всесовершеннымъ. Для спасенія себя, поддержанія своей чести, для побѣды надъ гордымъ завоевателемъ пришлось обратиться къ народу, и этотъ униженный, закабаленный народъ, не видѣвшій до той поры ни тѣни справедливости, не жалѣя себя, совершилъ высокій героическій подвигъ освобожденія родины, обрѣтя героизмъ въ глубинахъ своего великаго, хотя и дремлющаго духа Элементарная справедливость, не говоря уже о благодарности, требовала признать народъ за активную часть государственнаго механизма и сообразно съ этимъ... сочинялись всяческіе конституціонные проэкты.

Гегель оставался равнодушенъ ко всему этому, даже больше: „онъ подсмѣивался" надъ патріотическимъ подвигомъ своей родины, надъ народомъ, защищавшимъ свою честь. надъ молодыми (и не только въ смыслѣ возраста) умами, которые хотѣли воспользоваться этимъ моментомъ, чтобы осуществить здѣсь на землѣ идеалъ человѣческаго счастья Все это казалось ему страннымъ и глупымъ. Онъ до конца не вѣрилъ, что можно побѣдить Напо-

леона, этого всемірнаго духа, при помощи мужиковъ и разгорячившихся студентовъ. Спокойно сидѣлъ онъ въ Нюрнбергѣ, читая философскую пропедевтику, очень довольный собой, супругой, обѣдомъ и своей „Логикой“, которая подходила къ благополучному окончанію. Правъ, или по крайней мѣрѣ въ этомъ случаѣ былъ правъ Штейнъ, заявивъ, что метафизика вредна для Германіи, что авторы метафизическихъ системъ или индифферентисты или реакціонеры. Прежде чѣмъ сдѣлаться послѣднимъ, Гегель былъ первымъ.

Но намъ надо сказать нѣсколько словъ о его „Логикѣ“, законченной въ 1811 г. Постараемся выяснить если не ея содержаніе, то по крайней мѣрѣ ея мѣсто и значеніе въ „системѣ“.

Мы уже видѣли, что Гегель смотрѣлъ на міръ Божій глазами философа-эстетика,—если угодно, философа-оптимиста Вселенная —это гармонически-прекрасное цѣлое, дивная картина, воплотившая въ себѣ художественно-цѣльную идею. Эта идея находится въ процессѣ безконечнаго развитія. Идея развивается, не останавливаясь ни на минуту въ своемъ торжественномъ ходѣ, у ней нѣтъ другой цѣли, кромѣ самопознанія и самоопредѣленія, но эта цѣль недостижима ни въ одинъ опредѣленный моментъ времени. Идея стремится выразить, „*опредѣлить*“ самое себя, ибо *полнота самопознанія есть всесовершенство, полнота наслажденія.* Идея—это міръ. Какимъ-же законамъ подчиняется она въ своемъ развитіи? „Феноменологія духа“—первое сочиненіе Гегеля—даетъ намъ картину *моментовъ*, черезъ которые проходитъ идея на пути самопознанія Мы слѣдимъ тамъ за ея развитіемъ, но законовъ этого развитія мы не знаемъ. Эти законы—законы *логики.* Абсолютное, говоритъ намъ Гегель, есть *духъ*, *разумъ*; все существуетъ лишь потому, что существуетъ абсолютный, стремящійся къ самопознанію разумный духъ Итакъ—*міръ есть разумъ.* Уже изъ этого понятно великое значеніе и мѣсто „Логики“ въ „Системѣ“. Это-то сочиненіе говоритъ намъ о законахъ развитія и даетъ всей философіи Гегеля невѣроятно прочный фундаментъ. Это уже не умствованіе Шеллинга, это—стройная идеалистическая система, опирающаяся на гранитное основаніе неопровержимыхъ логическихъ законовъ. Мы можемъ отрицать положенія Гегеля, можемъ не соглашаться съ нимъ, когда онъ говоритъ, что абсолютное есть духъ, что абсолютное есть безконечно діалектическое, т. е. признающее

только логическіе законы; но разъ мы примемъ объ эти формулы, намъ остается одно: штудировать Гегеля, проникаться его взглядами и воскликнуть: „все дѣйствительное разумно", ибо кромѣ разума нѣтъ ничего. Уступите Гегелю въ его аксіомахъ (ихъ онъ не доказываетъ, это аксіомы идеализма)—и вы можете смѣло, безъ всякой боязни идти за нимъ и съ чувствомъ восторга, съ чувствомъ удивленія передъ невѣроятной логической силой нашего философа, познавшаго *все*, слѣдить за развитіемъ духа, отъ стадіи полной безсознательности и Ничего (Nichts),—до того состоянія самопознанія, котораго Духъ достигаетъ въ человѣчествѣ, вѣрнѣе въ философіи самого Георга-Фридриха-Вильгельма Гегеля

Міръ есть понятіе Пусть читатель на минуту отброситъ свои обычныя представленія о вселенной и проникнется точкой зрѣнія Гегеля; тогда ему будетъ понятно какъ временное всемогущество системы берлинскаго мудреца, такъ и значеніе въ ней „Логики". Всѣ явленія жизни природы и жизни человѣчества—это *разсужденіе* Всемірнаго Духа, моменты его *логическаго* (діалектическаго) развитія Море, каменныя скалы, человѣчество въ различные періоды его бытія—не суть вещи матеріальныя, не „объектъ" въ общепринятомъ смыслѣ этого слова, а *Всемірный Духъ*, выражающій себя въ той или другой формѣ ради самоопредѣленія и самопознанія. Все это чисто логическіе моменты, необходимые для осуществленія чисто логической задачи—самопознанія, къ которой присоединяется задача эстетическая—самосозерцаніе себя, какъ сознающаго духа Всемірному духу—а этотъ духъ есть *все*.—надо было рѣшить проблему, т. е. познать самого себя. Гегелю предстояло рѣшить другую проблему—постигнуть законы этого познаванія, и въ своей „Логикѣ" онъ дѣйствительно постигъ ихъ. Его Всемірный Духъ—это Богъ, его „Феноменологія духа",—исторія Бога, его „Логика"—сводъ законовъ, которымъ подчиняется Божество на пути логическаго развитія, его философія, исторія—исторія человѣчества, какъ воплощеннаго Божества. Нѣтъ ничего, кромѣ Бога, все сущее—Его проявленіе или, по Гегелю, опредѣленіе.

Передъ нами, благодаря „Логикѣ", система чисто фаталистическая. Всемірный разумъ можетъ развиваться только по законамъ логики; логика едина, ея законы—необходимы. Слѣдовательно: „существуетъ только то, что должно быть". Вся жизнь—проявленіе Разумнаго Духа, его діалектическіе моменты. Итакъ, все дѣйствительное разумно. Мало того—оно прекрасно, такъ какъ

красота есть самосозерцаніе самопознающаго духа Вы хотите быть счастливымъ? Вступите въ міровой процессъ. но вступите въ него *сознательно*, черезъ изученіе философіи Гегеля. и созерцайте жизнь Всемірнаго Духа, который отражается и въ васъ. Пусть мысль, что вы частица бытія. воплощеніе единой, вѣчной. разумной идеи. наполняетъ ваше сердце *гордостью*, пусть стройная картина. открывающаяся передъ вами въ „Феноменологіи духа", вся состоящая изъ тончайшихъ логическихъ штриховъ, укажетъ вамъ связь вашего личнаго крохотнаго бытія съ бытіемъ вселенной; пусть. постигнувъ Логику, вы поймете, что все существуетъ лишь потому, что оно *необходимо*, что ничего другаго и быть не можетъ на его мѣстѣ.—и тогда вы сдѣлаетесь счастливымъ—если можете.

Еще разъ: философская система Гегеля грандіозна: она охватываетъ *все* Она способна подчинить себѣ даже сильный разумъ. потому что основана на строгой логикѣ. Она дѣйствуетъ успокоительно на нервы, такъ какъ проповѣдуетъ въ лучшихъ своихъ частяхъ—*эстетическій фатализмъ*. въ худшихъ—*покорность* Она наполняетъ человѣка *гордостью*. говоря ему. что онъ лучшее—т. е наиболѣе сознательное *воплощеніе* Всемірнаго Духа. Вѣчной. Едино-Существующей Идеи. и вмѣстѣ съ тѣмъ *смиреніемъ*, такъ какъ что же такое мое личное „я". мои желанія. прихоти. капризы, даже страданія передъ жизнью. передъ необходимостью „діалектическихъ моментовъ"? Даже „сказать. стыдно"... Эта философія не воодушевитъ васъ для борьбы. она не пропитаетъ васъ идеаломъ общественнаго счастья. не заставитъ напрягать ваши нервы и мускулы при видѣ несправедливости, гадости, глупости, подлости; но даетъ вамъ безконечный источникъ созерцательнаго наслажденія. Будь жизнь рѣшеніемъ математическихъ, логическихъ и иныхъ тому подобныхъ проблемъ, можно было бы вмѣстѣ съ Гегеліанцами сказать: „всѣ вопросы окончены—остается одинъ: *что-же будетъ дѣлать дальше Всемірный Духъ, разъ онъ позналъ себя въ философіи Гегеля*? Но жизнь, повидимому, мало интересуется діалектическими моментами, и на формулу Гегеля: „все дѣйствительное разумно. необходимо, прекрасно"—отвѣтила іюльской революціей 1831 г., февральскими днями 1848 г. и пр. и пр.

VIII.

Берлинъ.

Въ 1816 г Гегелю удалось наконецъ получить профессорскую кафедру въ Гейдельбергѣ Но мы пропустимъ этотъ Гейдельбергскій періодъ, такъ какъ для характеристики нашего мудреца онъ не даетъ ничего, а о любопытномъ эпизодѣ его столкновенія съ виртембергскими чинами мы скажемъ нѣсколько словъ ниже. Переходимъ поэтому прямо къ эпохѣ высшей славы и общественной дѣятельности Гегеля, когда онъ является передъ нами если и не вершителемъ судебъ своей родины, то по крайней мѣрѣ одной изъ самыхъ крупныхъ и замѣтныхъ величинъ въ дѣлѣ „вершенія".

Это—эпоха реакціи, реакціи самой безцеремонной и грубой. Либеральныя начинанія, вызванныя патріотической борьбой съ Наполеономъ, реформами Штейна и пр., хотя и продолжали бродить въ обществѣ, особенно среди молодежи, но стали уже вызывать самый сердитый отпоръ со стороны германскихъ правительствъ вообще, прусскаго правительства въ частности. Далеко не всѣ государи оказались такими рыцарями своего слова, какъ нашъ Александръ Благословенный; большинство повернуло вспять при первой возможности и устремило свои помыслы на реставрацію, реставрацію всего, что было до Наполеона и произведенной имъ сумятицы. Въ виду данныхъ заранѣе либеральныхъ, конституціонныхъ и прочихъ обѣщаній, это было не совсѣмъ „удобно", но въ оправданіе германскимъ государямъ можно привести то обстоятельство, что и само общество не особенно настаивало на либерализмѣ, а предпочитало спокойствіе духа и мирное благоденствіе. Молодежь, правда, бродила; идея единой Германіи, сочетавшись съ другими, нѣсколько мистическими даже идеями—возстановленія

временъ Арминія—созрѣвала въ ея средѣ. но благоразумные люди стремились къ отдыху послѣ вынесенной передряги. „Забыться и заснуть"—скорѣе къ этому, чѣмъ къ другой какой формулѣ, склонялось активное и вліятельное большинство общества. „Довольно жертвъ, понесенныхъ въ борьбѣ съ Наполеономъ, довольно пріобрѣтеній, сдѣланныхъ въ министерство Штейна! Да и не слишкомъ ли далеко зашли мы съ эмансипаціей крестьянъ, всеобщей повинностью, конституціонными обѣщаніями и мечтаніями? Торопиться, право, некуда: земля слава Богу изъ подъ ногъ не бѣжитъ! " Такъ говорили многіе и были правы, въ томъ пунктѣ по крайней мѣрѣ, что земля дѣйствительно изъ подъ ногъ не бѣжала

„Зоркій взглядъ Альтенштейна (прусскаго министра внутреннихъ и полицейскихъ дѣлъ) увидѣлъ Гегеля на Гейдельбергской кафедрѣ" Такъ картинно говоритъ Гаймъ Проще: Herr Альтенштейну очень понравилась философія Гегеля, опиравшаяся на формулу: „все дѣйствительное разумно". А, какъ тамъ ни мудрствуй лукаво, прусское государственное устройство было все-же дѣйствительностью, не меньшею дѣйствительностью было и желаніе успокоить умы Въ лестныхъ, заискивающихъ даже выраженіяхъ была предложена Гегелю знаменитѣйшая въ Германіи берлинская философская кафедра. Онъ былъ приглашенъ съ спеціальной цѣлью оправдать настоящее, доказать его разумность, его необходимость въ общемъ ходѣ міросданія и—странно—онъ принялъ предложеніе, хотя ничто не принуждало его къ этому: въ Гейдельбергѣ онъ занималъ вполнѣ независимое положеніе, его слава была внѣ всякихъ сомнѣній, матеріальныя условія жизни были не дурны, а Пруссію онъ не любилъ никогда и даже смотрѣлъ на нее съ величайшимъ презрѣніемъ. Но онъ согласился. Философія съ высоты Чистаго Разума опустилась на землю и—увы—запачкалась въ ея грязи.

Вполнѣ достаточно насмотрѣлись мы на Гегеля, какъ на индифферентиста, теперь передъ нами Гегель-реакціонеръ. Нельзя сказать, что это совершенно неожиданный переходъ, и все-же лучше, если-бы его не было. Гдѣ-же реакціонные элементы абсолютнаго гегелевскаго идеализма, которые вошли какъ краеугольный камень въ практическую философію—„Философію права" и „Философію религіи"? Но сначала факты.

Въ 1817 году по поводу трехсотлѣтняго юбилея реформаціи [1]) студенты всѣхъ германскихъ университетовъ устроили торжество. Произносились горячія рѣчи, былъ задуманъ общегерманскій буршеншафтъ Профессора сначала присутствовали, потомъ разошлись, послѣднимъ ушелъ Фризъ Молодежь между тѣмъ воодушевилась, и шутки ради было устроено маленькое „аутода-фе". на которомъ сожгли реакціонныя сочиненія Коцебу, сотни другихъ реакціонныхъ сочиненій, прусскую военную косичку, каску и еще что-то. Все это сопровождалось хохотомъ, насмѣшками, мало-сдержанными шутками Въ концѣ-концовъ молодежь мирно разошлась Но такъ открыто заявленныя либеральныя симпатіи, такая смѣлая насмѣшка надъ реакціей и не менѣе смѣлыя мечты объ общегерманскомъ буршеншафтѣ пришлись „не по характеру" министрамъ вообще, прусскимъ министрамъ въ частности Заговорили о революціи .. Гегелю пришлось высказаться Прежде всего онъ энергично напалъ на Фриза, который и такъ уже находился подъ уголовнымъ слѣдствіемъ, и обвинилъ его въ подстрекательствѣ. Замѣтимъ при этомъ, что и раньше между Гегелемъ и Фризомъ были счеты: уже въ Іенѣ Фризъ пользовался бо́льшею популярностью, чѣмъ нашъ философъ; издавъ свою „Логику". Гегель въ одномъ изъ примѣчаній такъ рѣзко и энергично разнесъ логику Фриза, что они стали почти врагами въ Гейльдельбергѣ Гегель не получалъ долго кафедры, потому что тамъ былъ Фризъ Слѣдовательно приличіе требовало молчать, но Гегель заговорилъ и притомъ съ такимъ раздраженіемъ, что даже находившаяся на содержаніи у правительства газета упрекнула его Гегель отвѣчалъ, что онъ, какъ прусскій чиновникъ, выше всякихъ подозрѣній Эпизодъ становился просто неприличнымъ.

Въ 1820 г. произошло убійство Коцебу. Убійство было съ политической подкладкой, но тутъ не дѣйствовала ни партія, ни революція, а просто ненормальный юноша Зандъ. Но за этотъ фактъ ухватились какъ за несомнѣнное свидѣтельство революціонныхъ плановъ, и борьбой съ ними опредѣлилась дальнѣйшая политика Пруссіи. Довольно либеральничать! . Реакція вошла въ силу и Гегель сыгралъ въ ней первую роль,

[1]) Какъ извѣстно, въ 1517 г. Лютеръ прибилъ къ дверямъ храма свои знаменитые тезисы.

хотя въ Гейдельбергѣ, наканунѣ своего переѣзда въ Берлинъ, онъ либеральничалъ какъ нельзя лучше и доказывалъ тупость виртембергскихъ чиновъ, противившихся либеральнымъ начинаніямъ герцога . Но посмотримъ на его профессорскую дѣятельность. „Онъ сидитъ на кафедрѣ, окруженный мелко исписанными тетрадями Онъ угрюмъ и какъ будто чѣмъ-то недоволенъ; первыя слова лекціи философъ произноситъ съ явнымъ неудовольствіемъ, безъ церемоніи останавливается среди фразы, постоянно кашляетъ Но онъ достигъ уже всемірной славы. толпа преданныхъ учениковъ тѣснится возлѣ его кафедры, боясь проронить хоть единое слово Понемногу Гегель воодушевляется, тонкая сплетенная какъ бы изъ паутины діалектика увлекаетъ его самого. Безъ всякаго колебанія забирается онъ въ ея дебри, свободно вращается въ сферѣ самыхъ отвлеченныхъ представленій, съ утомительной подробностью останавливается на каждой частности. но въ концѣ-концовъ, благодаря своему генію, онъ даетъ слушателю настоящую художественную картину. стройную и изящную, какъ доказательство великаго математика Въ аудиторіи—онъ царь. который можетъ дѣлать съ своими слушателями, что ему угодно. Отъ богато убраннаго стола его философіи питаются всѣ науки, питается самая жизнь. Онъ удовлетворилъ министерство и оно осыпаетъ его почестями и наградами, онъ увлекъ молодежь всепобѣждающей силой своего искусства, грандіозной задачей—обнять все; онъ наконецъ успокоилъ малодушное большинство, примиряя идеалъ и дѣйствительность. Дѣйствительность разумна и необходима. Передъ нами не разрозненныя явленія природы, а строго логическое развитіе Всемірнаго Духа. Смотри, радуйся и будь счастливъ. Если философія Гегеля давала уму отвѣтъ на всѣ вопросы, то его излюбленная точка зрѣнія на міръ, какъ на единое прекрасное цѣлое—успокоивало всѣ малодушныя сердца, давала имъ возможность примириться съ жизнью. А этого примиренія искали всѣ: Гельдерлинъ, Шеллингъ, романтики, реакціонеры, искали то съ страстной потребностью забыться, то съ невольнымъ стремленіемъ къ полному квіэтизму. Наконецъ разгадка была найдена Гегель отбросилъ въ сторону малодушныя жалобы Гельдерлина, парадоксы Шеллинга, мистику романтизма—онъ далъ систему наукообразную, подкопаться подъ которую нелегко, достаточно убѣдительную, чтобы приковать къ себѣ вниманіе цѣлаго поколѣнія Европы. Онъ

успокоилъ умы и сердца, но не отреченіемъ отъ дѣйствительности, а напротивъ сблизивъ человѣка съ нею и показавъ, что она *прекрасна, разумна, необходима*. „Философія должна постигнуть дѣйствительность"—но не съ точки зрѣнія нашего чувства, нашихъ идеаловъ и желаній, а съ точки зрѣнія разума, который долженъ доказать ея необходимую связь съ прошлымъ и будущимъ".

Что-же дѣлать человѣку? Гегель требовалъ полной покорности, и эта покорность являлась разумной и необходимой Для избраннаго же меньшинства онъ оставлялъ еще наслажденіе созерцать вселенную, какъ прекрасное цѣлое Очевидно, министерство могло быть довольно такой философіей Но, полюбопытствуетъ читатель, какимъ образомъ Пруссія превратилась вмѣстѣ съ своимъ государственнымъ устройствомъ въ нѣчто абсолютно совершенное? Къ сожалѣнію, это не болѣе какъ компромиссъ

И этотъ компромиссъ станетъ для насъ очевиденъ—разъ мы остановимся на минуту на „Философіи религіи" и „Философіи права" и посмотримъ, какъ постепенно измѣнялись взгляды нашего философа, пока не пришли къ формулѣ: „Пруссія и лютеранство суть вещи всесовершенныя, и я, Гегель, горжусь тѣмъ, что рожденъ лютераниномъ и состою прусскимъ чиновникомъ"

Начнемъ съ религіи Въ юные годы въ отношеніи къ ней господствуетъ точка зрѣнія критически настроеннаго свободолюбиваго разума; въ юные годы—увлеченіе Кантомъ, борьба съ протестантскимъ катехизисомъ, полное сочувствіе Шеллингу, не терпѣвшему въ то время схоластиковъ-богослововъ Но критика быстро отступаетъ на задній планъ, уводя съ собою насмѣшки. Стремящійся къ ея постиженію геній Гегеля выступаетъ на сцену. Критическое отношеніе замѣняется отношеніемъ спокойно наблюдающаго историка. Религія—фактъ прежде всего историческій Какъ выработался онъ, какія условія воспитали то и другое религіозное міровоззрѣніе? Какъ появилось христіанство, какъ смѣнило оно классическую вѣру? Гегель перестаетъ судить, онъ *объясняетъ*. Въ „Жизни Христа" (1795 года) есть замѣчательныя, глубокія страницы, достаточно выясняющія точку зрѣнія нашего мыслителя. Вотъ напр., что говоритъ онъ: „Въ древности господствовала государственная идея. Смерть не страшила человѣка, такъ какъ его земной богъ—государство—было вѣчно, по крайней мѣрѣ въ его представленіи Но когда Римъ

поглотилъ и разрушилъ всѣ отдѣльныя республики, когда его самолюбивая, эгоистичная политика унизила человѣка, отняла у него величайшую цѣль прежней жизни—служеніе государству.—обративъ его въ раба, страхъ передъ смертью сталъ преслѣдовать его Римъ былъ слишкомъ великъ, слишкомъ гордъ, чтобы каждый изъ его безчисленныхъ гражданъ могъ смотрѣть на его жизнь, на его интересы какъ на свои собственные· древнее маленькое государство, *доступное* и *понятное* каждому, исчезло и оставило пустое, ничѣмъ не замѣненное мѣсто Въ ужасѣ передъ могилой, гдѣ теперь дѣйствительно уже кончалось все, человѣкъ обратилъ свои глаза къ небу и вмѣсто исчезнувшаго земнаго бога-государства сталъ искать Бога небеснаго. И благодаря ужасу римскаго владычества, только та религія могла представиться ему истинной, которая клеймила господствующій духъ времени, которая безчестье отъ попиранія ногами самодовольной кучки оптиматовъ называла честью, а страждущее послушаніе — высшей добродѣтелью". Это уже не рационализмъ юношескихъ лѣтъ; это голосъ спокойнаго историка. Чѣмъ дальше, тѣмъ взгляды Гегеля становятся консервативнѣе Повидимому одна идея, что „человѣкъ есть членъ государства, которое есть начало „*высшее* сравнительно *съ личной жизнью*", опредѣляетъ дальнѣйшіе взгляды Гегеля. Хотя онъ и не оставляетъ совершенно своего юношескаго радикализма въ вопросахъ догматики, но по свойственной ему особенности запрятываетъ этотъ радикализмъ за густой рядъ неудобоваримѣйшихъ терминовъ. Все болѣе проникается онъ уваженіемъ къ народной религіи, считая ее необходимой принадлежностью благоустроеннаго государства Дѣло въ томъ, что „научное знаніе *истины* доступно лишь немногимъ избраннымъ. Религія даетъ человѣку ту-же *истину*, но языкомъ чувства, конкретнаго образа". Она преимущественно для темной массы, для толпы .. Это до Пруссіи Въ Пруссіи Гегель провозглашаетъ лютеранство всесовершеннымъ и гордится, что воспитанъ въ догмѣ меланхтоновскаго катехизиса.

Любопытны· взгляды Гегеля на отношенія государства къ церкви. Здѣсь идея государственнаго всемогущества выступаетъ на первый планъ. Государство, говоритъ онъ, не должно опираться на религію; спорить противъ его началъ во имя религіозныхъ воззрѣній—нельзя. Государство обязано защищать рели-

гіозную общину, помогать ей и *требовать* отъ каждаго гражданина принадлежности къ какой-нибудь религіозной общинѣ. Конечно религія—дѣло личное, и чье-бы то ни было вмѣшательство въ него неумѣстно; но такъ какъ *она приводитъ къ извѣстнымъ правиламъ, то... вмѣшательство не только умѣстно*, но и *необходимо* Государству принадлежитъ верховный контроль .

Итакъ: оно—государство — всемогуще. „Оно—земной богъ" Въ немъ личность находитъ высшее свое опредѣленіе Оно должно направлять дѣятельность гражданина Эллинскій идеалъ Гегеля, его презрѣніе къ личной жизни нашли свое выраженіе въ обоготвореніи государства. Но причемъ тутъ Пруссія? Почему: *прусское* устройство и лютеранизмъ всесовершенны? Почему государственное начало можетъ воплощаться только въ полицейско-чиновничьей формѣ? Политическій идеалъ Гегеля — прусское statu quo 1820—30 гг Тутъ—чиновники и полиція, полиція и чиновники. Очевидно: философія сошла на землю.

Но это успокоивало умы. Министерство было въ восторгѣ и радовалось, такъ какъ Гегель „построилъ" прусское государство на началахъ разумности и необходимости Громадное вліяніе Гегелевой философіи обезпечивало ему спокойную будущность: опираясь на нее, можно было повидимому идти по намѣченному пути, не смущая себя никакими призраками. Самъ Гегель продолжалъ работать въ томъ-же направленіи. . Съ могучей и злой діалектикой нападалъ онъ на своихъ противниковъ, безъ устали развѣнчивалъ „героевъ чувствъ", философовъ вѣры и всѣхъ этихъ горячихъ „мальчишекъ", желающихъ перестроить разумную и необходимую жизнь по своему образцу. Онъ умеръ въ 1831 году отъ холеры; послѣдняя неоконченная его статья заключала въ себѣ злую критику англійскаго билля о реформѣ за его скромныя, но все-же демократическія тенденціи ..

IX

Заключеніе.—Личность Гегеля

Подведемъ итоги.

Я полагаю, что читателю будетъ любопытно объяснить этотъ переходъ Гегеля на сторону прусскаго министерства Великій человѣкъ, такъ долго служившій одной истинѣ, такъ глубоко убѣжденный въ достоинствѣ мысли, идетъ на компромиссы. Почему? Не будемъ торопиться, а составимъ прежде всего краткій обвинительный актъ. Мы видѣли очень грустные факты, мы видѣли, что Гегель какъ редакторъ баварской газеты оправдываетъ французское владычество въ Баваріи, выказываетъ полный, насмѣшливый даже индифферентизмъ къ судьбамъ своей родины, называетъ Наполеона „душою міра“, спокойно живетъ въ Нюрнбергѣ, когда его товарищи-профессора становятся подъ знамя, смѣется надъ патріотическимъ подвигомъ своего народа; затѣмъ какъ виртембергскій профессоръ превозноситъ виртембергскаго герцога и либеральничаетъ, и наконецъ какъ прусскій чиновникъ возводитъ прусское statu-quo въ идеалъ и является строжайшимъ консерваторомъ. Мало того въ своихъ лекціяхъ, обращенныхъ къ толпѣ боготворившей его молодежи, онъ часто позволяетъ себѣ двусмысленности и противорѣчія, слишкомъ грубыя, чтобы объяснять ихъ какъ „lapsus linguae“. Это уже „lapsus virtutis“. Въ чемъ же дѣло? Передъ нами, какъ угодно, въ высшей степени любопытный психологическій феноменъ, котораго *оправдать* нельзя, но можно *объяснить*. Ничтожествомъ въ обычномъ смыслѣ слова великіе люди не страдаютъ, и потому не будемъ приписывать Гегелю какихъ бы то ни было низкихъ побужденій вродѣ желанія подслужиться и пр. Но что у великихъ мыслителей зачастую не хва-

таетъ нравственнаго мужества, чтобы высказывать ясно понимаемую имп правду, слишкомъ близко касающуюся дѣйствительности,—это, я думаю, ни для кого не новость Надо же было Декарту посвящать свою „Discours" Сорбоннѣ,—Эразму отрекаться отъ реформаціи и писать доносы на Гуттена,—Платону навѣщать Сицилію,—Бэкону брать взятки Такія строгія нравственныя личности какъ Сократъ, Бруно, Галилей, Спиноза рѣже еще, чѣмъ великіе мыслители Обидимъ ли мы поэтому тѣнь Гегеля, приравнявъ его къ Декарту или Эразму Я думаю, что никто, называя его героемъ мысли, не станетъ называть его героемъ безъ эпитета. Это во первыхъ. Во вторыхъ: философія Гегеля проникнута индифферентизмомъ въ нравственномъ отношеніи. Ея цѣль—познаніе, ея богъ—разумъ. „Безъ самосознанія, говоритъ намъ одинъ изъ остроумнѣйшихъ русскихъ писателей, нѣтъ дѣятельности; но работа самосознанія не можетъ быть содержаніемъ дѣятельности. Самосознаніе есть только необходимое *условіе*, а не сущность дѣятельности, предметъ которой долженъ лежать внѣ личности Если сознавшій себя человѣкъ употребитъ свои силы исключительно на дальнѣйшее расширеніе и укрѣпленіе своего самосознанія и самопознанія, онъ сыграетъ въ нравственномъ мірѣ роль безплодной смоковницы, заслуживающей проклятія, какъ возмездія; онъ явитъ собой образецъ чистѣйшаго эгоиста, который интересуется только собой, заботится только о себѣ". Это прекрасная характеристика Гегеля. Чего хотѣлъ онъ Понять мірозданіе, разработать окружающее до степени идеи. Его умъ былъ *такъ устроенъ* (я настаиваю на томъ, что устройство ума не всегда разложимый факторъ), что онъ считалъ дѣло поконченнымъ—разъ ему удавалось *понять* его. Его идеи не требовали выхода въ дѣйствительность: Гегель удовлетворялся *процессомъ* пониманія, и это обстоятельство опять говоритъ намъ о слабости его нравственнаго чувства. Какъ поэтъ облегчаетъ свою душу, воплотивши свои муки въ образѣ, такъ Гегель успокоивался, объяснивъ данное явленіе, какъ бы скверно оно ни было Всѣ его усилія сосредоточивались на діалектикѣ; но діалектика даже великаго ума, неоплодотвореннаго нравственной идеей и стремленіемъ къ идеалу справедливости, не можетъ обойтись безъ примѣси софистики.

Но сдѣлаемъ и еще одно соображеніе; обратимся къ личности

Гегеля, какъ человѣка, и быть можетъ здѣсь мы найдемъ небезполезныя указанія Преклоненіе передъ фактомъ, стремленіе примирить идеалъ и дѣйствительность, уничтоживъ первый, какъ проявленіе нравственнаго „я“ человѣка и возведя вторую на его мѣсто, таковъ общій смыслъ философіи Гегеля. Его личный характеръ, слишкомъ разсудочный и вообще не склонный ни къ дѣятельности, ни къ протесту; его душевный міръ—трезвый и мало увлекающійся, далекій отъ энергичной любви къ ближнему; его геніально пытливый умъ, не оплодотворяемый нравственными стремленіями,—все это вело Гегеля сначала къ созданію философіи, холодной какъ ледъ, не отводящей мѣста человѣку, какъ нравственному существу, а потомъ—къ преклоненію передъ дѣйствительностью, къ борьбѣ съ проявленіями личнаго, вѣрующаго, нравственнаго чувства Не о томъ, чтобы измѣнить *фактъ* жизни въ пользу человѣческихъ желаній, а чтобы доказать силу, величіе, необходимость этого факта—къ этому сводились всѣ усилія гегелевской діалектики И несомнѣнно, что онъ достигъ своей цѣли, что его философія, разсматриваемая съ нравственной точки зрѣнія, есть фатализмъ еще болѣе ужасный, чѣмъ фатализмъ Магомета, такъ какъ въ сути вещей лежитъ, по мнѣнію Гегеля, безсознательная эволюція духа, и историческій процесъ, обусловленный лишь законами логики. Этотъ фатализмъ не можетъ даже возбуждать протеста, такъ какъ онъ проникнутъ эстетическимъ созерцательнымъ отношеніемъ къ жизни. Среди этой эволюціи духа, въ мірѣ этихъ понятій—что прикажете дѣлать человѣку съ его желаніями?.. Очевидно, ему надо отступать съ нѣкоторою даже совѣстливостью. Гегель презиралъ чувство, презиралъ массу, служащую этому чувству.

Уже въ немъ какъ гимназистѣ, ни разу не записавшемъ въ своемъ дневникѣ ни одного слова о жизни своего сердца,—спокойно переваривавшемъ все, что полагалось и даже болѣе того, видна эта слабость аффективной жизни, создающей наши желанія, наши идеалы. А впослѣдствіи, когда Гегель цѣликомъ ушелъ въ созданіе системы, эта сухость личной жизни достигла совсѣмъ гиперболическихъ размѣровъ. Онъ сталъ педантомъ. Параллельно съ этимъ въ его характерѣ развивалась другая черта—*властолюбіе*. Человѣкъ геніальный и инстинктивно сознававшій свою геніальность, онъ до тридцати лѣтъ жилъ въ тѣни и еще де-

сять лѣтъ не могъ добиться ни отъ кого признанія своей ге альности. А между тѣмъ у него, голодающаго приватъ-доцента, была уже система, „Das System“, т. е. для нѣмецкаго мыслителя истинный патентъ на безсмертіе. Но проходили цѣлые годы и—увы!—дивный Абсолютъ возбуждалъ скорѣе недоумѣніе, чѣмъ восторги. Гегель былъ самолюбивъ; болѣе того, его сухая натура, оживленная гордымъ сознаніемъ, что система создана—влекла его въ сторону деспотизма. Слишкомъ долгіе годы ожиданія, слишкомъ малая доза добродушія и любви къ людямъ сдѣлали эту деспотическую наклонность сконцентрированной и непримиримой. Онъ не терпѣлъ возраженій, никогда не снисходилъ ни къ кому. Съ высоты мысли онъ презиралъ людей. Какъ Кальвинъ (тоже *разсудочная* натура) не постыдился зажечь костеръ Сервета, такъ Гегель не постыдился обрушиться на Фриза, когда тотъ и такъ уже былъ подъ уголовнымъ слѣдствіемъ. Гегель уничтожалъ своихъ противниковъ, не стѣсняясь средствами. Онъ фанатически вѣрилъ себѣ Къ его величію надо прибавить поздно проявившуюся властность натуры, и что-же удивительнаго, если онъ соблазнился тою ролью, которую предоставила ему Пруссія?

Онъ пошелъ на компромиссы и двусмысленности. Онъ сталъ играть словами и формулами.

Все дѣйствительное разумно.
Все разумное дѣйствительно.

Обѣ эти противоположныя формулы выводились изъ его философіи. Первая, это формула квіэтизма; вторая, правильно понятая, едвали пришлась-бы по вкусу Herr Альтенштейну. Гегель не высказался до конца и, какъ говоритъ Гейне, „подсмѣивался“.

Но какъ бы ни возмущалось наше нравственное чувство, будемъ помнить слова одного изъ лучшихъ и честнѣйшихъ толкователей Гегеля: „человѣкъ, имѣвшій восторженными слушателями цѣлую толпу высокихъ и благородныхъ умовъ, никогда не могъ быть низкою личностью по самому существу своему: ученики прежде всего разгадываютъ человѣческое достоинство учителя. Но и добросовѣстные *враги* Гегеля, обвиняя его въ заблужденіяхъ, въ ошибкахъ, никогда не обвиняли Гегеля въ подлости. Шеллингъ, имѣвшій много причинъ быть недовольнымъ своимъ прежнимъ другомъ, называя его чистѣйшимъ экземпляромъ внутренней и внѣшней прозы, не думалъ даже заподозрѣвать его въ „не-

ѣстыхъ побужденіяхъ". Легко было бы „заподозрить" Гегеля, но мы предпочитаемъ этого не дѣлать: уваженіе къ величію необходимо для нашей природы Пожелаемъ только, чтобы будущіе герои человѣчества соединяли въ себѣ великій умъ Гегеля съ нравственными стремленіями любящаго сердца.

Что-же касается философіи Гегеля, то прибавимъ въ заключеніе нѣсколько словъ и о ней. Несомнѣнно, что въ настоящее время она имѣетъ только историческій интересъ. Мы можемъ относиться къ ней sine ira et studio. Ясно различаемъ мы въ ней реакцію противъ разсудочности, господствовавшей въ XVIII вѣкѣ, совершенно основательно отталкиваетъ насъ отъ нея ея произвольность, догматичность и акробатическіе фокусы гегелевской діалектики. Мы видимъ въ ней одну изъ самыхъ стройныхъ и цѣлостныхъ попытокъ дать философское міровоззрѣніе, независимо отъ истинъ точной науки,—проникнуть въ тайну мірозданія однимъ смѣлымъ полетомъ геніальной мысли. Вмѣстѣ съ этимъ передъ нами продуктъ грустнаго разлада между требованіями человѣка и скверной окружающей обстановкой, незаконнаго желанія отрѣшится отъ задачъ и обязанностей дѣйствительности, уйти въ міръ идей и оттуда свысока и съ презрѣніемъ смотрѣть на человѣческія страсти, чувства, стремленія къ счастью. Въ концѣ концовъ ко всему этому примѣшивается филистерство. — Какъ бы то ни было, система Гегеля существуетъ теперь лишь какъ историческій фактъ: ея выводы и посылки разрушены наукой; ея оптимизмъ и самодовольство—жизнью; ея фатализмъ и преклоненіе передъ фактомъ—нашей нравственностью. Для строго научной философской системы не пришло еще время, не пришло еще время и для того, чтобы человѣкъ получилъ право быть довольнымъ собой и мірозданіемъ...

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Значеніе біографіи для пониманія метафизической системы.—Метафизика и наука.—Философско-историческіе взгляды Гегеля.—Безличная эволюція.—Пренебреженіе къ личности.—Связь съ реакціей.—Гегель въ Россіи.

Познакомивъ читателей съ біографіей Г. Ф. В Гегеля мы намѣрены теперь изложить одинъ изъ самыхъ любопытныхъ пунктовъ его ученія—его взгляды на исторію, на роль человѣчества на землѣ и во вселенной, на прошлыя и грядущія судьбы людей. Такимъ образомъ мы надѣемся избѣгнуть того, повидимому, основательнаго упрека, который можетъ быть сдѣланъ книгамъ подобной нашей: „какой смыслъ давать біографіи тѣхъ лицъ, чьи сочиненія—настоящая книга за семью печатями для большинства всероссійскихъ читателей?“ Но не говоря уже о томъ, что каждый тѣмъ болѣе большой человѣкъ интересенъ, между прочимъ, какъ *личность*, въ данномъ случаѣ упрекъ былъ-бы тѣмъ менѣе основателенъ, что безъ подробной біографіи автора, ни одна метафизическая система не можетъ быть правильно понята, вѣрнѣе совсѣмъ не можетъ быть понята и что „въ личности метафизика заключается уже его система“. Метафизика не наука, тѣмъ менѣе—наука точная Научное мышленіе находится въ подчиненіи у факта, научныя истины могутъ быть открываемы людьми самыхъ различныхъ положеній, характеровъ, убѣжденій. Что напр. общаго между Ньютономъ и Лейбницемъ? Однако оба они и въ одно и то же время открыли дифференціальное исчисленіе. Какъ люди, Дарвинъ и Уэвелль ничуть другъ на друга не похожи, однако мысль о естественномъ подборѣ принадлежитъ имъ обоимъ. Человѣкъ науки беретъ свое содержаніе изъ фактовъ, онъ откры-

ваетъ законы, наблюдая отношеніе между фактами. Выводы его творчества прямо зависятъ отъ данныхъ природы, т. е. совершенно объективныхъ. Даже гипотеза должна быть основана если и не на всѣхъ, то по крайней мѣрѣ на нѣкоторыхъ подмѣченныхъ и несомнѣнныхъ взаимо-отношеніяхъ вещей. Иначе никакой научной цѣнности она не имѣетъ.

Не такъ поступаетъ метафизикъ, не таковы условія метафизическаго творчества. Фактъ, явленіе, взятые сами по себѣ, не имѣютъ въ глазахъ метафизика никакого значенія, никакой цѣнности. Это — преходящій символъ, это видимая, измѣнчивая оболочка того абсолютнаго, непреходящаго, неизмѣннаго, что̀ скрывается отъ глазъ людей. На уразумѣніе этой сущности, нумена, Dinge an und fur sich, и должны тратиться всѣ усилія человѣческаго разума. Метафизикъ только, повидимому, оперируетъ надъ тѣмъ-же матеріаломъ, какъ человѣкъ науки, на самомъ-же дѣлѣ онъ ежеминутно переступаетъ область опыта и наблюденій, чтобы вступить въ царство чистой идеи, независящей отъ своей земной формы, въ міръ абсолютнаго и неизмѣннаго, спрятавшагося за видимой и измѣнчивой оболочкой жизненнаго факта и явленія Но всѣ мы разсуждаемъ объ извѣстномъ и на основаніи извѣстнаго. Метафизикъ говоритъ только о неизвѣстномъ, только оно его интересуетъ. Этотъ „иксъ“, эта вѣчная тайна, эта неуловимая сущность всего существующаго является единственною цѣлью его умствованій. Ради достиженія ея онъ постоянно забываетъ о земномъ, о̀ томъ, что находится въ дѣйствительности. Совершенно отрицая, что существуютъ непереходимыя границы для человѣческаго разума, онъ то и дѣло съ большей или меньшей ловкостью перескакиваетъ черезъ нихъ. Для этого ему нужны нѣкоторыя непреложныя истины, аксіомы, которыя могли бы служить ему операціоннымъ базисомъ въ дальнѣйшихъ разсужденіяхъ. Откуда-же взять ихъ?

Всякая метафизическая система начинается съ аксіомы, всѣ аксіомы, на которыхъ основываются метафизическія системы, произвольны. Выборъ той или другой аксіомы зависитъ отъ личности метафизика, его характера, его настроенія. Поэтому-то и говорятъ обыкновенно, что метафизики это поэты, попавшіе не на свое мѣсто, Какъ поэты они служатъ своему настроенію, какъ поэты они всѣ субъективны до послѣдней степени, и если мы возьмемъ хотя-бы

сотню метафизическихъ системъ, ни одна изъ нихъ не будетъ похожа на другую Различіе въ системахъ сводится къ различію въ личности ихъ творцовъ и эпохи Почему Шопенгауеръ пессимистъ, а Гегель оптимистъ?" Не обусловливается ли это различіе между двумя философами ихъ личными характерами, свойствами ихъ ума?. Для Шопенгауэра это положительно вѣрно: самоубійство его отца, его собственное мрачное настроеніе — весьма важные факты для объясненія его философіи Какъ Гегель *скопировалъ съ себя* свой абсолютный духъ, такъ и Шопенгауэръ свое личное настроеніе вынесъ изъ себя, чтобы превратить его въ выраженіе абсолютной цѣнности міра". [1]) Личное „я" автора—вотъ ключъ къ пониманію метафизической системы Не зная біографіи автора—нельзя понять и ея. Очевидно, поэтому, что намъ надо было начать съ біографіи Гегеля, такъ какъ онъ не только метафизикъ, но и величайшій изъ метафизиковъ XIX-го вѣка

Біографію Гегеля мы знаемъ, мы знаемъ и его личность, его настроеніе. Теперь уже не трудно понять „систему". Но излагать ее всю не только невозможно, но и безполезно: такое изложеніе не найдетъ себѣ читателей Совершенно достаточно ознакомиться съ его философіей исторіи: „самой грандіозной попыткой конструированія исторіи" какъ называетъ ее Н И. Кареевъ. „Философія исторіи" имѣетъ еще и то преимущество, что она понятна, по крайней мѣрѣ *болѣе* понятна, чѣмъ другія произведенія Гегеля Къ ней отнюдь не приложимы знаменитыя слова Вольтера: „когда тотъ, кто слушаетъ, не понимаетъ, о чемъ ему говорятъ, а тотъ кто говоритъ, не понимаетъ самъ, что говоритъ—это метафизика"—c'est de la metaphysique. Въ философіи исторіи Гегель понятенъ, мало того, здѣсь—сущность его міросозерцанія, центральный пунктъ его ученія въ отношеніи къ *человѣку*

Въ основѣ философіи исторіи Гегеля лежитъ та „простая", какъ называетъ ее самъ Гегель мысль, что разумъ управляетъ міромъ. Но разумъ этотъ не есть способность; его надо понимать въ особенномъ спеціально-гегелевскомъ смыслѣ; разумъ—это сама сущность, субстанція, это не только мысль, но и мыслящее существо, это—всемірный духъ, абсолютная т е. неизмѣнная истина. Что знаемъ мы объ *этомъ* разумѣ? Мы, обыкновенные смертные, ни-

[1]) Н. И. Карѣевъ «Основн. вопр Философіи Исторіи» т. I. 179.

чего, Гегель—все. Свойство разума, сущность этой сущности, говоритъ онъ—свобода. Но, почему свобода, а не что нибудь другое, почему непремѣнно и только свобода? „Потому, объясняетъ намъ Гегель, что все *постигается* нами изъ своей противоположности. Мы знаемъ о существованіи *бѣлаго* цвѣта, потому что есть цвѣтъ черный, о существованіи *большого*, потому что есть малое Противоположность разума, духа—это матерія Свойство матеріи тяжесть, *поэтому* свойство духа—свобода". Но что такое это свобода? Какъ надо понимать ее? Для Гегеля это свобода есть „das Bei-sich-selbst-seyn" т е. „у-себя-самого-бытіе". Не пугайтесь слова: смыслъ его совершенно ясенъ Быть у себя самого—значитъ *не зависѣть* ни отъ чего другого, быть существомъ самодовлѣющимъ, такимъ существомъ и является *разумъ* Гегеля. Онъ свободенъ, потому что кромѣ него нѣтъ ничего, онъ свободенъ, такъ какъ его дѣятельность—*познаніе*, но это познаніе самого себя—*самосознаніе* И такъ разумъ Гегеля ни въ чемъ не нуждается, ни къ чему не стремится кромѣ самосознанія, т. е. опять таки къ самому себѣ. Поэтому онъ — свободенъ, тогда какъ матерія — зависима, и эта зависимость ея выражается въ *тяготѣніи* къ другому, внѣ ея находящемуся центру.

Мы боимся, чтобы читатель не воскликнулъ: „къ чему такой огородъ городить?" Но немного терпѣнія: все это не только понятно, но и поучительно.

Хотя сущность разума заключается въ *свободѣ*, но *сознавать* эту свою свободу онъ начинаетъ не сразу. Процесъ исторіи въ томъ и заключается, что „разумъ вырабатываетъ знаніе того, что такое онъ самъ по себѣ". Цѣль исторіи—самосознаніе разума, этой цѣли служитъ все, все случается для того, чтобы служить этой цѣли Поэтому все разумно и все необходимо. Чтобы ни говорили Гегелю и страданіяхъ, перенесенныхъ человѣчествомъ, о жертвахъ, принесенныхъ на алтарь исторіи, жертвахъ еще и теперь, черезъ столько вѣковъ возмущающихъ нашу душу, у Гегеля на все есть готовый отвѣтъ: Нечего, говоритъ онъ, проливать

---

[1]) Чтобы избѣжать цитатъ, указываемъ источники: *Hegel.* «Philosophie der Geschichte».—*Н. И. Карѣевъ.* «Основные вопросы Философіи Исторіи» ч I стр. 68—78; 174—185.—*Vera.* «Introduction à la philosophie de l'historie» въ его «Essais».

слезъ и жаловаться, что хорошимъ нравственнымъ людямъ часто и даже большею частью плохо живется, тогда какъ дурнымъ и злымъ—хорошо". Все это безусловно полезно и даже необходимо: міръ таковъ, какимъ онъ долженъ быть: разумъ прекрасно пользуется для своихъ цѣлей какъ страданіями такъ и радостями людей и не все-ли равно, будутъ ли то страданія или радости, разъ разумъ достигаетъ своей цѣли: самосознанія". Для Гегеля это дѣйствительно было безразлично: самосознанію, какъ *цѣли*, онъ принесъ въ жертву исторію и человѣчество. При этомъ никакія соображенія не останавливали его Цѣли, поставленной разумомъ, онъ поклоняется; средства, которыми достигается цѣль—интересуютъ его очень мало, вѣрнѣе—совсѣмъ не интересуютъ

И такъ исторія есть жизнь абсолютнаго разума, стремящагося къ самосознанію въ человѣчествѣ Любопытно отмѣтить, что Гегель, понимая этотъ разумъ какъ существо мыслящее, надѣлилъ его собственными своими качествами, такъ сказать, списалъ его съ самого себя. Суть жизни для Гегеля сводится къ *пониманію*, для разума—тоже: понявъ себя, онъ достигъ конечной цѣли Самъ Гегель былъ оптимистомъ, его разумъ оптимистъ ничуть не менѣе. Какъ Гегель такъ и разумъ одинаково утверждаютъ: все къ лучшему и даже болѣе того: совершается здѣсь на землѣ только *единственно* возможное, только необходимое: міръ какъ разъ таковъ, какимъ долженъ быть Гегель презиралъ чувство, страсти, личность; разумъ одинаково презираетъ чувства, страсти, личность Это не вѣчно страдающее существо Шопенгауэра—*воля*, а существо удивительно самодовольное. Ну что изъ того, что средства (т. е. люди), которыми онъ пользуется для достиженія своей цѣли, гибнутъ? Надо только *умѣть* пользоваться этой гибелью, этими жертвами ради своей цѣли. Разъ страданіе открываетъ что нибудь новое, нужное для полноты пониманія, то оно полезно, оно необходимо. Мало и этого: Гегель былъ фаталистомъ; процессъ развитія разума одинаково фаталистическій, обусловленный законами логики; разумъ стремится къ цѣли, но это стремленіе не есть свободное творчество, а присущая разуму необходимость Такую параллель можно бы продолжать очень долго, но для этого пришлось-бы повторять біографію. Если изъ этой біографіи читатель понялъ, что такое Гегель, то теперь онъ пойметъ, что такое гегелевскій разумъ Какъ Зевсъ былъ похожъ на грека, такъ разумъ Гегеля похожъ на него

самого, ибо, повторяю: гегелевскій разумъ не есть способность, но существо (Weltgeist); это прекрасно слѣдуетъ, между прочимъ, и изъ извѣстнаго изреченія Гегеля: „нужно назвать *хитростью* разума, что онъ заставляетъ дѣйствовать для себя страсти" Какъ видите, разумъ даже хитеръ Это знаменитое „die List der Vernunft" (хитрость разума).

Посмотримъ теперь, какъ живетъ разумъ въ человѣчествѣ Прежде всего надо отмѣтить тотъ фактъ, что абсолютный разумъ переселяется отъ одного народа къ другому и каждый отдѣльный народъ есть въ извѣстное время его носитель на данной ступени его развитія Но далеко не каждому народу на землѣ разумъ дѣлаетъ честь поселиться въ немъ: онъ выбираетъ лишь небольшое количество націй, которыя поэтому только и имѣютъ исторію Мало того, побывавши у одного народа, разумъ переходитъ въ другой и вмѣстѣ съ этимъ переходомъ заканчивается историческая жизнь перваго Дважды въ одну и ту-же націю разумъ не поселяется, почему многіе народы давно уже сошли съ историческаго поприща, чтобы никогда болѣе на него не вернуться Историческая жизнь разума начинается въ Китаѣ, продолжается въ Индіи, переходитъ въ Персію, Ассиро-Вавилонію, Египтъ, Грецію и т д — чтобы закончиться наконецъ въ германскомъ мірѣ, преимущественно въ Пруссіи

„Исторія начинается съ Китая и монголовъ". Здѣсь господствуетъ теократія: это полнѣйшее отрицаніе всякой индивидуальности во имя единства. Единство, общее однообразіе являются господствующимъ началомъ жизни, здѣсь нѣтъ свободы, нѣтъ человѣка Разумъ не понимаетъ себя: онъ спитъ и всѣ его поступки похожи на поступки ребенка.

Въ Индіи разумъ начинаетъ уже *грезить*. Это страна необузданнаго воображенія, не признающаго ни преградъ, ни правилъ. Въ формахъ жизни господствуетъ извѣстное разнообразіе, касты, но эти касты основаны не на личныхъ особенностяхъ, а на раздѣленіи занятій. Поэтому и здѣсь нѣтъ свободы, такъ какъ положеніе человѣка зависитъ отъ чисто внѣшнихъ обстоятельствъ. Той независимости, того „у-себя-самого" бытія, которое составляетъ сущность свободы, разумъ еще не достигъ. На сценѣ люди, но нѣтъ *субъектовъ*; мы видимъ лишь формы, категоріи, разряды (касты), но не видимъ отдѣльныхъ людей.

Природа господствуетъ какъ и въ Китаѣ, но свѣтъ самосознанія еще не загорался

Разумъ переселяется въ Ассиро-Вавилонію, Финикію, Персію, наконецъ, въ Египетъ. „Здѣсь произошло соединеніе вавилоно-ассирійскаго сенсуализма и финикійско-еврейскаго спиритуализма“. Проще: разумъ *понялъ* уже, что онъ духъ, но все еще находится въ зависимости отъ матеріи. Это тяготитъ его; „безпокойно волнуясь“, онъ стремится вырваться изъ оковъ матеріи, но пока его попытки — тщетны Символъ Египта — сфинксъ: человѣческая голова (разумъ) смотритъ изъ звѣринаго тѣла Это соединеніе несоединимаго Это загадка. Но разгадать ея удалось не Египту: онъ такъ-таки и не узналъ, въ комъ-же разумъ можетъ проявить свою духовность во всей ея полнотѣ, въ комъ или въ чемъ можетъ осуществить онъ свою свободу. Смотря на сфинкса, на это уродливое соединеніе высшей духовности и грубой матеріи, Эдипъ, грекъ, сказалъ: „человѣкъ“. Чудовище бросилось въ море: разумъ нашелъ себѣ мѣсто.

Поэтому то въ „Греціи мы впервые чувствуемъ себя дома“. Здѣсь на сценѣ субъекты, индивидуумы; здѣсь духъ созналъ свою индивидуальность, свою особность, отдѣльность отъ матеріи; но странно, чтобы понять, чтобы изобразить себя—онъ все еще почерпаетъ матеріалъ изъ природы. Это юность человѣчества, періодъ, такъ сказать, человѣческой чувственности, въ широкомъ смыслѣ слова. Грекъ не достаточно „духовенъ“: ему все надо видѣть, осязать, чувствовать. Высшее выраженіе его дѣятельности — искусство, но и оно слишкомъ матеріально, слишкомъ тѣлесно. Самый индивидуализмъ греческой жизни слишкомъ рѣзокъ и угловатъ: разумъ какъ бы раздѣлился на тысячи кусковъ и частей; одна часть борется съ другой и разумъ не способенъ охватить себя цѣликомъ. Разрозненныя въ греческомъ мірѣ индивидуальности нуждаются хотя бы во внѣшнемъ объединеніи.

Это объединеніе дано Римомъ. Принципъ Рима — „абстрактная универсальность“. Римъ стремился наложить узы на нравственные индивидуумы, собрать всѣ народы въ одно всемірное государство, всѣхъ боговъ — въ одинъ пантеонъ. Онъ боролся противъ крайностей греческаго индивидуализма и партикуляризма, его идеалъ — отвлеченное, всеобщее и, вмѣстѣ съ тѣмъ, глубоко практическое Самая религія Рима—религія цѣле-

сообразности прежде всего. Но налагая узы на нравственные индивидуумы, принося въ жертву содержаніе личности и самую личность куміру всеобщности, Римъ постоянно встрѣчалъ противодѣйствіе. Въ его разрозненныхъ, хотя и подчиненныхъ одному принципу частяхъ никогда не было духовнаго единенія. Только имперія, деспотизмъ цезарей далъ этому громадному всемірно-государственному тѣлу *внѣшнее* единство, которымъ „разумъ“ однако удовлетвориться не могъ. Онъ ищетъ духовнаго и безконечнаго; въ римской имперіи не было ни того ни другого Разочарованный въ Римѣ абсолютный разумъ углубляется въ самого себя, стремится къ духовному міру, такъ какъ онъ духъ и уже познавшій себя духъ. Этого удовлетворенія своей духовности онъ ищетъ страстно, съ безпокойствомъ Земная матеріальная форма римской имперіи, ея практическіе идеалы возбуждаютъ въ немъ негодованіе и отвращеніе Онъ хочетъ даже совершенно отрѣшиться отъ земли и ея интересовъ.

Тогда на сцену выступаетъ величайшее, всемірное явленіе — христіанство. Тутъ впервые человѣчество узнаетъ, что природа людей духовна, что человѣкъ въ сущности своей есть духъ. Но время духовнаго царства не пришло еще: люди не могутъ пока дѣйствовать на основаніи своей внутренней правды и свободы. Несмотря на сознаніе своей духовности, имъ нужна внѣшняя власть, которая, однако, не отрицала-бы ихъ духовности Является государство церковное—папство.

Принципъ христіанства, принципъ внутренней свободы и духовности могъ развиться только въ германскомъ мірѣ. Здѣсь— старость разума Только германскій духъ оказался способнымъ постигнуть абсолютную истину и разумъ, поселившись въ него послѣ столькихъ блужданій, находитъ наконецъ возможнымъ осуществить свою конечную цѣль—самопознаніе. Завершеніемъ исторіи является протестантизмъ, но его появленію предшествуютъ суровые средніе вѣка. Прежде однако, чѣмъ сказать о нихъ нѣсколько словъ, сдѣлаемъ маленькое отступленіе.

Исторія для Гегеля есть исторія абсолютнаго разума. Какъ мы видѣли, на протяженіи столькихъ вѣковъ онъ не знаетъ ни минуты покоя. Начавши съ крайняго востока, онъ все далѣе переселяется на западъ, „безпокойно волнуясь“ переходитъ онъ отъ одного народа къ другому. Что-же двигаетъ имъ? Какая та-

нственная сила заставляетъ его то и дѣло мѣнять свое мѣсто, свою форму, стремиться къ духовности, самосознанію, къ внутренней свободѣ?

„Разумъ отвѣчаетъ Гегель развивается по необходимости, процессъ его развитія начинается еще въ то время, когда онъ слѣпъ и безсознателенъ. Законы-же его развитія — законы логики". И въ біографіи мы уже видѣли, что „Логика"—это ключъ къ пониманію всей системы Гегеля. Въ концѣ концовъ, дѣятельность Гегелевскаго разума безлична, это чисто логическій процессъ развитія идеи, который нашъ философъ воплотилъ, между прочимъ, и въ исторіи человѣчества На сцену выступаетъ знаменитая Гегелевская тріада—тезисъ, антитезисъ, синтезъ, т е положеніе, отрицаніе и примиреніе перваго со вторымъ—тѣ три ступени діалектическаго развитія, которыя необходимы въ жизни каждой идеи, черезъ которыя проходитъ и абсолютный разумъ. Для мало упражнявшагося въ философіи читателя подобная „тріада" можетъ показаться и произвольной и затруднительной для пониманія, но обойтись безъ ея разъясненія—нельзя; безъ нея нѣтъ и философіи Гегеля. Простоты ради обратимся къ примѣрамъ. Минуя частности, Гегель дѣлитъ исторію на три крупныя части: Востокъ, классическій міръ и міръ христіанско-германскій. Первый представляетъ изъ себя тезисъ, второй—его отрицаніе, третій—отрицаніе этого отрицанія и полное примиреніе всѣхъ противорѣчій Эти противорѣчія: духовное и мірское; конечное и безконечное. На востокѣ, на первой ступени своего развитія разумъ не сознаетъ своей свободы, подчиняясь деспотизму политическому и религіозному, онъ „спитъ", но въ этой мало подвижной жизни заключается уже все то, что составляетъ сущность исторіи человѣчества, все ея содержаніе. Это, повторяемъ, тезисъ, положеніе: разумъ свободенъ, но онъ не сознаетъ своей свободы, внутренняя его работа еще не начиналась: онъ молчитъ въ Китаѣ, грезитъ въ Индіи, но нѣтъ еще ни безпокойнаго метанія, нѣтъ стремленія выяснить себя, свою сущность. Онъ живетъ, но эта жизнь подобна прозябанію и процессу. Человѣкъ не борется, не протестуетъ, онъ склонился передъ фактомъ жизни и жизненной необходимостью, онъ не созналъ себя какъ отдѣльное существо. Религія уничтожаетъ его личность, поглощая ее въ представленіи о безконечномъ; жизнь задавила его своимъ религіозно-полити-

ческимъ деспотизмомъ. Какъ-же можетъ разумъ сознать свою свободу? Для этого, ему прежде всего надо пройти періодъ отрицанія своего прежняго положенія. Вмѣсто безконечнаго и общаго, господствовавшаго на востокѣ въ формахъ ли религіозныхъ представленій или государственной жизни, является господство конечнаго и индивидуальнаго Греческіе боги—это люди, жизнь человѣка ограничена землей, каждый грекъ признаетъ въ себѣ отдѣльнаго человѣка. Въ государственной жизни господствуетъ партикуляризмъ. Общее и единое востока раздѣлилось на тысячи частей. Это—антитезисъ. Разумъ идетъ дальше. Онъ уже выяснилъ себѣ, что существуютъ противорѣчія: конечнаго и безконечнаго, общаго и индивидуальнаго. Какъ примирить ихъ? Онъ достигаетъ этого въ новой Европѣ, гдѣ личная свобода уживается съ требованіями цѣлаго, т. е. государства, гдѣ безконечное (наши религіозныя представленія) воплотилось въ конечныхъ формахъ—церкви, гдѣ духовное примирилось съ мірскимъ и церковь слилась съ государствомъ Разумъ повидимому вернулся къ своему исходному пункту, къ тезису; на послѣдней ступени какъ и на первой одинаково нѣтъ никакихъ противорѣчій, но теперь уже разумъ сталъ сознательнымъ и свободнымъ.

Возьмемъ еще одинъ примѣръ. Въ первый періодъ среднихъ вѣковъ господствуетъ внѣшнее единеніе подъ господствомъ франковъ. Франкское государство поглотило націи, церковь, личность. По подъ прикрытіемъ внѣшняго единства таятся противорѣчивые элементы:—отдѣльныхъ народовъ и франкской державы, индивидуума и деспотическаго государства, власти духовной и мірской Противорѣчія быстро выступаютъ на сцену: отдѣльныя націи возстаютъ противъ франковъ, отдѣльныя лица противъ государства, церковь противъ мірской власти, результатомъ чего явилось распаденіе франкской монархіи, феодальная система и отдѣленіе церкви, ея самостоятельное воинствующее положеніе. Противорѣчія остались, они только воплотились въ жизненныя формы и чѣмъ дальше, тѣмъ больше они развиваются. Въ ихъ развитіи, обостреніи проходитъ вся средняя исторія. Жизнь ужасна: она преисполнена отрицаніемъ и чтобы найти правду, дающую возможность жить—люди отправляются на Востокъ для освобожденія Гроба Но неудача крестовыхъ походовъ убѣждаетъ ихъ, что истину надо искать въ себѣ. Разумъ начинаетъ метаться: воз-

рожденіе, книгопечатаніе, открытія и изобрѣтенія быстро слѣдуютъ другъ за другомъ. Наступаетъ реформація и примиреніе противорѣчій: церковь сливается съ государствомъ, личность примиряется съ нимъ

Этой своей тріадой, этимъ движеніемъ противорѣчій Гегель, объясняетъ всю исторію какъ въ частяхъ, такъ и въ общемъ. Надо согласиться, что у него получается очень стройная картина жизни человѣчества. Исторія вытянута въ одну линію, все служитъ одной цѣли, повсюду господство непреложнаго логическаго закона. Но вмѣстѣ съ тѣмъ очевидно, что такъ разсматривать исторіи нельзя: объясненіе Гегеля произвольно, онъ беретъ только тѣ націи, которыя ему нужны и настолько времени, на сколько это ему нужно, а затѣмъ преспокойно отбрасываетъ ихъ. О многихъ народахъ онъ совсѣмъ не говоритъ. Для него, напр., не существуетъ ни Византіи, ни славянства. „Тогда какъ, говоритъ Н. И Карѣевъ исторія представляетъ изъ себя теченіе многихъ параллельныхъ рѣкъ, у Гегеля только одна рѣка“, имъ самимъ выдуманная.

Но критиковать Гегеля здѣсь не мѣсто. Спросимъ лучше себя, какой смыслъ его философіи исторіи? Въ ней, очевидно, господствуютъ двѣ идеи—идея развитія и идея абсолютной безцѣнности личной человѣческой жизни. Первая сближаетъ философію Гегеля съ философскимъ движеніемъ XIX в вообще, вторая дѣлаетъ ее не особенно симпатичной, чисто фаталистической. Всѣ части, всѣ періоды исторіи, Гегель представляетъ взаимно солидарными, взаимно другъ друга дополняющими У него нѣтъ ничего лишняго, случайнаго, произвольнаго: все строго-логично и все безусловно-необходимо Каждая разсматриваемая эпоха—есть необходимая стадія развитія разума. Эта стадія предполагаетъ извѣстныя политическія и общественныя формы, извѣстные нравы, вѣрованія, убѣжденія. Стадія проходитъ и уноситъ за собою все обусловленное ею. На ея мѣсто является другая, *логически-необходимо* вытекающая изъ первой. И т. д. Какъ оптимистъ, Гегель все развитіе человѣчества объединяетъ подъ принципомъ прогресса въ сознаніи свободы, въ распространеніи этой свободы на всѣхъ. Въ концѣ концовъ каждый свободенъ, каждый сознаетъ свою свободу. Достигло-ли человѣчество такого состоянія? Хотя Гегель и говорилъ иногда, что процессъ развитія разума — безконеченъ, однако на поставленный вопросъ онъ отвѣчалъ ут-

вердительно. Слѣдовательно—дальше некуда идти и совершенно правы были гегельянцы, спрашивая себя: „что дѣлать дальше абсолютному разуму, разъ онъ познался себя въ философіи Гегеля?" Эта философія, какъ для ея автора, такъ и для его учениковъ, являлась завершеніемъ всего умственнаго движенія человѣчества Принципы всѣхъ прежнихъ системъ, какъ уничтоженные моменты, содержатся въ гегелевской философіи; развитія дальше, къ высшему — нѣтъ. Проводя въ своихъ сочиненіяхъ идею эволюціи, трансформизма, Гегель, повторяемъ, шелъ рука объ руку не только съ философскимъ, но и научнымъ теченіемъ XIX вѣка. Ставя этой эволюціи точку, онъ совершилъ конечно грубую ошибку, но и эта ошибка характерна для него и можетъ быть понята лишь изъ данныхъ о его личной жизни, т. е. изъ его біографіи Стоитъ только спросить себя, какую массу самодовольства, самоувѣренности надо имѣть у себя на душѣ, чтобы провозгласить себя завершителемъ того умственнаго движенія, которое продолжалось цѣлыя тысячелѣтія; какимъ надо быть педантомъ и доктринеромъ, чтобы наперекоръ фактамъ живой жизни, наперекоръ всеобщей неудовлетворенности, признать безплодными и ненужными усилія людей къ счастію и справедливости? Гегель или не видѣлъ этого, или не хотѣлъ видѣть: его личное настроеніе опять вторглось въ систему и съ точки зрѣнія трансформизма круто повернуло ее на точку зрѣнія абсолютнаго, *уже достигнутаго* совершенства.

Уже однимъ своимъ утвержденіемъ, что дальше некуда идти—Гегель протягивалъ руку реакціи. Но еще ближе подходилъ онъ къ ней своимъ пренебреженіемъ къ личности, своимъ оптимизмомъ, своимъ фаталистическимъ міросозерцаніемъ. На самомъ дѣлѣ, разсматривая философію исторіи въ ея цѣломъ, мы видимъ, что Гегель совершенно игнорируетъ личное творческое начало въ жизни. Все нужно, все полезно, все хорошо не потому, что оно служитъ человѣческому счастію, а самосознанію разума. Въ гегелевской исторіи мы не видимъ ни націй, ни людей; передъ нами разумъ, абсолютное начало жизни и ея абсолютное содержаніе. Люди—средство; разумъ пользуется ими для своихъ цѣлей и съ хитростью эксплоатируетъ ихъ страданія. Передъ гегелевскимъ разумомъ въ началѣ его исторического поприща открывается неизвѣстная таинственная страна, которую онъ во что бы то ни

стало долженъ изучить и изслѣдовать. Но самъ онъ въ эту страну не идетъ, а отправляетъ туда людей, цѣлые племена и народы. Изслѣдовать таинственную область дѣло не легкое и опасное: это своего рода меотійское болото, гдѣ ничего не стоитъ затеряться среди лѣсовъ, непроходимыхъ топей, трясинъ и т д Хитрый разумъ какъ будто знаетъ это и употребляетъ на пользу себѣ человѣческія страсти. Онъ возбуждаетъ честолюбіе, стремленіе къ славѣ, всѣ другія чувства, лишь бы побудить смертныхъ къ трудному и опасному путешествію Какое ему дѣло, почему идетъ человѣкъ въ эту таинственную страну, Изъ-за славы, или отъ отчаянія? Важно одно—достиженіе цѣли, важно, чтобы какимъ бы то ни было путемъ смѣлые піонеры принесли вѣсть, а перенесенныя ими трудности ставятся исключительно на ихъ личный счетъ. Не бѣда, если многіе погибнутъ даже: эти жертвы нужны. Такова въ конкретномъ образѣ точка зрѣнія Гегеля и его разума на человѣческую жизнь и человѣческое счастіе. Человѣкъ — средство на всемъ пути развитія исторіи

Что-же такое человѣческіе идеалы? Для Гегеля никакихъ человѣческихъ идеаловъ не существуетъ Онъ отрицаетъ ихъ безусловно. *Цѣнность человѣческой жизни относительна, а не абсолютна. Абсолютную цѣнность, т. е. такую, которой все должно служить, имѣетъ лишь идея.* Идея эта, разсматриваемая какъ существо, проникнута іезуитской моралью, удивительнымъ самодовольствомъ и даже жестокостью. Надо согласиться, что, рисуя свой портретъ, Гегель отнюдь не прикрашивалъ его.

Теперь уже связь гегелевскаго ученія съ реакціей очевидна. Реакція въ общественной жизни гдѣ-бы и при какихъ-бы обстоятельствахъ она ни происходила, всегда своимъ исходнымъ пунктомъ имѣетъ пренебреженіе къ личному творческому началу въ жизни Только это личное начало и создаетъ идеалы, только оно и обусловливаетъ движеніе впередъ. Прогресса въ природѣ никакого нѣтъ, прогрессъ это наше собственное понятіе, наше собственное стремленіе, внесенное въ жизнь природы. Когда мы говоримъ, что такое-то явленіе прогрессивно, мы тѣмъ самымъ говоримъ, что оно благородно, справедливо, что оно содѣйствуетъ нашему счастью. А какое дѣло природѣ до благородства, справедливости и нашего счастья? Прогрессъ — наше собственное,

человѣческое, путь прогресса — это достиженіе человѣческихъ идеаловъ Гегель-же признавалъ только прогрессъ разума, а о человѣческой личности и человѣческомъ счастьѣ нисколько не заботился. Мы видѣли его въ Берлинѣ ратующимъ противъ нѣмецкой молодежи, либерализма и проч. Болѣе послѣдовательнымъ нельзя было и быть. Съ одной стороны—міровой процессъ завершенъ, съ другой, какое право имѣетъ человѣкъ выдвигать на сцену свою волю, свои чувства, разъ лично онъ никакой цѣнности не имѣетъ? Развѣ его счастье кому нибудь нужно, развѣ разумъ выражается въ немъ? Представителемъ разума Гегель считалъ не личность, а государство Поэтому-то онъ и училъ, что государство всемогуще, что—оно земной богъ и можетъ дѣлать съ отдѣльнымъ человѣкомъ все, что ему заблагоразсудится. Повторяемъ, пренебреженіе къ личному началу въ исторіи реакціонно по самой сущности своей. Утверждая, что личность, ея идеалы ничего не значатъ, мы становимся или на точку зрѣнія безличной эволюціи, при которой намъ нечего дѣлить, или приходимъ къ взгляду, что человѣкъ есть средство для какой-нибудь другой, внѣ него находящейся цѣли.

Этому въ сущности и училъ Гегель. Почему-же такъ увлекались имъ русскіе люди, и притомъ лучшіе люди въ Россіи? Перечислимъ только нѣкоторыя имена, чтобы, такъ сказать, конкретно изобразить значеніе гегелевской философіи для Россіи. Списокъ длиненъ. Бѣлинскій, Герценъ, Станкевичъ, Тургеневъ. Грановскій—это лучшіе; за ними еще цѣлая масса. Не говоримъ уже о вліяніи Гегеля на нашихъ юристовъ: Чичеринъ, Рѣдкинъ, были гегеліанцами Правда, увлеченіе Гегелемъ было только эпохой въ личной жизни каждаго изъ дѣятелей 40 годовъ, но этого увлеченія не миновалъ почти никто Что-же такого увлекательнаго въ философіи Гегеля?

Намъ уже не разъ приходилось указывать на то, что эта философія обнимаетъ собою *все*. Гегель былъ правъ, утверждая, что его система—итогъ всего, сдѣланнаго ранѣе метафизической мыслью. На воображеніе она производитъ впечатлѣніе грандіозное, поражающее. Одинъ человѣкъ, одна система отвѣчаетъ на всѣ вопросы, выясняетъ смыслъ, цѣль и назначеніе бытія. Повѣрьте Гегелю—и для васъ нѣтъ болѣе загадокъ жизни. Затѣмъ, эта система наукообразна: подкопаться подъ нее дѣло нелегкое; для

этого надо обладать такими-же свѣдѣніями, какими обладалъ самъ Гегель—а эти свѣдѣнія громадны. Не только, вѣдь, русскіе люди вѣрили Гегелю, ему вѣрила одно время почти вся Европа. Что наука! Наука въ то время была разрознена, представляла изъ себя груду необобщеннаго, неразработаннаго матеріала Она могла, какъ и теперь, удовлетворить только жажду познанія, но отвѣтить человѣку на самые дорогіе для него вопросы о сущности жизни, ея цѣли, ея назначеніи—она была не въ состояніи. Да и теперь эти вопросы для нея не существуютъ; а странно, какъ же можно жить не разрѣшивши ихъ? Когда отбрасываются отвѣты, даваемые религіей, то что-же остается? Пустое, ничѣмъ не заполненное пространство *Повѣривъ*-же въ философію Гегеля, съ такимъ затрудненіемъ встрѣчаться уже не приходится. его система охватываетъ все, его система даетъ отвѣтъ на все.

Правда, бываютъ эпохи такой усиленной жизни чувства, такой бодрой, общественной, жизни, такой дѣятельной любви къ ближнему, такой дѣятельной заботы о немъ, что вопросы бытія отступаютъ на второй планъ. Но подобныя эпохи—рѣдки, исключительны 30-ые и сороковые годы во всякомъ случаѣ къ нимъ не принадлежатъ. Обиженный жизнью, окружающимъ ея формализмомъ, жестокостью, человѣкъ инстинктивно искалъ какого нибудь примиренія съ дѣйствительностью и не какое нибудь, а съ съ виду совсѣмъ хорошее, совсѣмъ разумное примиреніе довала ему философія Гегеля Въ ней онъ находилъ программу для своей дѣятельности, она указывала ему на великое содержаніе жизни, успокоивала его тревожное, личное чувство. Поражая воображеніе своимъ грандіознымъ размахомъ—она дѣйствовала какъ гашишъ, какъ представленіе о нирваннѣ. „Забыть о себѣ“, „слиться съ бытіемъ“, „созерцать“ — таковы ея практическіе выводы. Надо согласиться, что они успокоительны.

Но это, такъ сказать, отрицательное значеніе гегелевской философіи; у ней есть и положительное.

Въ 30 и 40 г., русская мысль во всякомъ случаѣ находилась въ періодѣ младенчества Не было ни науки, ни философіи, но потребность того и другого была. И вдругъ русскому человѣку предлагаютъ систему, охватывающую собою *все*, дающую отвѣтъ *на все*, примиряющую его съ жизнью, съ дѣйствительностью, оправдывающую его ничтожество, открывающую передъ нимъ безконечное созерцательное наслажденіе!

Мудрено было не увлечься—и гегеліанство стало дорогимъ гостемъ въ Россіи Сколько надо было усилій ума, чтобы усвоить себѣ систему берлинскаго мудреца, сколько времени уходило на обсужденіе діалектическихъ тонкостей! Это наполняло жизнь, мало того: заставляло пересмотрѣть всѣ свои взгляды, всѣ свои убѣжденія.

Русскіе люди задумались и притомъ очень серьезно. Благодаря различію въ индивидуальности тѣхъ, кто штудировалъ Гегеля, его философія произвела различное впечатлѣніе Воспитавшись на ней, одни стали западниками, другіе—славянофилами. Началась та знаменитая борьба мнѣній, первымъ проявленіемъ которой можно считать „Философскія письма“ Чаадаева, помѣщенныя въ Телескопѣ за 1836 г.,—борьба, наполнившая собою всю дѣятельность Бѣлинскаго и въ сущности продолжающаяся еще и до сихъ поръ. Вопросъ, являющійся яблокомъ раздора, ставится, надо сказать, очень странно. Спрашивается: гдѣ истина: на Западѣ или въ Россіи? Крайніе западники отвѣчаютъ: истина только въ Европѣ, крайніе славянофилы: истина только въ Россіи. Поэтому, первые проповѣдуютъ полное самоотреченіе, вторые—полное самодовольство. Первымъ и пожалуй самымъ крайнимъ западникомъ былъ Чадаевъ Рабски слѣдуя за Гегелемъ, онъ вполнѣ соглашался съ положеніемъ послѣдняго, что саморазвивающійся духъ воплощается не во всѣхъ, а лишь въ нѣкоторыхъ избранныхъ народностяхъ Для настоящаго времени, такая народность—германцы. Ихъ привеллигированное положеніе будетъ продолжаться и въ будущемъ, такъ какъ, пребывая въ нихъ, разумъ позналъ себя и больше ему дѣлать нечего. Славяне къ числу избранныхъ народностей не принадлежатъ: разумъ не сдѣлалъ имъ чести и не поселился въ нихъ; въ ихъ жизни не выражено никакой идеи; своего, *нужнаго для разума*, содержанія у нихъ нѣтъ. Поэтому имъ остается только *отречься* отъ самихъ себя, забыть все свое прошлое и усвоить западную цивилизацію, въ коей вся истина Наше прошлое—никому не нужно, наше будущее никому не интересно. Индивидуальности у насъ никакой нѣтъ, такъ какъ индивидуальность—по Гегелю—представляетъ изъ себя стадію логическаго развитія разума. Чтобы у народа была индивидуальность, необходимо, чтобы въ немъ поселился абсолютный разумъ. Разъ этого условія

нѣтъ, нѣтъ и индивидуальности. Слѣдовательно: полное самоотреченіе, усвоеніе чужого, забвеніе своего—такова наша русская роль здѣсь на землѣ.

Нельзя не согласиться, что трудно даже хватить далѣе черезъ край Чаадаевъ воспринялъ ученіе Гегеля до послѣдней буквы и отнеся къ Россіи съ безусловнымъ отрицаніемъ. Славянофилы тоже штудировали Гегеля, но отнеслись къ нему совершенно иначе. Прежде всего они спросили себя, до что такое самъ Гегель, что такое тѣ начала, на которыхъ зиждется западная жизнь? Гегель—раціоналистъ, вся его философія—философія разсудка; сущность западной жизни въ разсудочности Но развѣ этой разсудочностью можетъ жить человѣкъ? развѣ у него въ жизни нѣтъ другого начала, болѣе мощнаго, несомнѣнно безошибочнаго? Такое начало существуетъ—это *вѣра* Вѣра эта непосредственное, живое и безусловное знаніе, это *зрячесть* разума Не оплодотворяемый вѣрой, разумъ создаетъ только силлогизмы, вѣра-же „улавливаетъ связь явленій дѣйствительности съ непроявляемымъ началомъ", она дѣлаетъ доступными всѣ глубочайшія истины мысли, всѣ невидимыя тайны вещей божескихъ и человѣческихъ. Но, не требуетъ ли вѣра отреченія отъ разума и наконецъ во что-же вѣрить? Вѣрить можно лишь въ то, во что вѣруетъ весь народъ: въ истины и въ идеалы православія; только православіе проводило всегда строгую границу между мышленіемъ и откровеніемъ, почему и не производило никакого насилія надъ разумомъ. Въ православіи разумъ и вѣра примирены. У него есть и еще достоинство—народность

Критикуя Гегеля отчасти самостоятельно, отчасти „по Шеллингу", славянофилы сдѣлали къ его взглядамъ очень серьезное добавленіе. Разумъ Гегеля только *познаетъ*. Это познающій разумъ Разумъ славянофиловъ *хочетъ*. Это *волящій* разумъ Но если для познанія нужны законы логики, то для воли нуженъ идеалъ и нравственныя основы И то и другое славянофилы нашли въ православіи и въ русскомъ народѣ: это любовь, общеніе.

Мы опредѣлили только исходные пункты ученія славянофиловъ и западниковъ Было бы любопытно прослѣдить дальнѣйшее развитіе ихъ мнѣній, но это, очевидно, не входитъ въ нашу программу. Мы хотѣли только указать на связь этихъ крупнѣйшихъ теченій русской мысли съ философіей Гегеля и показать, что, не

зная этой философіи, нельзя знать и своего историческаго прошлаго. А это историческое прошлое хотя и не особенно богато, но дорого для насъ, русскихъ людей, и всякая работа, выясняющая его, приноситъ нравственное удовлетвореніе. Безъ знанія этого прошлаго—самое будущее темно и приходится жить ощупью, наугадъ. Но въ заключеніе, еще маленькій вопросъ: полезно ли было гегельянство для Россіи? такой вопросъ по нашему тоже самое что спросить себя: полезно ли думать, полезно-ли пересмотрѣть всѣ свои взгляды, убѣжденія, все свое прошлое и настоящее? Наряду съ другимъ и философія Гегеля заставила сдѣлать это. Многимъ русскимъ и притомъ лучшимъ русскимъ людямъ она впервые дала дѣйствительно философское міросозерцаніе и ввела въ самый центръ умственной жизни Запада.

Этого, кажется, достаточно для дѣла рукъ человѣческихъ.

ИЗДАНІЯ Ф. ПАВЛЕНКОВА.

Продаются во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. Главный складъ въ книжномъ магазинѣ П. Луковникова (Спб., Лештуковъ пер., № 2).

Для дѣтей и юношества.

ДВА ПРОКАЗНИКА Шуточный разсказъ въ стихахъ *В. Буша.* Переводъ съ 25 нѣмецк изданія Около 100 рис Ц. 60 к., въ пап 75 к въ пер 1 р. 25 к.

ВЪ ДОБРЫЙ ЧАСЪ Дѣтскіе разск. *А. Ляндэ.* Съ рисунками Ц 75 к., въ папкѣ 1 р., въ переплетѣ 1 р 25 к

РУССКІЯ НАРОДНЫЯ СКАЗКИ ВЪ СТИХАХЪ *А. Бѣлозерова* Съ предисловіемъ Тургенева и 50 рисунками Ц. 2 р., въ пап. 2 р 50 к., въ переп 3 р

ЧЕРНЫЕ БОГАТЫРИ. *Е Конради* Съ 58 рис. Ц 2 р., въ перепл. 2 р. 75 к.

ЗАДУШЕВНЫЕ РАЗСКАЗЫ *П. Засодимскаго.* Два тома съ 136 рис., цѣна кажд въ папкѣ 1 р 50 к въ перепл. 2 р.

ХОРОШІЕ ЛЮДИ *В Острогорскаго* 45 рис 2 изд Въ пап. 1 р., въ пер 1 р 75 к.

ИЗЪ ЖИЗНИ ИСТОРІИ *А. Ареньева* Съ рис., въ папкѣ 1 р 50 к., въ пер 2 р

ПОСЛУШАЕМЪ Разск. *А Ходзде* 28 рис. Въ папкѣ 1 р., въ пер. 1 р 50 к

ДѢТСКІЙ МАСКАРАДЪ. *Н. Азбелева* Съ 16 рис Ц 20 к.

НАГЛЯДНЫЯ НЕСООБРАЗНОСТИ (Дѣтскія задачи въ картинкахъ) *Ф Павленкова* 200 рисунковъ на 10 листахъ. Ц. 1 р „Объясненіе" къ нимъ 5 к.

ТРОЙНАЯ ГОЛОВОЛОМКА. *В Обрегимова.* Сборникъ геометрическихъ игръ. Съ 300 рисун. и 39 кастетами. Ц. 1 р

МАТЕМАТИЧЕСКІЕ СОФИЗМЫ 50 теоремъ, доказывающихъ, что $2 \times 2 = 5$, часть больше своего цѣлаго, и пр Составилъ *В Обрегимовъ* 2-е изд. Ц 40 к

ИСКРЫ БОЖІИ. Біографическіе очерки *А Островинской.* Ц 1 р 25 к.

20 БІОГРАФІЙ ОБРАЗЦОВЫХЪ РУС ПИСАТЕЛЕЙ. Составилъ *В. Острогорскій* Съ 20 портретами 3 изд Ц. 50 к.

СКАЗКИ ГУСТАФСОНА. Ц. 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р 50 к., въ перепл 1 р. 75 к.

ИСТОРІЯ ОТКРЫТІЯ АМЕРИКИ. *Ламе-Флери.* Съ 52 рис 2-е изд Ц. 75 к., въ папкѣ 1 р., въ перепл. 1 р. 30 к

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ РОМАНЫ ДИККЕНСА въ сокращенномъ переводѣ *Л. Шелгуновой* Давидъ Копперфильдъ, 2) Домби и сынъ, 3) Оливеръ Твистъ, 4) Большія надежды, 5) Нашъ общій другъ, 6) Лавка древностей, 7) Холодный домъ, 8) Николай Никльби, 9) Крошка Доррить, 10) Два города Цѣна каждаго романа 40 к Въ папкѣ 50 к.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ. *С Ворисфера* Съ 78 рис Ц 2 р., въ папкѣ 2 р 25 к., въ пер. 2 р 50 к.

ЧРЕЗЪ ДЕБРИ И ПУСТЫНИ *С Ворисфера.* Съ иллюстраціями Ц. 2 р., въ пап 2 р 25 к., въ пер 2 р 75 к.

СКАЗОЧНАЯ СТРАНА. *С Ворисфера* Съ иллюстр Ц. 2 р., въ папкѣ 2 р. 25 к., въ перепл 2 р 75 к

ПРИКЛЮЧЕНІЯ КОНТРАБАНДИСТА. *С Ворисфера* Съ иллюстрац Ц. 1 р. 50 к., въ папкѣ 1 р 75 к., въ пер. 2 р 25 к.

МУЧЕНИКИ НАУКИ *Г Тиссандье.* Переводъ подъ ред *Ф Павленкова* Съ 55 рис. 3 изд. Ц 1 р. 50 к., въ пер 2 р.

НАУЧНЫЯ РАЗВЛЕЧЕНІЯ *Тиссандье.* Пер. подъ редакціей *Ф Павленкова* 353 рис. Ц. 2 р., въ пер 2 р. 75 к

МАТЕМАТИЧЕСКІЯ РАЗВЛЕЧЕНІЯ *Люкаса.* Съ франц Ц. 1 р.

ВЕЧЕРНІЕ ДОСУГИ. *А Круглова* Съ 70 рис Ц 1 р 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ перепл. 2 р.

РЫЖІЙ ГРАФЪ. НЕРАЗЛУЧНИКИ. ДОЧЬ УГОЛЬЩИКА. *П Засодимскаго.* Съ рис Ц каждой книжки по 35 к.

ЖИВЫЯ КАРТИНКИ *А. Смирнова.* Съ 50 рис. Ц 1 р. 50 к., въ папкѣ 1 р 75 к., въ переплетѣ 2 р

ЯНКИ ВОЛОГОДСКАГО УѢЗДА. *А. Круглова.* Съ 6 рис Ц 25 к.

НЕЗАБУДКИ *А Круглова.* Сборникъ разсказовъ. Съ 40 рис Ц. 1 р 50 к., въ папкѣ 1 р. 75 к., въ перепл. 2 р.

ПРИКЛЮЧЕНІЯ СВЕРЧКА. *Э. Кандева.* 67 рис. Ц. 2 р., въ папкѣ 2 р. 25 к., въ переплетѣ 2 р 50 к.

Сочиненія ЛЕРМОНТОВА

Съ портретомъ, біографіей и 115 рисунк. Полное собраніе въ одномъ томѣ Цѣна 1 руб.

Сочиненія ЛЕРМОНТОВА

Съ портретомъ, біографіей и 115 рисунками Полное собраніе въ четырехъ томахъ. Цѣна 1 руб

Дозволено цензурою Спб., 15 іюня 1891 г.

Учебныя руководства и пособія.

КУРСЪ НАЧАЛЬНОЙ МЕХАНИКИ И Рыкачева Съ 197 рисун. Ц 1 р 50 к
ПРАКТИЧЕСКАЯ ГЕОМЕТРІЯ. А. Забіоцкаго Съ 300 чертежами. Ц 60 к.
КУРСЪ МЕТЕОРОЛОГІИ И КЛИМАТОЛОГІИ Профес. Лѣсного Института Д Лачинова Съ 122 рис. и 6 карт. Ц 2 р
ОСНОВАНІЯ ХИМИЧ. ТЕХНОЛОГІИ. В Селезнева Съ 70 рис. Ц 1 р 50 к
ПОЛНЫЙ КУРСЪ ФИЗИКИ. А. Гано Переводъ Ф. Павленкова и В Черкасова 7-е изд. Ц 4 руб.
ПОПУЛЯРНАЯ ФИЗИКА А. Гано. Перев Ф Павленкова, Съ 604 рис. Ц 2 р
КРАТКАЯ ФИЗИКА М Герасимова Съ 335 рисун и 214 задачами. Ц 1 р.
ПОПУЛЯРНАЯ ХИМІЯ. Н. Вальберха и Ф. Павленкова Съ 50 рис Ц 40 к
УЧЕБНИКЪ ХИМІИ А. Ахъмединрена. 96 рис и 140 задачъ Ц 2 р
ОБЩЕПОНЯТНАЯ ГЕОМЕТРІЯ. В. Потонкаго. Съ 143 фиг. Ц. 40 к.
ПРАКТИЧЕСКІЙ КУРСЪ ФИЗІОЛОГІИ. Бурдонъ Сандерсона Переводъ д-ра Фрядберга Переработанъ русскими профессорами. Въ 2-хъ частяхъ со многими рисунками. Цѣна въ одной книгѣ 5 р.
СБОРНИКЪ АРИѲМЕТИЧЕСКИХЪ ЗАДАЧЪ Лубенца. 7-е изданіе Ц 40 к Тотъ же „Сборникъ“ по частямъ Годъ I—12 к. Годъ II—15 к Годъ III—20 к
САМОСТОЯТЕЛЬНЫЯ РАБОТЫ въ начальной школѣ Т Лубенца Ц. 15 к.
УЧЕБНИКЪ ГЕОГРАФІИ для город училищъ И. Плетенева. Съ рис. Ц 30 к.
МЕТОДИКА АРИѲМЕТИКИ. С. Житкова 3-е изд. Ц. 75 к.
СБОРНИКЪ АРИѲМ. ЗАДАЧЪ СЪ УЧИТЕЛЕМЪ Приложеніе къ „Методикѣ ариѳметики“. С Житкова. Ц. 40 к.
СБОРНИКЪ САМОСТОЯТ УПРАЖНЕНІЙ ПО АРИѲМЕТИКѢ Задачникъ для учениковъ. С Житкова 2-е изд Ц 25 к.
ЭПИЗОДИЧЕСКІЙ КУРСЪ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРІИ. А. Кузнецова изд 2-е. Ц 1 р
НАГЛЯДНАЯ АЗБУКА. Ф Павленкова Съ 800 рис 10-е изд Ц. 20 к
ОБЪЯСНЕНІЕ КЪ „НАГЛЯДНОЙ АЗБУКѢ“, Ф Павленкова 7-е изд. Ц. 15 к
РОДНАЯ АЗБУКА Ф. Павленкова, 7-е изд съ 200 рис Ц. 5 к.
АЗБУКА-КОПѢЙКА Ф. Павленкова. 7-е изд. 12 стр. 100 рис Цѣна 1 к.
НАГЛЯДНО-ЗВУКОВЫЯ ПРОПИСИ. Ф. Павленкова. 1) „КЪ РОДНОМУ СЛОВУ“ Ушинскаго (400 рис) 2) „КЪ АЗБУКѢ БУНАКОВА“ (460 рис) 3) КЪ „ПЕРВОЙ УЧЕБНОЙ КНИЖКѢ“ Паульсона (430 рис.) 4) КЪ „РУССКОЙ АЗБУКѢ“ Водовозова (470 рис). 5) ОБЩІЯ НАГЛЯДНО-ЗВУКОВЫЯ ПРОПИСИ (къ другимъ азбукамъ) (464 рис.). Цѣна каждой книжки 8 к.
НАШЪ ДРУГЪ. Книга для чтенія въ школѣ и дома. Барона Н. А. Корфа 5-е изд. съ 200 рис Ц 75 к
ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ХРЕСТОМАТІЯ. А. Тарнавскаго Для низш учебн заведеній и млад классовъ гимназій. Съ 125 рисунками 4-е изд. Ц 60 к
НАЧАЛЬНАЯ РУССКАЯ ГРАММАТИКА. Н. Бучинскаго Ц. 30 к
ЗЕРНЫШКО Первая послѣ азбуки книга для чтенія и письма Т. Лубенца. 1-я книга Ц 30 к. 2-я книга Ц 40 к.
РУКОВОДСТВО къ „ЗЕРНЫШКУ“ Лубенца Ц 50 к.
ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКІЙ БУКВАРЬ. Т Лубенца. 2-е изд. Ц 5 к.
РУКОВОДСТВО КЪ „ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКОМУ БУКВАРЮ“ Т Лубенца. Ц 15 к
КНИГА ДЛЯ ОБУЧЕНІЯ ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКОМУ ЯЗЫКУ А Карпокова Ц. 20 к «Замѣтки для учителя», обучающаго по этой книжкѣ—10 к.
РУССКОЕ СЛОВО. А Павлова. Хрестоматія для гор. училищъ Ц. 1 р
РУКОВОДСТВО къ „РУС СЛОВУ“. Ц 60 к
АЗБУКА ДОМОВОДСТВА и ДОМАШНЕЙ ГИГІЕНЫ Сост М. Кихина. Ц. 75 к.
300 ПИСЬМЕН. РАБОТЪ Задачи для упражненій въ письмѣ для 3-хъ отдѣленій начал. школы Н Корфа Ц 15 к.
ПЕРВОНАЧ. ПРАВОПИСАНІЕ Диктовки и грам. правила. Н. Корфа. Ц. 12 к.
ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО СЪ ФИЗИКОЙ. М. Герасимова. Съ 96 рис Ц. 50 к.
СБОРНИКЪ АЛГЕБРИЧЕСКИХЪ ЗАДАЧЪ, М. Савицкаго. Ц. 40 к
ПЕРВЫЯ ПОНЯТІЯ О ЗООЛОГІИ. Поля Бера. Переводъ подъ ред. проф И Мечникова. 345 рис. 2-е изд Ц 1 р. Въ падкѣ 1 р. 20 к., въ перс 1 р 50 к.
КРАТКІЙ КУРСЪ БОТАНИКИ. М. Сѣнова. Съ 118 рис. Цѣна 50 к.
СБОРНИКЪ ЗАДАЧЪ ПО РУССКОМУ ПРАВОПИСАНІЮ Размѣщена: 1) Элементарныя свѣд о правоп. словъ. Ц. 50 к. 2) Систематическія свѣд. о правоп. словъ Ц. 50 к. 3) Элемент. свѣдѣнія о знакахъ препинанія. Ц. 35 к. 4) Систем. свѣдѣнія о знак препинанія. Ц 35 к
ДЕШЕВЫЙ ГЕОГРАФИЧЕСКІЙ АТЛАСЪ. Десять раскрашен. картъ. Ц 30 к
ОЧЕРКИ НОВѢЙШЕЙ ИСТОРІИ. Григоровича. 5-е изд. 52 портрет. Ц. 2 р.
ОБЩЕДОСТУПНОЕ ЗЕМЛЕМѢРІЕ. А Колтановскаго. 279 рис. Ц 75 к.
РИСОВАНІЕ АКВАРЕЛЬЮ А. Касаня Перев съ франц. О. Кочетковой. 120 политип. и 6 акварел. Ц. 1 р. 50 к.
ОГОРОДНИЧЕСТВО. Практическіе совѣты Ф Шубедера С- 130 рис. Ц. 60 к
НАЧАЛЬНЫЙ КУРСЪ ГЕОГРАФІИ. Корнеля. 11-е изданіе, съ 10-ю раскрашен. карт. и 82 рис. Цѣна 1 р 25 к

Съ осени 1890 года издается задуманная Ф. Павленковымъ біографическая библіотека подъ заглавіемъ:

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ.

Въ составъ библіотеки войдутъ біографіи слѣдующихъ лицъ:

ИНОСТРАННЫЙ ОТДѢЛЪ. Андерсенъ, Аристотель, Байронъ, Бальзакъ, Беккаріа, **Ф. Бекон**ъ, Беранже, Клодъ-Бернаръ, Берне, Бернсъ, Бетховенъ, Бисмаркъ, **Боккаччіо**, Бокль, Бомарше, Дж. Бруно, **Р. Вагнер**ъ, Вашингтонъ, Виклефъ, Л. Винчи, Вольтеръ, Гайдинъ, **Галилей**, Гарвей, Гарибальди, **Гаррик**ъ, **Гегель**, **Гейне**, Гердеръ, **Гете**, Гладстонъ, **Говард**ъ, Гогартъ, **Григорій VII**, **А. Гумбольдт**ъ, **Гусъ**, **Гутенберг**ъ, **Гюго**, Дагерръ и Ніэпсъ, **Даламбер**ъ, **Дантъ**, **Дарвин**ъ, Декартъ, Дефо, **Дженнер**ъ, Дидро, Диккенсъ, Жанна Даркъ, Жоржъ-Зандъ, Золя, Ибсенъ, Кантъ, **Кальвин**ъ, Канова, **Карлейль**, **Кеплер**ъ, **Колумб**ъ, Амосъ-Коменскій, Контъ, **Конфуцій**, Коперникъ, Крашевскій, Кромвель, Кукъ, **Кювье**, **Лавуазье**, Чаплась, Лейбницъ, Лессепсъ, **Лессингъ**, **Ливингстонъ**, **Линкольнъ**, Линней, **Лойола**, Локкъ, Лютеръ, Магометъ, Макіавелли, Масе (основатель международной лиги образованія), Меттерних, **Микель-Анджело**, Мильтонъ, **Мирабо**, **Мицкевичъ**, **Мольеръ**, Мольтке, **Морзе**, **Т. Моръ**, **Моцартъ**, Т. Мюнцеръ, Наполеонъ I, Ньютонъ, Оуэнъ, Паскаль, Пастеръ, Песталоцци, Платонъ, **Прудонъ**, Рабле, **Рафаэль**, Рашель, Рембрандтъ, Ришелье, Ротшильды, Руссо, **Сакіа-Муни (Будда)**, Савонарола, **Свифтъ**, Сервантесъ, **В. Скоттъ**, А. Смитъ, Сократъ, Спенсеръ, Спиноза, Сталь, **Стэнли**, Стефенсонъ, **Теккерей**, **Уаттъ**, Фарадей, Франклинъ, Франциск-Ассизскій, Фультонъ, **Цвингли**, Цицеронъ, Шекспиръ, Шелли, Шиллеръ, **Шопенгауеръ**, Шопенъ, **Эдисонъ**, **Дж. Эліотъ**. Эразмъ, Ювеналъ и другіе.

РУССКІЙ ОТДѢЛЪ: **Аввакумъ**, Аксаковы, Аракчеевъ, Богданъ Хмѣльницкій, Боткинъ, Бутлеровъ, Булгаринъ, **Бѣлинскій**, **Боръ**, Верещагинъ, **Волковъ** (основатель русскаго театра), Воронцовы, Глинка, **Гоголь**, Гончаровъ, Грановскій, Грибоѣдовъ, Дашкова, **Демидовы**, **Достоевскій**, Екатерина II, Зининъ, Ивановъ, Иванъ IV, **В. Н. Каразинъ** (основатель харьк. университета), **Карамзинъ**, Катковъ, С. В. **Ковалевская**, **Кольцовъ**, Баронъ Н. А. Корфъ, Н. И Костомаровъ, **Крамской**, **Крыловъ**, **Лермонтовъ**, Ломоносовъ, **Менделѣевъ**, Меншиковъ, **Миклуха-Маклай**, Н. Милютинъ, Некрасовъ, Никитинъ, **Никонъ**, Новиковъ, Островскій, Петръ Великій, Пироговъ, Писемскій, Посошковъ, Потенкинъ, **Пржевальскій**, **Пушкинъ**, Радищевъ, **Салтыковъ**, Скобелевъ, С. Соловьевъ, **Сперанскій**, Струве, Суворовъ, Л Толстой, Тургеневъ, Гл. Успенскій, Ушинскій, Фонъ-Визинъ, Шевченко, Щепкинъ и другіе.

Каждому изъ перечисленныхъ здѣсь лицъ посвящается **особая книжка**, *въ 80—100 страницъ съ портретомъ. При біографіяхъ путешественниковъ, художниковъ и музыкантовъ прилагаются геогр. карты, снимки съ картинъ и ноты.*

Жирнымъ шрифтомъ напечатаны имена лицъ, біографіи которыхъ вышли до 15 сентября 1891. г. Новыя біографіи выходятъ по 4 въ мѣсяцъ.

Главный складъ въ книжномъ магазинѣ П. Луковникова. (Спб. Лештуковъ пер., № 2). **Цѣна каждой книжки 25.**